

НА

Миг стремительной атаки

БОЕВОМ ПОСТУ

1998
МОСКВА

ВСЕМИРНЫЕ ЮНОШЕСКИЕ ИГРЫ
ПОД ПАТРОНАЖЕМ МОК

О чем молчат
СФИНКСЫ

Цена победы -
жизнь

8 '98

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

ВСЕМИРНЫЕ ЮНОШЕСКИЕ ИГРЫ Москва, 1998

На страже
общественного порядка.
Фото Александра ЛЕБЕДЕВА
и Ильи ЗЛОТНИКА

На вопросы корреспондента журнала
отвечает губернатор Ставропольского края
Александр ЧЕРНОГОРОВ

ПОМОГАДИ И БУДЕМ ПОМОГАТЬ ВОЙСКАМ

— Александр Леонидович, традиционный для начала беседы вопрос. Расскажите, пожалуйста, о себе, своем трудовом пути.

— Родился в 1959 году в простой крестьянской семье в селе Воздвиженское Апанасенского района. Это на севере Ставрополья, на границе с Калмыкией.

Со школьной скамьи познал, что такое тяжелый труд в поле. Работал помощником комбайнера, потом комбайнером на уборке зерна, механизатором на вспашке, культивации, севе. Всего свыше десяти сезонов отработал. И сейчас каждый свой день рождения, 13 июля, провожу за штурвалом комбайна. Тянет к земле, к родному дому.

Имею два высших образования: инженерное и юридическое. Окончил с отличием Кубанский сельскохозяйственный институт, позже — Российскую академию управления.

Много лет отдал комсомольской работе, в том числе в качестве первого секретаря краевого комитета ВЛКСМ. В девя-

ностые годы — преподаватель государственно-правовых дисциплин в университете. В 1995 году был избран депутатом Государственной Думы России, а осенью 96-го — губернатором края.

— Я знаю, что вы занимались спортом, имели неплохие результаты. Расскажите подробнее об этом.

— Мастер спорта по военно-прикладному многоборью, призер первенства России. Спортивная подготовка и сейчас очень помогает в работе, требующей больших затрат сил и энергии. Ведь приходится решать массу серьезных проблем. Среди них далеко не на последнем месте стоят военные вопросы.

— Прошло уже полтора года, как 101-я бригада внутренних войск была выведена из Чечни и размещена в Ставрополе. Военнослужащие до сих пор с благодарностью вспоминают ту бескорыстную и поистине всенародную помощь, которую оказали жители Ставрополья в их обу-

стройстве на новом месте. Инициатором движения в поддержку военнослужащих выступила краевая администрация во главе с вами. Вы и сейчас оказываете бригаде большую помощь. Но, несмотря на это, нерешенных проблем, связанных с бытоустройством личного состава, по-прежнему много. Какова сегодня ситуация вокруг этой воинской части?

— Вы правильно сказали, что помощь бригаде оказывали всем миром. Были организованы специальные штабы по сбору продуктов, теплых вещей и обуви, сигарет... Люди несли все что могли. Даже школьники продукты собирали, причем не по указке взрослых, а по своей инициативе. Пресса нам тогда очень помогла, газеты буквально пестрели призывами о помощи воинам 101-й. Помню, в одну из редакций звонит бабушка: "Приезжайте, возьмите у меня для солдатиков варенья — сама я хо-

доть не могу". И везли все это в бригаду — кто на своей машине, а кто через штаб передавал.

Мы не знали, что принято решение о переводе в Ставрополь бригады внутренних войск и одновременно 205-й мотострелковой — в Буденновск. У нас ни дня на подготовку не было. Пришлось в экстренном порядке решать массу тяжелых социально-экономических проблем.

Должен сказать, что все зависящее от края мы сделали, и даже больше. Хотелось бы добиться выполнения всех обещаний и от центра.

Из запланированных специальным постановлением правительства России средств для обустройства выведенных из Чечни войск выделены всего лишь 40 процентов. По этой причине воинские части внутренних войск, размещенные не только в Ставрополе, но и в Зеленокумске, Нефтекумске, в других городах и селах, до сих пор полностью не обустроены. Не завершены работы по реконструкции помещений под казармы, столовые и другие объекты. Нет жилья для семей офицеров и прапорщиков.

В декабре прошлого года вышло другое постановление правительства — "О неотложных мерах по стабилизации и развитию экономики Ставропольского края", в котором также заложены меры по скорейшему финансированию обустройства войск, однако в этом году средств еще не выделялось.

Такое положение вещей, конечно же, недопустимо. Особенно если учесть сложную политическую и экономическую ситуацию, сложившуюся в регионе. Сегодня в Ставропольском крае размещены 180 воинских частей. В краевом центре каждый деся-

тый, а в Буденновске каждый пятый — военный. Поэтому мы вправе рассчитывать на особое внимание центра к Ставрополю.

— На вашу долю выпала нелегкая участь возглавлять край, который граничит с Чечней. Несмотря на то, что достигнуты договоренности о мирном урегулировании вооруженного конфликта, обстановка в приграничных районах по-прежнему сложная и напряженная. Не прекращаются похищения людей и угон скота, грабежи и разбои на дорогах. Жители вынуждены покидать родные места, бежать из обжитых домов, спасая себя и своих детей. Что предпринимает краевое правительство по нормализации обстановки, какую помощь оказывает командованию Вооруженных сил, внутренних войск, руководству правоохранительных органов, подразделения и части которых несут службу на стреляющих кордонах?

— Здесь хотелось бы внести ясность. Обстановка на административной границе действительно сложная. Случаются угон скота, совершаются другие преступления, причем в приграничном Курском районе намного чаще по сравнению с другими районами края. Но не надо думать, что на территории Ставрополья бандиты чувствуют себя вольготно. Обстановка контролируется органами МВД и внутренними войсками.

Со своей стороны, правительство края делает все возможное для улучшения ситуации. Создан Совет по экономической и общественной безопасности, который возглавляет губернатор. На его выездном заседании в Курском районе утверждён план дополнительных мероприятий по защите населения от преступ-

ных посягательств, обеспечению конституционного порядка в районах административной границы. Это довольно большая программа, включающая в себя как первоочередные меры, так и рассчитанные на перспективу. В частности, по укреплению охраны границы — вплоть до создания конкретных КПП и ремонта мостов. Району выделяется дополнительная милицейская рота. И это несмотря на скудность краевого бюджета, на общую неуккомплектованность милиции на Ставрополье.

Мы идем и на личные контакты с руководством Чечни. Кто-то такую дипломатию не приемлет, мол, чего с бандитами разговаривать. Да, был Буденновск, были теракт в Пятигорске и захваты заложников в Минеральных Водах. Была война, в конце концов. Но мы не можем сидеть сложа руки в ожидании указания из Москвы, как нам строить отношения с Чечней.

Вы же посмотрите, что, в сущности, произошло. Федеральный центр вывел войска и оставил все в подвешенном состоянии. А расхлебывать — нам, ставропольцам.

Лично для меня главное — это безопасность жителей края. Известно, что худой мир лучше доброй ссоры. В результате контактов с правоохранительными органами Чечни удавалось не раз освобождать заложников, возвращать угнанный скот.

И мы помогаем соседям — там ведь люди живут, им и сеять, и пахать надо. Недавно из Грозного вернулась делегация краевого правительства во главе с председателем С. Ильясовым. Заключение несколько соглашений, по которым будем торговать с Чечней. В основном это поставки ставропольских продук-

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

ктов в обмен на относительно дешевые ГСМ.

— Командование Северо-Кавказского округа внутренних войск и командование временной оперативной группировки сил делают все от них зависящее, чтобы надежно защитить жителей приграничных районов от бандитских набегов. Но они не в состоянии перекрыть все дороги и тропки, ведущие из Чечни на Ставрополье. Вы неоднократно ставили перед руководством страны вопрос об увеличении численности войск правопорядка для прикрытия административной границы. Часть ваших требований нашла поддержку и понимание. Теперь, после смены правительства, надеетесь, что вопросы будут решены?

— Речь о размещении полка внутренних войск рядом с административной границей идет уже давно. А воз, как говорится, и ныне там. Территория под военный городок вблизи станицы Курской уже давно выделена, но она не обустроивается: нет денег.

Большие надежды связываем с недавно опубликованным указом президента о создании при МВД Российской Федерации оперативного штаба, призванного координировать усилия силовых ведомств в Северо-Кавказском регионе. Штаб будет находиться в Ставрополе, и я думаю, это не случайно. Ведь сегодня наш край — южный форпост России.

Руководит этой структурой генерал-полковник Л. Шевцов, заместитель министра внутренних дел России. Он владеет ситуацией в регионе, человек энергичный, решительный, уважаемый. Вы его, конечно же, прекрасно знаете. До недавнего времени Леонтий Павлович командовал внутренними войсками страны.

С ним у нас сложились хорошие деловые отношения. Надеюсь, оперативный штаб МВД поведет работу так, что голос Ставрополя будет лучше слышен в Москве.

Хочется верить также: центр не задержится с ответными действиями, усилит свое влияние на ситуацию в крае. Я убежден, в федеральных органах власти хорошо понимают всю остроту положения на Северном Кавказе в связи с неопределенностью статуса Чеченской республики, проявлениями сепаратизма, нагнетанием межэтнической и религиозной напряженности. Но все же приходится констатировать, что важные и нужные мероприятия по стабилизации обстановки пока не успевают за событиями. В целом политика России в регионе остается аморфной и малоэффективной, что вполне закономерно вызывает стремление самостоятельно решать многие из возникающих проблем. И эту тенденцию сегодня уже невозможно игнорировать. В то же время отношение центра к региональной инициативе в лучшем случае выжидательное. Не может не удивлять и то, что финансирование воинских частей и подразделений, дислоцированных на территории края, несмотря на указ президента, постановления правительства России и другие правовые акты, осуществляется по остаточному принципу. Говорил об этом неоднократно и еще раз хочу подчеркнуть: данные проблемы касаются не только отдельно взятого субъекта Российской Федерации, это проблемы обеспечения стабильности на Северном Кавказе и, по большому счету, безопасности и целостности государства.

— Специальные моторизованные части внутренних войск

вносят весомый вклад в борьбу с преступностью в городах Ставрополя и на курортах Кавминвод. Находится ли место в реестре ваших многочисленных забот этим воинским коллективам?

— Как уже отмечал, наш край стал одним из самых милитаризованных субъектов России. Поэтому, конечно, забот хватает. Не могу сказать, что кого-то мы особенно выделяем — сотрудничаем практически с каждой воинской частью, будь то подразделение армейцев, пограничников или СМВЧ внутренних войск. В правительстве края создан отдел по делам военнослужащих, комиссия по социальной защите военнослужащих и членов их семей. Работы здесь, поверьте, непочатый край. Стараюсь держать на постоянном контроле вопросы наших военных, в том числе и таких крупных частей, как 101-я бригада. Помогали и будем помогать войскам.

— Ваши пожелания военнослужащим внутренних войск, читателям нашего журнала.

— Знаете, я с интересом читал и читаю ваш журнал. Несмотря на специфику издания, он рассчитан на самый широкий круг читателей. Хочу пожелать коллективу редакции журнала "На боевом посту" дальнейших успехов и творческих поисков. Всем читателям — здоровья, благополучия, мирного неба, а военнослужащим внутренних войск — мужества, отличной службы, удачи.

Беседу вел
подполковник
Николай КАМШЕКИН

Содержание

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НА
БОЕВОМ ПОСТУ

№ 8 ♦ 1998

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное командование
внутренних войск

111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная улица,
9а

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический
проезд, 8.
Телефон для справок:
361-81-71

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

А. ЧЕРНОГОРОВ

Помогали и будем помогать войскам . . . 1

Проблемы Ставропольского края — одного из самых сложных сегодня субъектов Российской Федерации — это проблемы обеспечения стабильности на Северном Кавказе в целом и, по большому счету, безопасности и целостности государства.

НА ПОВЕСТКУ ДНЯ

И. МУЧАК

Уязвимость социальной защиты 6

Из редакционной почты 7

ЮБИЛЕИ

Ф. БУБЕНЧИКОВ

Дело жизни генерала Яковлева 8

Войскам повезло, что в сложнейший момент их возглавил человек, не только умеющий трудиться вдумчиво, но и способный организовать деятельную работу подчиненных на очень широком фронте. На таком посту нужен был именно такой военачальник...

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

С. КОЛЕСНИКОВ

Цена победы — жизнь 12

Это произошло 19 августа 1996 года. За несколько дней до объявления в Чечне перемирия. Указом Президента России за мужество и отвагу, проявленные при выполнении специального задания, рядовой Трубанов был удостоен звания Героя Российской Федерации. Посмертно.

А. КАМШЕКИН

Шел парнишке в ту пору 17

СЛУЖБА

В. НИКОЛЬСКИЙ

Да, скифы мы! 19

— Вот здесь и обитают современные скифы, — выйдя из машины, сказал подполковник. Сняв ветровку, Сергей Анатольевич показал пришитый на рукаве полевки шеврон с эмблемой и названием отряда.

А. ВИНОГРАДОВ
Миг стремительной атаки 22

Хорошо летать и воевать — удел немногих. Вершин боевого мастерства, как правило, достигают только избранные, самые настойчивые и упорные, для которых летный труд не просто профессия, а призвание. О них говорят: летчик от Бога.

И. СОФРОНОВ
О чем молчат сфинксы 27

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

На чашах весов — авторитет военнослужащего ("круглый стол") 30

РЕТРОСПЕКТИВА

Ю. СУХАРЕВ
Генерал Николай Евдокимов:
«Первая филантропия — своим...» 34
Русское казачье население Северного Кавказа относилось к Евдокимову как к последовательному защитнику его интересов и истинному победителю-мировотворцу.

Н. СЫСОЕВ
Свидетель беззаконий 39

В августе 1938 года ежовские следователи раскрыли очередную "глубоко законспирированную антисоветскую организацию", в списки которой попало большинство лиц высшего и старшего командного состава внутренних войск. Среди них — комбриг Вольдемар Августович Ульмер.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

С. КАМЕНЕВ
Рассказы ("Твой Лаврентий Берия...", Сэнсэй) 44

А. ЩЕГЛОВ
Вечер нашей встречи (стихи) 60

И. ДЕГТЯРЕВА
Билеты до Ростова (рассказ) 61

Н. СЕРБОВЕЛИКОВ
Родные стены (стихи) 74

КАЛЕЙДОСКОП

А. ПИМАНОВ:
«Вы нужны России!» 75

Беседа с автором и ведущим телепередачи "Человек и закон".

Шахматный клуб 79

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А.
ДОМОЖИРОВ В.К.
(зам. главного редактора)
ЕРМИЛОВ А.М.
(зам. главного редактора)
КАРЕВ А.Н.
(ответственный секретарь)
КАРПОВ Б.В.
КИСЛЫЙ Ю.П.
КУДРЯШОВ В.И.
МУЧАК И.Н.
СИМОНОВ А.В.
ШЕРЕМЕТА В.А.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.
БУКАТКО В.С.

На 1-й странице обложки
фото
И. ЗЛОТНИКА.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации.
Регистр. № 01420.
Имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник учебно-
методических материалов
"Войсковой вестник"

За достоверность информации,
точность фактов, цифр и цитат
ответственность несут авторы.
При перепечатке
материалов ссылка на наш
журнал обязательна.

© Журнал
"На боевом посту", 1998

Сдано в набор 23.06.98 г.
Подписано к печати 4.08.1998 г.
Формат бумаги 84x108 1/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 13,6. Зак. №. 1292
Тираж 2600
Индекс
для индивидуальных подписчиков —
70610
для предприятий и организаций —
73175

Ордена "Знак почета" типография
"Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38

Уязвимость СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Что представляет собой правовое государство, юристы-теоретики растолкуют вам по пунктикам со всеми академическими выводами. Все вроде предельно ясно и понятно в хитросплетении различных ветвей власти. Вопросы возникают потом, когда заходит речь о реализации конкретных прав и социальных гарантий граждан. Особенно если эти права и гарантии у людей возникают нежданно-негаданно — в связи с ранением, контузией, тяжелым увечьем или смертью. Вот тогда-то и осознаем, насколько мы ошибаемся в определении правового государства, какова цена параграфов и пунктов правовых актов. В правовом государстве граждане должны быть защищены от произвола бюрократов.

Почти десять лет прошло после вывода войск из Афганистана. Солдаты той войны уже немножко поостыли от обжигающей равнодушно-презрительной фразы "Я вас в Афганистан не посылал". За пятьдесят лет еще не успели рассчитаться с ветеранами Великой Отечественной, а тут появляются новые "нахлебники государства" — ветераны афганской войны. А сейчас еще и чеченской. Сегодня родилась новая кощунственная бюрократическая формула: "Вы из гибели своего сына хотите извлечь выгоду". Так на законное требование восстановить семью Героя России Александра Галле в очереди на улучшение жилищных условий ответил начальник нефтебазы, где работали родители. При помощи руководства Сибирского округа внутренних войск удалось восстановить справедливость. Но после этого для родителей были созданы такие условия, что мать Героя, Надежда Александровна, за несколько лет до пенсии вынуждена была уйти с работы. Защищая интересы государства погиб сын, а чинуша своим равнодушием терзает разбитое горем сердце матери.

Казалось бы, уже давно можно выработать механизм социальной защиты военнослужащих, пострадавших в вооруженных конфликтах. В 1183 российских семьях не дождалось своих сыновей, мужей, братьев, которые проходили службу во внутренних войсках и сложили свои головы на чеченской войне. Тысячи получили ранения, контузии и увечья, сотни на многие годы прикованы к постели, десятки — на всю жизнь к инвалидной коляске. И семьи погибших, и пострадавшие в этой мясорубке нуждаются в социальной защите.

Забота о тех, кто свое здоровье положил на алтарь Отечества, — обязанность государства. Реальность и осязаемость такой заботы — признак здорового общества. На бой кровавый призывает своих вооруженных защитников государство, и в случае уклонения от выполнения воинского долга оно спросит со всей строгостью закона, будьте уверены. А потом, когда солдаты Отечества получают ранения в бою, государство вроде

и не бросает их на произвол судьбы. Много хороших и нужных законов издано в последнее время. Но иногда вопросы социальной защиты, предоставления льгот и компенсаций решаются нечестными, бессовестными, аморальными личностями, которые засели на руководящих постах. И порой очень тяжело найти управу на зарвавшихся бюрократов.

Наше общество поражено недугом. В подземных переходах, в вестибюлях станций метро, на оживленных перекрестках инвалиды в камуфляже, бывшие солдаты, выпрашивают милостыню. Кто все никак на протез накопить не может, а кому-то просто жить не на что.

Ком подкатывает к горлу, и пальцы невольно сжимаются в кулак до хруста в суставах, когда читаешь письма, которые приходят в адрес журнала. Они — о доблести и мужестве наших солдат и о черством, бездушном отношении к инвалидам и семьям погибших военнослужащих.

В 1996 году "грузом 200" тело Алексея Гуренчука прибыло в Иваново в День защитников Отечества. С тех пор семья погибшего солдата стучится во все двери с мольбами о помощи. Только в ноябре 97-го на имя матери, Ольги Анатольевны, переслали страховые и другие компенсационные выплаты. Но после гибели сына бедная женщина так и не смогла оправиться от тяжелой болезни и умерла еще в августе.

Родители Олега Шкляева вынуждены были на два месяца оставить работу и мотаться в поисках сына по Северному Кавказу. Вернувшись и захоронив останки сына, обратились к депутатам райсовета с просьбой оказать семье материальную помощь. Было принято решение выделить небольшую сумму. Но глава администрации района дошла до прокурора, чтобы опротестовать решение депутатов. "Это не наш покойник", — изрекла эта женщина.

В свидетельстве о смерти Алексея Емелина записали просто: погиб в такой-то воинской части на территории России. А такая формулировка не дает права на льготы. Только спустя месяцы хождений по кабинетам матери удалось восстановить истинное место и причину — Чечня, огнестрельное ранение.

Бруно Ясенский, советский писатель, как-то сказал: "Не бойся врагов — в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей — в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных. Они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательства и убийства".

**Подполковник Иван МУЧАК,
начальник отдела социальных проблем
и воинского воспитания**

Из редакционной почты

Уважаемая редакция!

Не можете ли вы разъяснить, какие льготы, если они есть, имеют родственники погибших? Приравнены ли события в Чечне к военным действиям? Правда ли, что солдат срочной службы, воевавших в Чечне, приравнивали к контрактникам? Если да, то что это означает? Многие ведь ничего не знают.

После гибели сына из части я получила единовременное пособие — 120 минимальных размеров оплаты труда. А мои знакомые, родители погибшего парня, который служил в той же части, в июне 96-го года получили 40 миллионов. В чем тут разница?

Такая же история и со страховкой. Стыдно об этом писать, буд-то милостыню выпрашиваешь. Но мы, родители погибших солдат, общаясь между собой, задаем эти вопросы и не находим ответа. Может, вы нам ответите? Заранее благодарю.

Татьяна БАСОВА

Республика Марий Эл

Уважаемая редакция!

Мы уже все нервы истрепали в бесконечном и бесплодном общении с игринской администрацией и военкомом. Как приехали в марте из Ростова, как похоронили сына, так и не перестаем ездить в Игру.

О том, что наш сын в Чечне, мы узнали совершенно случайно, от военнослужащих срочной службы, которые его там видели. Сначала он писал еженедельно, потом долго не было писем, и с августа 1996 года мы его начали разыскивать. Только в начале января следующего года нам разрешили выехать в Ростов. Хотя уже в октябре месяце в военкомате было извещение о гибели сына, но нам его никто не передал, сообщили, что пропал без вести. В Ростове мы пробыли почти три месяца, собирали сами все документы. Все это время пришлось не работать, дочь, студентка, вынуждена была оформить академический отпуск по уходу за бабушкой. Мы считаем, что розыск без вести пропавших военнослужащих — забота не только родителей, но и военкома. За поездку нам не выплатили никаких командировочных. Мне посоветовали обратиться к депутатам Игринского района с просьбой о материальной помощи, чтобы хоть немного возместить расходы, связанные с розыском и похоронами нашего сына. Депутаты приняли решение выделить нам семь миллионов рублей. Но глава администрации района, с помощью прокурора, опротестовала решение райсовета.

В настоящее время наша семья никакими льготами не пользуется, до сих пор военком района не может сказать ничего конкретного по этому поводу, только ссылается на отсутствие законодательства. Посоветуйте, куда нам еще обращаться за помощью?

С уважением —

**Татьяна Николаевна
и Валерий Максимович ШКЛЯЕВЫ**

Республика Удмуртия, Игринский район.

...Сейчас начала собирать документы, чтобы получить страховку за сына. Собрала все справки, кроме справки о денежном содержании. Отправила запрос в часть, но ответа до сих пор нет. Поэтому в Москву в страховую компанию отослала письмо, может, там меня поймут.

Высылаю вам копию талона к почтовому переводу, присланному из части в 1996 году. Но мне интересно, а где денежное содержание сына за период с мая по сентябрь 95-го. И что это за сумма такая — девять тысяч в месяц. Наверное, только в нашей стране могут выплатить столько за то, что он воевал в горячей точке. Помогите мне, пожалуйста, разобраться во всем и получить то, что было положено моему сыну. Надеюсь на вашу помощь.

С уважением к вам —

Юлия Михайловна ШКЛЯРУК

г. Мончегорск, Мурманская область.

...Меня очень разочаровали внутренние войска. Я только через полгода получила свидетельство о смерти, а страховка мне вообще непонятно когда придет. Хотя в нашем городе ее уже получили несколько семей. А мой сын погиб, наверное, на другой планете, а не в России, в составе ее внутренних войск. Извините за резкие слова.

С уважением —

СТРУКОВА

г. Магнитогорск

...У нас в Иванове к семьям погибших относятся наплевательски. После похорон сына наобещали чуть ли не золотые горы: установим телефон, проведем в дом водопровод. А потом начались отписки. Телефон подключить нельзя, нет номеров. Но на очередь поставили за номером 76.

Я работаю слесарем на фабрике, получаю 500 рублей. Жена не работала по состоянию здоровья. Когда Алешу призывали в армию, она лежала в больнице. Через восемь месяцев ее выписали на работу. Но там для нее создали такие условия, что вынуждена была уволиться. Год находилась на учете в центре занятости. По состоянию здоровья ей не предлагали никакой работы. А после гибели сына у нее отказали ноги, она еле передвигалась, все никак не могла прийти в себя. Инвалидность ей не давали, и на работу невозможно было устроиться. А ведь у нас еще трое детей. Александр работает водителем, но зарплата у него мизерная. Дочь Люда учится в десятом классе, Миша — в восьмом. Даже пособие на детей, и то не выплачивают. А тут в августе умирает жена. На пенсию по случаю потери кормильца так и живем.

Военный комиссар Фрунзенского района первое время говорил: "Приходите ко мне в любое время, двери для вас всегда открыты". А когда приходили в последний раз, даже не удостоил вниманием, хотя у него и был день приема.

Моя жена умерла в августе, а пособие по случаю гибели сына нам перевели только в ноябре. Жена его не успела получить при жизни, и деньги ушли обратно в часть. До сих пор я не могу получить эти деньги. Если можете, помогите нам.

Извините, если что не так. Просто иногда хочется поделиться с кем-то своей болью. И чтобы от нее не отмахнулись, а откликнулись и выполнили свой долг. Так, как его выполнил мой сын.

С уважением —

ГУРЕНЧУК

г. Иваново

225

Годы и судьбы

ДЕЛО ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА ЯКОВЛЕВА

В октябре 1968 года я, в то время начальник Орджоникидзевского военного училища внутренних войск МВД СССР, представлялся начальнику войск И.К.Яковлеву. Известно, что приходу любого нового командира и начальника, тем более если он из другого ведомства, предшествуют разного рода слухи. В отношении генерал-лейтенанта танковых войск, возглавившего войска МВД, армейский “беспроволочный телеграф” (скорость и достоверность которого не разгаданы до сих пор) донес весьма лестную “объективку”: заслуженный фронтовик, но моложавый и энергичный, имеет орден Ленина, три (!) ордена Красного Знамени, орден Суворова III степени. Это говорило о многом...

Сегодня, спустя тридцать лет после нашего знакомства с Ива-

ном Кирилловичем, вспоминаю восемнадцать лет службы под его началом, говоря по-современному — в его команде, как годы нелегкого, но интересного ратного труда. То был длительный период становления, развития внутренних войск, годы, которые сегодня вспоминаются по-доброму, с известной долей ностальгии.

Иван Кириллович Яковлев принял войска в мае 1968 года в очень непростое для всех нас время. Хрущевской реформой (ох уж эти реформаторы!) в 1960 году было необоснованно ликвидировано союзное министерство внутренних дел. Части внутренних войск перешли в подчинение МВД союзных республик. Союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка было образовано в 1966 году. Такие

пертурбации не могли не сказаться на здоровье и самочувствии сложного войскового организма. Было разрушено не только сложившееся годами централизованное управление войсками. Заново нужно было отлаживать систему подготовки кадров, на иных началах осуществлять планирование и руководство служебно-боевой деятельностью, боевой и мобилизационной подготовкой, иначе решать вопросы всестороннего обеспечения войск.

Войскам повезло, что в этот самый сложный момент их возглавил человек, не только сам умеющий трудиться вдумчиво, не покладая рук, но и способный организовать деятельную работу подчиненных на очень широком фронте. На таком посту нужен был именно такой военачальник...

Генерал армии Иван Кириллович Яковлев прошел нелегкий боевой путь еще до прихода во внутренние войска: уже тридцать лет службы было за его плечами, две войны — финская и Великая Отечественная. Обширные военные знания, полученные в двух академиях — бронетанковых войск и Генштаба, подкреплены практикой работы в командных и штабных должностях, вплоть до заместителя командующего войсками Московского военного округа. И здесь, по собственному признанию Ивана Кирилловича, произошел неожиданный поворот в его служебной биографии...

Не сомневаюсь в том, что руководство страны отчетливо ощущало повышение роли войск правопорядка в жизни великой державы. Свидетельством особого внимания к внутренним войскам явилось то, что их начальника лично принял генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И.Брежнев, а месяцем позже — председатель правительства СССР А.Н.Косыгин. И если прием военачальника генсеком носил, по большому счету, номенклатурно-символический, политический характер, то представление и доклад А.Н.Косыгину имели важные и далеко идущие для практической жизни войск последствия. Именно после того обстоятельного разговора с главой правительства были приняты важные решения, создавшие стартовые условия перестройки и организационно-боевого укрепления войск. Иван Кириллович Яковлев не раз вспоминал об этом с глубокой благодарностью.

Именно тогда, в ноябре 1968 года, после образования Министерства внутренних дел СССР, не только появилась привычная для нас на многие годы аббре-

виатура — ГУВВ, но с каждым днем все ощутимее становились военной организованность, сила и надежность наших войск. Уже в апреле 1969 года был утвержден Устав боевой службы внутренних войск МВД СССР, и лозунг “Боевая служба — наша главная задача” стал отныне девизом каждого военнослужащего, от солдата до генерала. Вскоре был образован военный совет, который под началом генерала И.К.Яковлева определил приоритетные направления строительства войск. За короткое время начальник войск (замечу, что и тогда его чаще называли командующим) посетил десятки соединений и частей, глубоко вникая в служебно-боевую деятельность, условия расквартирования, жизни и быта личного состава.

ры войск. Десятки дивизий, бригад, полков, разбросанных на огромных территориях, замыкались непосредственно на начальника войск и его немногочисленный аппарат управления, в котором некоторые важные службы отслеживались лишь одним или двумя офицерами. Создание региональных управлений по типу армейских округов диктовалось самой жизнью.

Соответствующие предложения начали длинный и тернистый путь в инстанциях: ЦК КПСС, Совмин СССР, Минобороны, Минфин, Госплан.

Название “округа внутренних войск” вызвало почти всюду острую аллергию — боязнь показать “лишнюю вооруженную силу” в государстве побеждала разумную целесообразность. Но тем не менее были созданы зо-

*Генерал армии И.К.Яковлев
на торжествах в честь 70-летия ОДОН. 1994 год*

Особое внимание он уделял изучению кадров дивизионного, бригадного и полкового звена. Именно тогда прозорливый военачальник почувствовал острую необходимость совершенствования организационной структу-

нальные управления внутренних войск, и они стали заметным шагом вперед.

Год от года совершенствовались структура и качественный состав управлений главка. В штабе войск было развернуто

Чернобыль-86

подразделение автоматизированного управления войсками, специальное конструкторское бюро занялось разработкой инженерно-технического оборудования различного назначения, которое активно внедрялось в частях войск.

Здесь трудно перечислить весь комплекс проблем управления войсками, которые настойчиво решались. Генерал И.К.Яковлев, человек творческий, сам находился в постоянных поисках путей совершенствования войск и требовал того же от подчиненных. "Всеобщую перестройку" никто не провозглашал, не было словесной трескотни. Просто, опираясь на возможности войск, остро чувствуя

нерешенные вопросы, мы искали пути решения проблем, принятые решения проводили в жизнь последовательно, настойчиво, взвешенно.

Не ошибусь, если скажу (это не раз подтверждали и преемники генерала Яковлева на первой должности в войсках), что Ивана Кирилловича особо отличало умение работать с кадрами. В войсках даже говорят о "фирменной" яковлевской кадровой системе. Он всегда стремился не только подготовить и воспитать офицеров и генералов, перемещать их последовательно с одной ступени служебной лестницы на более высокую соответственно способностям и для пользы общего дела, но и со-

хранить для войск надежный кадровый фонд. В управлении кадров главка четко усвоили требование начальника войск — ни один офицер, даже лейтенант, не может быть уволен без вызова на беседу к командованию войск. И это требование не было пустой формальностью, этой работе придавалось огромное значение. За проступки, дискредитирующие звание офицера, или по деловой непригодности из войск увольнялось менее одного (!) процента молодых офицеров, прослуживших до трех лет.

В 1971 году было образовано Новосибирское высшее военное командное училище МВД СССР, в 1973 году высшими стали дру-

гие наши заслуженные вузы, в 1977 году на войсковой главк было возложено руководство Высшим политическим училищем МВД СССР. В 1981 году было создано Пермское ВВКУ. В военных академиях и на курсах "Выстрел" появились факультеты и кафедры подготовки офицеров внутренних войск.

Особое значение для войск, для закрепления офицерских кадров имело решение квартирной проблемы. Именно благодаря настойчивости генерала И.К.Яковлева решением ЦК КПСС и Совмина Союза на внутренние войска было распространено положение о выделении 10 процентов вводимого в строй жилого фонда в республиканских, краевых и областных центрах. Чувствуя такую заботу о своих семьях, офицеры и прапорщики в большинстве своем служили на совесть.

Забота о людях не была для начальника войск лозунгом, временной кампанией. Те, кто служил во внутренних войсках при генерале И.К.Яковлеве, хорошо помнят все его начинания, доведенные до победного конца, когда результаты их заметно повышали качество выполнения служебно-боевых задач, облегчали нагрузку на личный состав, высвобождали время для боевой учебы, культурного досуга, улучшали войсковой быт.

Если в шестидесятые годы большинство казарменных и караульных помещений (особенно в отдаленных лесных гарнизонах) представляли собой бараки и избы, то в восьмидесятые годы это были сплошь благоустроенные, с паровым отоплением, со всеми удобствами цивилизации военные городки. Когда в стране ощущалась нехватка продовольствия, во внутренних войсках бурно развивались подсоб-

ные хозяйства, поставлявшие на солдатский стол едва ли не весь набор продуктов, предусмотренных нормами довольствия.

Внутренние войска отвечали на заботу государства верным и самоотверженным служением. Помимо выполнения огромного объема повседневных служебно-боевых задач они всегда были в высочайшей готовности действовать при любого рода чрезвычайных обстоятельствах. Можно для примера вспомнить их участие в карантинных мероприятиях во время вспышки холеры в 1970 году в Астрахани и Одессе, в 1973 году вновь в Астрахани, в ликвидации последствий лесных пожаров в Иркутской области в 1971 году.

Когда название нашей страны произносилось в связи с событиями планетарного масштаба — Олимпийскими играми или Всемирным фестивалем молодежи и студентов, личный состав внутренних войск, говоря военным языком, действовал по усиленному варианту несения боевой службы во благо сограждан и гостей со всего мира. И здесь за организацией всей службы войск стояли опыт и командирская власть генерала И.К.Яковлева.

Ветераны войск помнят и то, как части внутренних войск вводились для пресечения массовых беспорядков в города Северного Кавказа. В январе 1973 года в Грозном и в октябре 1981 года в Орджоникидзе именно войска правопорядка показали пример того, как можно и нужно гасить пламя межнациональной кровопролитной розни...

Хорошо помню, как четверть века назад на краповых погонах наших солдат появились золотые буквы ВВ. Внутренние войска завоевывали все большее уважение в государстве. И если

их начальник Иван Кириллович Яковлев принимал их в звании генерал-лейтенанта танковых войск, то спустя годы на его погонах появилась большая звезда генерала армии как признание того, что внутренние войска стали воистину прекрасным отлаженным военным организмом, способным решить самые сложные правоохранительные и оборонные задачи.

Мне хотелось сегодня рассказать молодому поколению воинов внутренних войск о генерале армии И.К.Яковлеве. А получился ретроспективный очерк по истории войск. Наверное, иначе и быть не могло, ведь биография Ивана Кирилловича — это и есть история внутренних войск в их очень трудный, тем не менее замечательный период.

В день своего 80-летнего юбилея генерал армии И.К.Яковлев остается в строю — он успешно выполняет ответственную миссию консультанта главнокомандующего, плодотворно работает в совете ветеранов Главкомата войск. Как и тридцать лет назад, несколько поколений войсковых офицеров и генералов держат на него равнение.

Здравия желаем, дорогой Иван Кириллович!

Федор БУБЕНЧИКОВ,
генерал-лейтенант
в отставке

Фото
Александра АЛЕКСАНДРОВА
и Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Твои Герои, Россия

ЦЕНА ПОБЕДЫ — ЖИЗНЬ

Последние минуты жизни Владимира Трубанова четко зафиксировала видеокамера: бой на дороге, шипение кумулятивной гранаты, стрекотание башенного пулемета, барабанная дробь рвущихся боеприпасов... Когда боевую машину охватило всепожирающее рыжее пламя и из всех дыр повалил черный едкий дым, траурно-трагический голос за кадром известил: «В этой "бээрдээмке" заживо сгорел солдат новосибирского полка». Это произошло 19 августа 1996 года, за несколько дней до объявления в Чечне перемирия. Указом Президента России за мужество и отвагу, проявленные при выполнении специального задания, рядовой Трубанов Владимир Евгеньевич удостоен звания Героя Российской Федерации. Посмертно.

С ДЕТСТВА Володя мечтал стать профессиональным гонщиком. В пять лет он впервые вывел на трассу свой картинг, а уже через три года стал чемпионом Башкирии. Пожелтевшую вырезку с заметкой из салаватской городской газеты «Ленинский путь», хранящуюся среди многочисленных грамот, дипломов Володи, его бабушка, Александра Павловна Дроздова, показывает с особым трепетом: ведь эта публикация стала, по сути, первой ступенькой к звездному восхождению ее внука: «В Уфе прошел очередной чемпионат. БАССР на автомобилях формулы «карт», собравший спортсменов из Стерлитамака, Салавата и хозяев первенства. В личном зачете чемпионом в классе автомобилей «Пионер» стал первоклассник школы № 15 Володя Трубанов».

Несколько сухих газетных строк были своеобразным авансом для будущих больших публикаций о победах юного картингиста.

А их у Володи Трубанова за его короткую жизнь было немало. Ему нравилась скорость. Ему

хотелось быть первым. Он умел побеждать.

Картинг — семейное увлечение Трубановых. Вначале им занялся старший брат, Виктор — отец привел его в секцию при местном ДОСААФ еще школьником. Вовка подрос, за ним потянулся. Когда секцию закрыли, перешли в другой клуб — в Салавате в то время картингом увлекались многие. Но перестроечная нестабильность резала по живому — клубы из-за хронического безденежья закрывались, юные спортсмены оставались наедине со своими проблемами. Кто знает, как сложилась бы дальнейшая спортивная карьера братьев, если бы однажды их отец, Евгений Викторович, не обратился к руководству завода спиртов, где в то время работал прибористом, с предложением организовать клуб картингистов при предприятии. Инициативу поддержали, даже помещение небольшое выделили. Но начинать пришлось с нуля. Первые три машины собирали из запчастей — все своими руками от начала до конца. Тренировались по вечерам на опустевшей после рабочего дня заводской бе-

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

тонке. А потом были новые победы — первые места в клубных, городских состязаниях, чемпионский титул в республиканском первенстве, победы в традиционных соревнованиях городов Татарии и Башкирии. Команда, которую назвали «Лидером», заявила о себе. Евгений Викторovich был доволен своими воспитанниками, ведь за короткое время удалось сколотить неплохой коллектив. Володя на республиканских соревнованиях подтвердил свой чемпионский титул, и ему предстояло защищать честь Башкирии на первенстве картингистов России. К тому времени старший брат, Виктор, отслужив в армии, вернулся в клуб и все основные заботы по подготовке к соревнованиям взвалил на свои плечи.

Все свободное время Трубанов-младший проводил в клубе. Так было, пока учился в школе и в местном профтехучилище № 19 на слесаря контрольно-измерительных приборов и аппаратуры. Кстати, в училище до сих пор вспоминают его как одного из лучших учащихся — он не раз занимал призовые места на различных олимпиадах, а разработки по некоторым приборам даже побывали на профессиональных выставках. Володин портрет украшал стенд «Лучшие по профессии». Наверное, если бы вдруг что-то и не заладилось у него в «Лидере», то работу по специальности он нашел бы себе всегда. Руки у него были золотые, как у отца.

Но в «Лидере» все шло как нельзя лучше. На соревнованиях братья Трубановы неизменно занимали призовые места.

— Особенно хорошо «катался» Володя в дождливую погоду, — рассказывает Виктор. — Дождливая погода — коварная штука.

Но всякий раз, когда перед соревнованиями заряжал дождичек, Володя радовался: значит, победа будет. Он четко просчитывал ситуацию, не тушевался даже перед маститыми спортсменами. Нервы в комок и — вперед! Техника вождения у него была отменная. Если честно, в такие минуты не хотелось встречаться с ним на трассе — обязательно обойдет. Хотя у меня машина мощнее, как-никак 32 «лошадки», а у него всего 23. Да и неудобно было — опыта у меня побольше. Ребята успокаивали, мол, радуйся, что он луч-

ше тебя ездит, он ведь твой ученик.

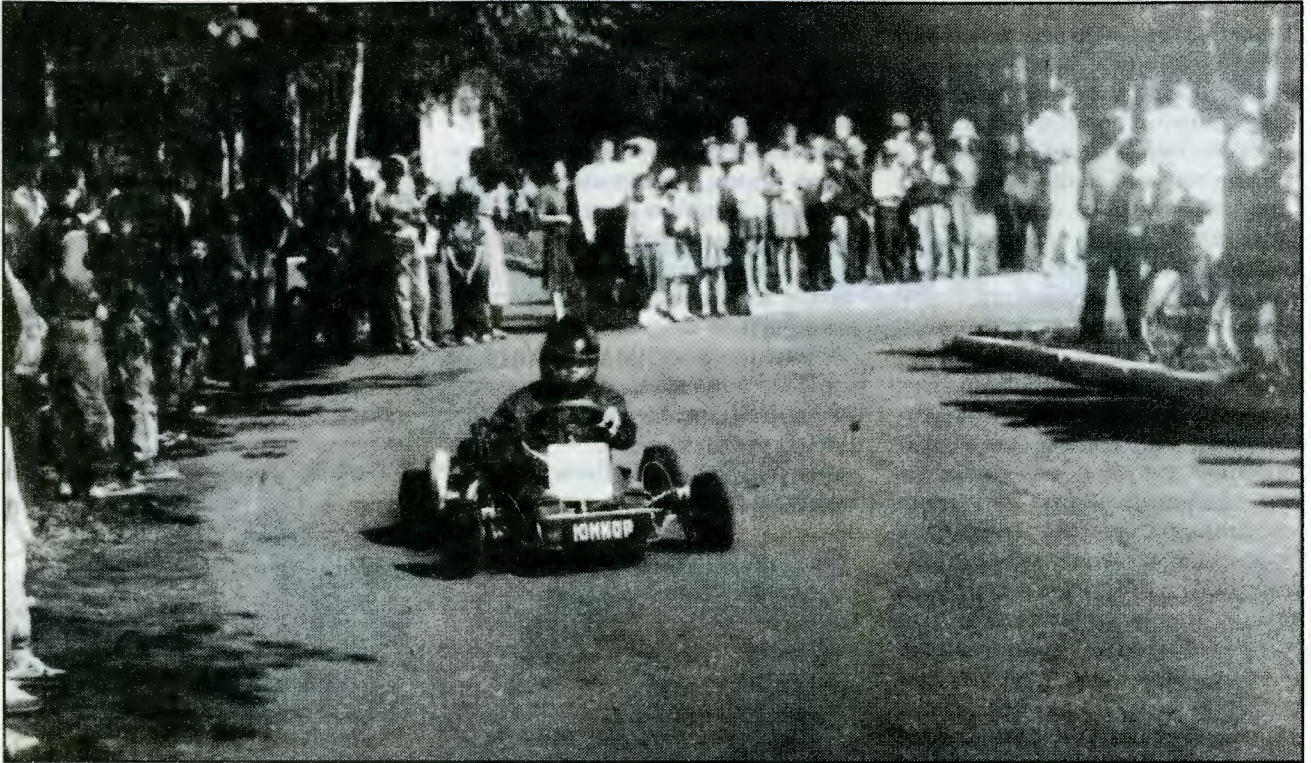
По словам многих специалистов, уже в то время Владимиру Трубанову в классе его машины не было в республике равных. Перед армией он стал чемпионом Урала по картингу. В армию Володя уходил многократным чемпионом Башкирии. После службы мечтал стать профессиональным гонщиком. Но картинг, который собрал для брата Виктор, так и не дождался своего хозяина. На недавних республиканских соревнованиях его машину вел по трассе семнад-

Друзья. Владимир Трубанов — в центре

ЧЕЧНЯ-95

12.10.95.г.

цатилетний гонщик Антон Брагин — один из лидеров нынешнего «Лидера».

В О ВНУТРЕННИЕ войска Владимира Трубанова призвали 8 марта 1995 года. По дороге в часть, а служить его направили под Кемерово, встретил земляков — Женю Воложанина из Стерлитамака, уфимца Ильшата Гильманова. В своем письме домой он позже напишет об этих ребятах — «отличные парни». В Мариинске прошли курс молодого бойца. Затем судьба разбросала земляков: Володю с Ильшатом перевели в Новосибирск, Женю отправили в поселок Таежный. Встретились уже позже в Новосибирске — накануне отправки в Чечню.

— Мы знали, куда и зачем едем, — вспоминает Ильшат. — К тому времени мы уже прослу-

жили по полгода, и нас отправили на доподготовку. Володя попал в группу наводчиков-операторов.

В письме брату, датированном 18 июля 1995 года, Володя писал: «В августе будет отправка в Чечню на три месяца. Но никому из наших об этом не говори. Я всем пишу, что уезжаю на уче- ния».

В Чечне их подразделение стояло в Червленной.

— Обстановка была нормальной, — вспоминает Ильшат Гильманов. — Мы как раз в период перемирия туда попали. Три месяца несли службу на контрольно-пропускных пунктах, оружие изымали. В общем, ничего особенного, обычная служба.

— Когда ребята вернулись в часть, у Володи обострились травмы, полученные им во время командировки, — рассказывает его бабушка, Александра

Павловна Дроздова. — Позвонили из Новосибирска — местный климат, мол, не очень способствует быстрому выздоровлению, желательно пройти обследование по месту жительства. Оформили необходимые документы, и Володя приехал домой.

Некоторое время пролежал в больнице Салавата, быстро пошел на поправку. Когда пришло время возвращаться в часть, отец ни в какую не хотел его отпускать. Но возобладал здравый смысл (как-никак, для парня все это могло закончиться не самым лучшим образом), и Володя уехал в Новосибирск.

А там, как говорится, через день на ремень — служба в городе. И подготовка к новой командировке в Чечню. Но об этом Володя домой не писал.

— Идет в патруль — обязательно позвонит, — рассказывает Александра Павловна. — Я ему:

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

«Вова, ты там поосторожней», а он смеется: «Что ты, бабушка, у нас здесь тишина и покой».

— Как-то, как раз накануне отъезда в командировку, Вовка повредил ногу о какую-то желе-зку, — вспоминает Женья Воло-жанин. — Сели, осмотрели. Рана была пустяковая. А он вдруг го-ворит: знаешь, у меня какое-то нехорошее предчувствие. Раз так, говорю я ему, оставайся, никто ведь насильно не посылает. Он даже вспылил: как это, все поедут, а я останусь.

В конце июля эшелон со свод-ным полком Сибирского округа внутренних войск выехал на Кав-каз. В Грозный прибыли 2 авгу-ста. Разместились в здании бывшей автошколы ДОСААФ в Старопромысловском районе. Какой-никакой, а рубеж оборо-ны — четырехэтажное железобе-тонное здание служило непло-хим укрытием и от снайперов, и от внезапных налетов боевиков.

Да и бытовые условия были на-много лучше, чем во время пер-вой командировки в Червленную — есть вода, электричество... Первые дни службы в городе были спокойными, если, конеч-но, не считать ночной стрельбы. Но к ней как-то привыкли, ино-гда даже и не замечали. Экипаж, в который входил рядовой В.Трубанов, частенько привле-кали для выполнения разведы-вательных мероприятий, сопро-вождения колонн с грузами, обеспечения эвакуации бежен-цев.

Ранним утром 6 августа подра-зделения полка были подняты по тревоге. Из близлежащих до-мов, с прилегающих улиц по расположению части велась прицельная стрельба. Военно-служащие, находившиеся в зда-нии автошколы, оказались прак-тически в полной осаде. 8 авгу-ста отключилось электричество, 9 августа перестала поступать

вода. Любая техника, отъезжаю-щая от ворот, тут же попадала под интенсивный обстрел бое-виков. Начались проблемы с продуктами — в наличии оста-лись только крупа и сухари. Но больше всего осажденные стра-дали от нехватки воды. В пер-вые дни приспособились соби-рать дождевую, но это продол-жалось недолго — вскоре в Грозном наступила нестерпимая жара.

Все попытки военнослужащих разблокировать здание успеха не имели.

ОСАЖДЕННЫМ нужна бы-ла вода. Ее можно было взять только из колод-цев, находившихся в паре сотен метров от расположения части. 19 августа командование приня-ло решение направить в развед-ку военнослужащих из роты бое-вого обеспечения. Они должны были выяснить, что за вода в ко-лодцах и есть ли возможность

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

доставить ее в казармы. Едва разведчики пересекли дорогу, боевики открыли шквальный огонь. Часть бойцов вынуждена была залечь, но несколько человек во главе с офицером все-таки сумели прорваться к колодцам. Для того чтобы вернуться в расположение части, им предстояло проделать тот же путь, но в обратном направлении. Огонь противника усилился. Боевики почувствовали добычу, а потому патронов не жалели. На помощь смельчакам выдвинулась бронетехника.

Только «бээрдээмка» выехала за ворота, по броне застучали пули. Боевики метили в самые уязвимые места машины. Боковые передние колеса были пробиты. БРДМ потеряла скорость, но продолжала маневрировать под плотным огнем противника. Когда были пробиты задние колеса и машина замерла посреди дороги, бой разгорелся с новой силой. Боевики уже стреляли из гранатометов. Часть снарядов легла неподалеку от боевой машины, не причинив ей вреда, но одна кумулятивная граната все-таки угодила в БРДМ. Несколько человек получили ранения.

По неписаным армейским законам пулеметчик последним оставляет боевую машину, и Володя не нарушил этого правила. После того как БРДМ встала на дороге, он помог раненым товарищам покинуть «броник», а сам остался прикрывать их отход. Он выдержал огневой натиск боевиков, не допустил захвата и пленения разведгруппы. От повторного прямого попадания гранаты в моторный отсек БРДМ загорелась. Володя получил ранение и самостоятельно уже не мог выбраться из пылающей «бээрдээмки». Попытка оттащить горящую машину из-под огня боевиков успехом не увен-

чалась — в БРДМ начали рваться боеприпасы...

Это все четко задокументировала бесстрастная видеокамера.

— Возможность снять у нас была, спасти — не было. Ребята плакали от безысходности, видя, как в горящей машине погибает Володя, — скажут позже Виктору Трубанову однополчане его брата, передавая ему ту страшную видеопленку.

Подойти к сгоревшей бронемашине смогли лишь через двое суток. Сослуживцы собрали в полиэтиленовый пакет останки солдата, упаковали в ящик из-под боеприпасов, перевязали черной лентой и отправили в аэропорт Северный. Оттуда «черный тюльпан» унес «двухсотый» в Ростов-на-Дону.

Через день в Чечне было объявлено о перемирии...

ИЗВЕЩЕНИЕ о гибели пришло Трубановым в августе, но еще около двух месяцев отец и брат искали Володю в печально знаменитых вагонах-рефрижераторах 124-й ростовской судебно-медицинской лаборатории. Два долгих кошмарных месяца...

Проводить Володю в последний путь пришли сотни людей, из части приехали его друзья, успевшие к тому времени уволиться в запас. В гробу, запаянном в цинк, который почти всю дорогу от дома до кладбища несли на руках, была парадная форма и коробка с тем, что осталось от Владимира...

Через полгода от инфаркта умерла его мама. Она так и не поверила в гибель сына...

Из последнего письма Владимира Трубанова родителям: «Я жив-здоров, дела идут нормально. Правда, скучаю по всем вам». Отцу советует: «Мама приболела,

пусть выздоравливает. Ты ее поцелуй за меня и скажи, что я вас очень сильно люблю, и она сразу поправится».

Судьба уготовила им страшное испытание...

ВСЯ ЕГО ЖИЗНЬ — один стремительный миг. Он, наверное, и картингом увлекся только потому, что не мог жить без движения, без скорости. Это была его стихия. Жизнь казалась ему бесконечной и долгой. Он не думал о смерти даже тогда, когда она дышала ему в лицо своим нестерпимо жарким рыжим пламенем. Он не привык проигрывать. Собрав в кулак всю свою волю, он смог победить и в этой неравной схватке. Цена этой победы — жизнь. Жизнь его друзей, отход которых он прикрывал. Его жизнь...

В мае нынешнего года на традиционных соревнованиях картингистов в Уфе перед самым стартом спортсмены почтили память Владимира Трубанова минутой молчания. Это — дань памяти чемпиону. А на его родине продолжает работать спортивный клуб «Лидер», которым руководит Виктор Трубанов. Хочется верить, что здесь вырастет еще не один юный картингист с чемпионским характером. И это будет лучшим памятником Герою России Владимиру Трубанову, который так мечтал стать настоящим гонщиком...

**Майор
Сергей КОЛЕСНИКОВ**
Фото из архива
«Книги памяти»

Москва — Уфа — Салават

По страницам Книги памяти

ШЕЛ ПАРНИШКЕ В ТУ ПОРУ...

Рядовой Игорь Кузьминых родился в Севастополе — городе русской славы. Через пять лет вместе с родителями переехал в Ростов-на-Дону. Небольшой домик на улице Тоннельной с маленьким двором и железными воротами стал для него родным. Как и многолюдный южный город с узенькими улочками и широкими современными проспектами. Почти четырнадцать лет здесь прожил Игорь. И не было для него милее и краше места...

Трагическая весть о гибели Игоря в домик на Тоннельной пришла в декабре 95-го. Его мама, Татьяна Ивановна, узнала об этом последней. Опасаясь за ее здоровье, работники военкомата о гибели сына сообщили сначала отцу. Затем отвезли убитого горем Михаила Ивановича в морг окружного госпиталя, где тот без труда опознал среди погибших в Чечне воинов своего первенца. Похоронили рядового Игоря Кузьминых на Северном городском кладбище. Шел парнишке в ту пору девятнадцатый год...

Татьяна Ивановна Кузьминых — маленькая, худенькая женщина, рассказывая об Игоре, постоянно вытирает слезы. Она до сих пор не верит в гибель сына.

— Рос Игорь тихим, спокойным мальчиком, — вспоминает Татьяна Ивановна. — Его поведение мне самой иногда казалось странным. Район, где мы живем, когда-то был городской

окраиной со звучным названием Каменка. Поселок и сейчас так называют, хотя он уже давно перестал быть захолустьем. Драки и потасовки между мальчишками здесь дело обычное: не поделят что-то между собой, давай драться. На улице шум, гам — пацаны мечутся, ищут место, где бы укрыться от родительского гнева, а кругом частные дома с высокими заборами.

Вот и попадает им от папок с мамками. А мой Игорек сидит дома с книжкой в руках и читает, ни на что не реагирует.

“Счастливая ты, Татьяна, — завидовали мне соседи, — не парень, а золото. Курицу не обидит, не то что наши охламоны”.

Слушала я их, а сама думала: “Вырастет мой Игорек нуней, маменьким сынком, будет попадать ему от сверстников. Мальчишки ведь тихонь не любят. Наплачусь с ним в жизни”. Да только зря тревожилась, на улице его никто не обижал, соседские ребята охотно принимали в свою компанию. Чем он привлекал их, до сих пор не пойму, только дружил со многими.

И с младшим братишкой любил возиться, хоть Сергей по

складу характера — полная противоположность Игорю. Непоседа, вьюн. Домой с улицы палкой разве что только загонишь. А старшего брата слушался. Игорек на него прикрикнет, тот надуется, но брату не перечит. Вот так и жили. Я на работе, они дома или в школе. Как только уроки закончатся, Игорек — домой. И сразу за хозяйство, уберет все, поест приготовит. Братишку накормит — и за книжку. Любил читать. Думали, после школы пойдет в институт дальше учиться, а он закончил девять классов и поступил в кулинарное училище. Решил стать поваром.

Я прямо-таки ахнула, когда он сообщил об этом: “Да разве мужское дело с кастрюлями и сковородками возиться? У нас в роду все на заводах, на фабриках работали. Мы с отцом, дед с бабушкой, дядьки, тетки...” — говорю ему. —

“Мам, ты только не расстраивайся. Повар — тоже хорошая специальность, — ответил он. — Мне она нравится. А кастрюлями и сковородками занимаются кухонные рабочие. Повара людей кормят”.

Пришлось смириться. Хотя была надежда, что разонравится ему учеба или перед товарищами за свою женскую специальность стыдно станет. И бросит он кулинарное. Да, видать, плохо я Игорька знала. Он хоть и тихоня, но парень с характером.

Закончил училище, стал работать в ресторане. И что удивительно, ребята его еще больше зауважали. В лес идут, Игорь у них главный кормилец. Из обычных продуктов такое блюдо приготовит — пальчики оближешь.

Взрослым стал, самостоятельным сын мой. Друзья зайдут за ним — такие же нарядные, одетые за версту несет. Пошепчутся о чем-то — и на дискотеку. “Мам, я сегодня чуточку задержусь. Меня не ждите, ложитесь с Серегой спать пораньше и не волнуйтесь”, — предупредит уже с порога. Чудной, ну какая мать спокойно спать ляжет, когда сына нет дома. Вот и сидела с книжкой у зажженной лампы, ждала его с улицы. Однажды не выдержала, спросила Игорька, не влюбился ли? А он покраснел — и сразу в постель. Так и не выяснила, была у него девушка или нет. На похороны пришло много ребят с девушками. Которая из них тронула Игорьково сердце, я теперь не узнаю никогда.

На нашей улице он был одним из тех парней, кто спокойно отнесся к призыву в армию. У меня же чуть сердце из груди не выскочило, когда увидела повестку. Мало солдат в Чечне положили, так еще подавай. Стала уговаривать сына повременить со службой, вон какие бугаи уклоняются. Думала, послушает он меня. А сын молча смотрит, и вижу в глазах его обиду: какой же я мужик, если армии испугался. Праводили его, и стала я Богу молиться, Пресвятой Богородице, чтоб заступились за него, уберегли от пули. Видать, плохо молилась, прогневила чем-то Господа...

На долю воинов зеленокумского полка выпало в Чечне немало испытаний. До дна испили горькую чашу неудач в первые месяцы чеченской войны. Ры-

дая, провожали в последний путь павших, радовались коротким мирным передышкам и возвращению в родные ставропольские степи. Спешили отправить домой весточки, успокоить родных и близких, а затем снова отправлялись в разрушенный войной Грозный, где смерть подстерегала на каждом шагу.

Но об этом в письмах Игоря — ни слова. “Жив, здоров. Служба идет нормально...”

Последнее письмо от него пришло в середине ноября. Через месяц, 14 декабря 1995 года, рядовой Игорь Кузьминых погиб, торопясь на выручку заблокированным в Гудермесе товарищам.

События в городе развивались стремительно. Пытаясь сорвать назначенные в Чечне выборы, дудаевские боевики скрытно просочились в Гудермес и захватили жизненно важные объекты. Действовали бандиты нагло и дерзко. Сначала захватили больницу, затем окружили малочисленный гарнизон войсковой комендатуры и подразделение ОМОНа на железнодорожном вокзале. Воины и сотрудники милиции сражались мужественно, смело, отбивая атаку за атакой. Обливаясь кровью, экономя каждый патрон и гранату, они держались насмерть. Пытаясь помочь осажденным, командование группировки утром 14 декабря направило подкрепление. В город двинулись несколько “коробочек” с бойцами нальчикской оперативной бригады и зеленокумского полка внутренних войск, автомобили с расчетами СПГ, зенитной установкой и минометом. На окраине города на военных обрушился ураганный огонь из автоматов и ручных гранатометов. Спешившая на помощь попавшим в беду братишкам колонна бронетехники с бойцами сводного подразделе-

ния нарвалась на умело устроенную засаду. Рядовой Игорь Кузьминых был в числе тех, кто оказался в самом пекле...

Свинцовые струи хлестали со всех сторон. От выстрелов бандитских “Мух” запылали два бэтэера. Распаленная запахом крови стая ичкерийских “волков” подходила все ближе и ближе. Отбивались от них как могли. Под огнем “духов” погибли капитан Евгений Гаврилов, старший сержант Юрий Крысько, ефрейторы Владимир Гаранин и Григорий Макаровский. С каждой минутой слабел огонь оборонявшихся.

Осколки разорвавшейся мины попали Игорю Кузьминых в голову, острыми жалами впились в его тело. В тот самый момент, когда, расстреляв магазин, он пытался подсоединить к автомату новый, взятый из подсумка убитого товарища. Свой собственный боекомплект израсходовал полностью. Умер он сразу. Легкий парок угасающего дыхания вырвался из открытого рта и бесследно растворился в холодном воздухе.

...На ростовском городском кладбище в могиле под номером 660 вечным сном спит отважный защитник Родины рядовой Кузьминых. Рядом с ним под похожими друг на друга холмиками тоже лежат “чеченцы”. Простые, мужественные парни, для которых долг и честь были не просто словами.

Спите спокойно, ребята, и знайте: те, кому удалось выжить на той страшной и непонятной войне, третий тост всегда пьют стоя, молча и до дна. За вас, пацаны! За ваши светлые и бесстрашные души!

**Подполковник
Николай КАМШЕКИН**

Ростов-на-Дону — Москва

Профессия — спецназ

Скифы — древние племена земледельцев, скотоводов и воинов в Сев. Причерноморье. В 4 веке до н.э. создали Скифское государство. После его разгрома готами растворились среди других племен. От скифов остались многочисленные памятники (курганы, городища).

Большой энциклопедический словарь

Славы предков будем достойны

Попробуйте, сразитесь с нами!
Александр Блок

Когда-то этот древний город жил шумной, беспокойной жизнью. Торговцы со всего света привозили и продавали диковинные товары, а затем, загрузив свои маленькие суденышки зерном, искусно выделанными шкурами животных, украшениями и поделками здешних мастеровых людей, везли их в другие города и страны. Здесь, под античным небом Танаиса, жизнь не останавливалась ни на минуту. От зари и до зари трудились люди: растили зерно, пасли многочисленные отары, а в суровую годину испытаний брали в руки мечи и храбро защищали свой город от вражеских набегов. Недругов было много, и однажды, не выдержав долгой осады, город пал, сожженный и разоренный злыми варварами. Он оказался погребенным под толстым слоем земли, и только через много веков археологи открыли тайну современникам, поведали о славном прошлом далеких предков. А с недавних пор их гордое имя вновь звучит на донской земле.

— Хотите узнать, как живут

ДА, СКИФЫ МЫ!

скифы сегодня? — спросил меня мой попутчик командир отряда спецназа подполковник Сергей Куликов.

— Ехать далеко? — поинтересовался я.

— От развалин Танаиса километров двадцать пять, не больше, — ответил Сергей Анатольевич и приказал водителю завести машину.

Оставляя за собой шлейф пыли, “уазик” резко рванул с места, и вскоре мы выехали на широкую трассу. Через полчаса асфальтовая лента резко свернула вправо и, петляя среди посадок, устремилась в широкую ложину, на склоне которой ровными рядами выстроились одноэтажные казармы — базовый городок отряда спецназначения.

— Вот здесь и обитают современные скифы, — выйдя из машины, сказал подполковник. Сняв ветровку, Сергей Анатольевич показал пришитый на рукаве полевки шеврон с эмблемой и названием отряда.

По крутой дорожке поднимаемся на вершину склона. Я смотрю на зеленый ковер необъятной степи и восхищаюсь ее красотой и величием. Давшая несколько тысячелетий назад кров и пищу скифам, древняя земля теперь радушно приютила братишек-спецназовцев.

— Теперь понятно, почему отряд называется “Скифом”? — улыбаясь спрашивает меня подполковник. — В память предков.

В августе “Скиф” будет отмечать свою первую годовщину. Несмотря на столь юный возраст, он уже доказал свое право

на существование, оказывая помощь сотрудникам милиции в поддержании общественного порядка в регионе, участвуя в операциях “Заслон”, “Путина” и других мероприятиях, проводимых правоохранительными органами Северного Кавказа. На счету воинов десятки задержанных правонарушителей, большое количество изъятого холодного оружия, наркотических средств.

Проблем тоже немало. Отряд обустроивается, реконструирует старые и строит новые казармы, оборудует полосу препятствий и спортивный городок, благоустраивает спальные помещения и места отдыха. Временные трудности парни переносят стойко и мужественно, как и подобает спецназовцам, отдавая все силы боевой учебе и службе.

Отряд насчитывает почти две сотни бойцов. Среди них есть опытные фронтовики, познавшие почем фунт лиха еще в Карабахе, Баку и Цхинвали. В основном это офицеры и прапорщики. В числе контрактников есть и те, кто успел повоевать в Чечне, и не нюхавшие пороха ребята, которые только осваивают суровую профессию.

Командир отряда подполковник Сергей Куликов несколько лет командовал батальоном, на базе которого и был развернут “Скиф”. Главный воспитатель подполковник Валентин Болудь во внутренние войска пришел из Советской Армии уже разваливающегося Союза. Специфику новой службы осваивал в горячих точках. Начал в Нагорном

Карабахе, продолжил на Северном Кавказе, гасил вместе с однополчанами кровавый конфликт между ингушами и осетинами. Похожие судьбы и у других офицеров. Начальник штаба майор Григорий Песковатсков до перевода в отряд командовал батальоном, первый зам подполковник Анатолий Лобачев прибыл из суверенного Казахстана, а один из самых боевых и опытных командиров групп капитан Сергей Томильский пришел из "Росича". Того самого отряда спецназа, который наводил ужас на чеченских сепаратистов. Бывший прапорщик, а ныне лейтенант Михаил Саморуков, уважительно называемый "дедом", долгое время служил в разведке. Словом, народ боевой, умудренный опытом.

О каждом из них можно рассказывать очень долго. Я же обозначу только один общий штрих их биографий. Все они прошли через Чечню.

За два фронтовых года спецназовцы научились многому. И теперь они учат воевать необстрелянных братишек. Учат жестко, иногда на пределе физических сил. Легких дней у бойцов спецназа не бывает. И на войне, и в мирной обстановке.

**"Аллюром, мальчики!
Аллюром!"**

*И вечный бой!
Покой нам только снится...*
Александр Блок.

Преследование "диверсантов" длилось уже несколько часов. После неудачной попытки захватить и уничтожить мост на трассе "террористы", заметая следы, в спешном порядке выдвинулись в район небольшого аэродрома, решив там взять реванш за предыдущую неудачу. А чтоб оторваться от преследователей, "экспроприировали" у жителей близлежащего села ГАЗ-66.

Опередить их можно было, только идя напрямик, по размытому ливнем полю. Александр Семеняк, крепыш-капитан, командир группы специального назначения, взглянул на часы и недовольно поморщился: "Не успеваем пехом за колесами. Дело дрянь. Захватив аэродром и закрепившись на нем, "террористы" смогут оказать упорное сопротивление. Выбить их оттуда силами одной группы будет очень сложно".

— Аллюром, мальчики! Аллю-

ром! — торопил подчиненных капитан. — Работаем!

Чертыхаясь и поругивая дождь, превративший обычно твердую как камень землю в липкое месиво, бойцы ускорили шаг, и в таком темпе прошли еще несколько километров по бездорожью. До небольшого, но оборудованного по всем правилам аэродрома со взлетной полосой и замершими на стоянках "кукурузниками" оставалось совсем немного, когда следовавшие впереди разведчики доложили командиру о том, что объект захвачен и заминирован "террористами".

Задача осложнилась. Вступить с марша в бой, не выяснив обстановку, — верх легкомыслия. Для офицера-спецназовца особенно.

— Надо скрытно выдвинуться к аэродрому и "проточковать" гостей. — Капитан был немногословен. — Сколько стволов, прочно ли обосновались, много ли сюрпризов приготовили? — Отдав распоряжение разведчикам, Александр подозвал к себе саперов и командиров отделения: — Действовать будем так. Первое отделение снимает часовых. Аккуратно и без шума. Второе блокирует здание. Остальные с саперами — к самолетам. Пока "инженера" работают, вы обещиваете огневое прикрытие. Всем все ясно?

— Ясно.

— Тогда по местам и ждем разведчиков.

"Диверсанты" явно не ожидали, что преследователи настигнут их так скоро, и на какое-то мгновение растерялись, увидев парней в зеленых косынках, чем незамедлительно воспользовались нападавшие. Действовали мощно и стремительно, по тактической схеме командира ГСН. "Террористы" бежали так быстро, что даже не успели воспользоваться своим трофеем, добытым у сельчан. Но по размытому, грязному полю далеко уйти они не смогли.

Через полчаса возле животно-

СЛУЖБА

водческой фермы бойцы группы спецназа настигли "противника" и после скоротечного жестокого боя захватили в плен оставшихся в живых "диверсантов".

После этого руководитель тактического занятия командир отряда подполковник Сергей Куликов, внимательно следивший за действиями своих подчиненных, приступил к "разбору полетов". Оценки за схватку, конечно условную, были явно не в пользу "террористов".

Если не мы, то кто же?

*Чтоб стать мужчиной,
мало им родиться.
Михаил Львов*

В отряде есть нештатная десантная группа. Попасть в нее стремятся многие воины. Те, кому повезло, уже имеют за плечами несколько прыжков с парашютом. Подполковник Сергей Куликов показывает мне фотоснимок, сделанный на высоте в несколько сот метров. Бойцы отряда, в одном из которых я узнаю "деда" лейтенанта Михаила Саморукова, образовав круг, парят в воздухе.

— Иногда для того, чтобы обезвредить преступников, бойцам спецназа приходится буквально сваливаться на них с неба, — говорит подполковник Куликов. — Чтобы прыгать с высоты умело и профессионально, привлекли к занятиям опытных инструкторов. Начали с изучения устройства парашюта. Затем от теории перешли к практике. Первые прыжки мои подчиненные совершили несколько месяцев назад, а теперь успешно десантироваться могут многие офицеры и прапорщички. В любой труднодоступный район. Есть у нас и свои "альпинисты", способные взобраться на любое здание, любую возвышенность.

В том, что это действительно так, я убедился, посетив занятия по специальной подготовке. С помощью несложных, но надеж-

ных приспособлений подчиненные капитана Сергея Томильского штурмовали высотное здание, в котором засели "террористы" с заложниками.

— Контролируйте свои движения, — напутствовал бойцов офицер. — Спускаясь на веревках, помните о страховке. Прыжок в окно должен быть стремительным и неожиданным для террористов. Действуйте без спешки, четко и уверенно. От вашей сноровки зависит успех дела...

В перерыве, пока спецназовцы и поверженные "террористы" отдыхали, я спросил у Сергея:

—Что заставляет их рисковать собой, отрабатывать на обычных занятиях такие сложные нештатные ситуации, вероятность возникновения которых в реальной жизни под большим вопросом?

— Даже если она будет равняться одной тысячной, спецназовец должен быть готов действовать умело и быстро. Как, впрочем, и в любой другой экстремальной обстановке, — ответил Сергей. — Люди предвзято, а порой просто негативно относятся к нашим действиям.

Но когда случается беда и звучит сигнал SOS, первыми его получают парни из спецназа. Если не мы, то кто же тогда поможет людям?

Однажды я уже слышал эту фразу. Это было несколько лет назад во владикавказском госпитале, и прозвучала она из уст раненного под Самашками офицера-спецназовца. Ранение было тяжелым. Офицер получил его, вытаскивая из-под обстрела старика-чеченца. Тогда, рискуя жизнями, военнослужащие подразделения специального назначения спасли несколько десятков мирных жителей. А когда обстрел боевиков закончился, некоторые из спасенных взяли в руки автоматы и открыли стрельбу по своим спасителям. В тот день армейские борты доставили в госпиталь много раненых бойцов. Стоило ли спешить на помощь?

— Но ведь там были старики и дети. Если не мы, то кто бы помог им? — ответил офицер.

Сегодня в "Скиф" идут те, кто, забыв о собственном благополучии, честно и бескорыстно служит людям. И как бы ни было трудно, эта задача была и остается для них главной...

* * *

Через день я уезжал из отряда. Уезжал рано утром, стремясь попасть на первый автобус в город. Зашел попрощаться с моими новыми знакомцами. Но опоздал: еще с вечера "скифы" выехали на тактические занятия в поле. В боевых буднях спецназовцев перерывов не бывает.

Владимир НИКОЛЬСКИЙ
Фото автора

*Северо-Кавказский округ
внутренних войск*

Мужество

Военный летчик... Да не обидятся на меня гражданские пилоты, но летная работа армейских коллег намного сложнее и многограннее их так же опасного и напряженного труда. Прежде всего потому, что помимо пилотирования самолета или вертолета военные летчики решают множество разнообразных задач по ведению воздушного боя, разведки, уничтожению наземных целей противника, эвакуации убитых и раненых. Практически всегда они действуют в экстремальной быстро меняющейся обстановке.

Но хорошо летать и воевать — удел немногих. Вершин боевого мастерства, как правило, достигают только избранные, самые настойчивые и упорные, для которых летный труд не просто профессия, а призвание. О них говорят: летчик от Бога.

Наверняка таким и является заместитель начальника отдела боевой подготовки авиационного управления ГКВВ МВД России военный летчик-снайпер полковник Николай Николабай. Форменный китель офицера украшают четыре боевых ордена: "За военные заслуги", Красного Знамени, два Красной Звезды — красноречивые свидетельства его мужества и летного мастерства.

На мякине его не проведешь

Полковник Николабай внимательно слушал своего собеседника, изредка делая пометки в большой, похожей на амбарную книгу рабочей тетради. Иногда

он что-то переспрашивал или уточнял у сидящего напротив него человека, просил подробнее рассказать о наиболее интересующем его вопросе...

— Ну что, в общих чертах мне все понятно, — сказал Николай Анатольевич, когда представитель авиационной КАмовской фирмы закончил свой рассказ о разработке новой винтокрылой машины. — Однако боюсь, что с такими параметрами и вооружением она нам не подойдет. Сегодня авиационным подразделениям внутренних войск и правоохранительных органов нужна более совершенная машина.

Доработайте вертолет, и если его ТТД будут соответствовать нашим требованиям, мы сможем продолжить разговор о возможности закупки этих "вертушек" для МВД. А пока...

Что-то объяснять и спорить с Николаем Николабаем представителю фирмы не стал. Понимал — бесполезно. Этого офицера на мякине не проведешь. За его плечами две войны. Одна в Афганистане, вторая — в Чечне. И кому, как не ему, знать, какая боевая машина нужна в войсках и органах правопорядка. Тем более что практическая работа полковника прочно подкреплена теоретической.

Тема его кандидатской диссертации связана с боевым применением вертолетов огневой поддержки. Поэтому далеко не случайно именно ему доверяется решение важных вопросов боеготовности авиационных подразделений внутренних войск.

На край земли...

Командир звена майор Леухов молча прочитал рапорт и, положив лист бумаги на край стола, с явным неудовольствием сказал:

— Так что ж, товарищ курсант, никак, списаться захотели? Поз-

вольте полюбопытствовать, по какой же причине.

— По профнепригодности, товарищ майор. Не получится из меня летчик, тем более военный, — на одном дыхании выпалил Николай.

Об истинном мотиве просьбы об отчислении из училища Николабай умолчал. Не захотел распространяться о ссоре со старшиной роты. Однажды конфликт перерос в откровенную драку. Поэтому не только с учебой, но и с перспективой стать кадровым военным он решил завязать раз и навсегда.

Однако...

Очередная встреча майора Леухова и курсанта Николабая состоялась на аэродроме, в кабине готового к старту вертолета. Взлетев и поднявшись на небольшую высоту, летчик-инструктор неожиданно сказал:

— Ну а теперь давай работай ты!

Николай явно не был готов к такому повороту дела. Но сразу же взял управление машиной на себя. Несколько минут удерживал "вертушку" в зависшем положении, то и дело поглядывая на Леухова: когда же он скажет "хватит"?

— А теперь сажай, — голос майора был негромким, спокойным, словно говорил сторонний наблюдатель, которому все происходящее, как говорится, до лампочки.

— Не умею! — воскликнул Николай.

— Как ни странно, я тоже, — невозмутимо ответил Леухов.

Когда Николай выходил из все-таки посаженного им вертолета, у него мелкой дрожью тряслись не только ноги. По лицу же текли крупные капли пота.

— А говорил, что не можешь. Ну и обманщик же ты, Николабай, — хитро улыбнулся Леухов и быстро зашагал к летному домику. Это был четвертый месяц

учебы Николая в Саратовском высшем военном авиационном училище летчиков. Впереди было еще три с половиной года занятий и тренировок. За это время он налетал более 300 часов вместо 250 положенных, выполнил норму мастера спорта по вертолетному спорту. Училище Николай закончил с отличием.

— Так где служить хочешь, лейтенант? — спросил у молодого офицера один из членов государственной экзаменационной комиссии. — Может быть, в училище останешься? Пацанов летать учить будешь. У тебя это, уверен, получится.

— Хотел бы на Дальний Восток, товарищ полковник.

— !?

Многие удивились. Все, как правило, на запад рвутся, за границу мечтают попасть. А тут на тебе — на восток, и тем более на Дальний.

Два года службы в вертолетном полку, который находился на краю земли, пролетели незаметно. Свободного времени было мало. Полеты чередовались с занятиями, тренажами и тренировками. Труд и желание молодого летчика хорошо летать вскоре дали хороший результат. Одним из первых Николабай сдал экзамен на 3-й класс, а затем и на 2-й.

Но тут... война в Афганистане. Молодой офицер не искал причин, чтобы отказаться от столь "увлекательной" командировки. И он поехал в эту объятую военным пламенем страну. Как говорится, интернациональный долг превыше всего.

Солдат в беде не бросаем

День обещал быть жарким. Уже к одиннадцати часам ртутный столбик термометра медленно подползал к отметке 30.

Палящие лучи июньского солнца нещадно обжигали и без того потрескавшуюся от засухи землю, потемневшие от пыли и загара лица летчиков, бортехников и наземных специалистов, готовящих "вертушки" к очередному вылету на боевое задание. Николай на мгновение оторвал взгляд от лежащей на коленях полетной карты и посмотрел в сторону своей винтокрылой машины.

В тени, под фюзеляжем "вертушки", прячась от нестерпимого зноя, распластался огромный лохматый пес — афганская овчарка по кличке Душман. Пес тяжело дышал, и из огромной пасти с высунутым языком падали крупные капли слюны.

Душмана в отряде любили все. И на то были веские причины. Во-первых, пес надежно охранял стоянку боевых вертолетов, подпуская к ним только летчиков и техников, а во-вторых... своевременно оповещал авиаторов о предстоящем налете моджахедов. И вот как.

Пес никогда не позволял себе заходить в комнату оперативного дежурного, словно понимая, что там и без него дел хватает. Но однажды за несколько минут до ракетного обстрела аэродрома Душман молнией пронесся по аэродрому, влетел в комнату оперативного дежурного и лег возле его ног. А вскоре рядом с одним из вертолетов разорвалась первая ракета...

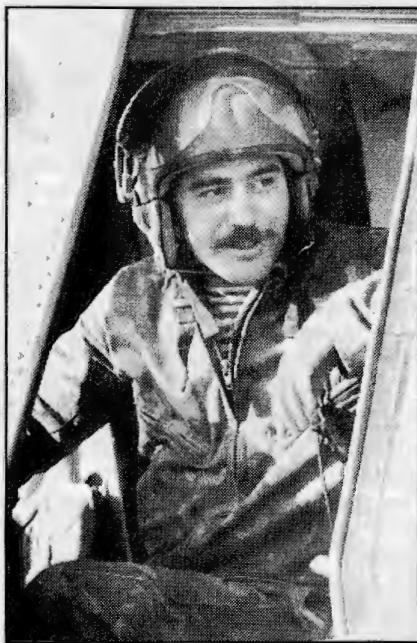
Подобное повторилось при очередном налете. Затем еще и еще. Вскоре авиаторы привыкли: если Душман в дежурке — жди налета. Как пес чувствовал приближение опасности, навсегда останется его собачьей тайной. Но то, что благодаря своему необыкновенному чутью Душман спас жизнь не одному летчику, — факт неоспоримый.

Сейчас же, изнывая от жары, Душман мирно лежал под брю-

хом вертолета и терпеливо ждал, когда кто-нибудь из авиаторов принесет ему миску с холодной водой. Но... прозвучала команда "На вылет!".

И на этот раз боевая задача, поставленная четверке МИ-8 и четверке МИ-24, мало чем отличалась от предыдущих. Вначале вертолетчикам предстояло подавить огневые точки в опорном пункте противника, а затем, высадив десант спецназа и поддерживая его действия с воздуха, вернуться на свою базу для заправки машин горючим. Забирать бойцов должны были эти же экипажи. Но уже в полете майор Николабай принял радиограмму: в кишлаке, по которому предстояло нанести удар, не сорок, а более восьмидесяти моджахедов. Действовать предлагалось по обстановке. Николай принял решение высаживать спецназовцев не за километр от кишлака, как положено по инструкции, а прямо на плоские крыши домов. Расчет был на внезапность атаки. На какое-то мгновение душманы действительно растерялись, но затем открыли шквальный огонь. По вертолетам "работали" несколько ДШК и десятки автоматов. И без того раскаленный воздух был до предела напигован горячим свинцом. Николай присмотрел место для десантирования своей группы спецназовцев, но тут заметил, что моджахеды устанавливают там крупнокалиберный пулемет. Еще несколько секунд, и свинцовые осы могут впиться в обшивку вертолета. Тогда беды не миновать. Но Николабай не свернул с выбранного курса. Правый летчик капитан Леонид Кудряшов, взяв в руки автомат, открыл огонь из двух стволов — второй рукой жал на гашетку бортового пулемета. Длинной очередью он завалил одного душмана. Со вторым разделался Николай,

раздавлив его носовым колесом вертолета. Из "духовского" пулемета так и не было сделано ни одного выстрела. Обеспечив действия спецназа огневой поддержкой с воздуха, восьмерка

боевых вертолетов взяла курс на свой аэродром.

Но как только колеса "вертушек" коснулись летного поля, поступила команда на повторный вылет. Бой в кишлаке разворачивался не в пользу спецназа. Необходимо было срочно эвакуировать несущий большие потери десант.

В воздух поднимались уже на других, готовых к старту вертолетах. Каждый экипаж должен был забрать свою группу бойцов. Сигнал об их местонахождении — дымовая шашка желтого цвета. Однако разбросанных боем солдат пришлось собирать чуть ли не по одному практически по всему кишлаку. Маневрируя, то и дело уворачиваясь от плотного пулеметного огня, рискуя в любую секунду быть сбитыми, вертолетчики забрали на-

ших солдат и взяли курс на свою базу. Однако при подсчете живых, раненых и убитых выяснилось, что одного бойца не хватает. Командир отделения вспомнил, что оставил пулеметчика прикрывать отход группы. Его-то и не доставало. Возвращаться экипажи не могли. Не хватило бы горючки на обратную дорогу. Пришлось лететь на свой аэродром.

В третий раз вызвались лететь к кишлаку Анатолий Торин и Николай Николабай. Но лететь в одиночку равносильно самоубийству. И тогда было принято решение послать восьмерку вертолетов с десантом на случай боя. По тревоге был поднят и целый мотострелковый полк. В случае необходимости его должны были незамедлительно перебросить в район кишлака.

Взлетели по-самолетному. С места ни одна машина подняться уже не могла. Вертолеты не рассчитаны на эксплуатацию в столь жестких погодных условиях: в тени — плюс 39.

На подлете в кишлаку вертолетчики заметили стелющийся по земле оранжевый дым шашки. Значит, жив солдат!

Первым на выручку бойцу устремился экипаж майора Демина. Николабай прикрывал его и наблюдал за обстановкой с высоты немногим более 500 метров. Но машина ведомого была сразу же подбита, и экипаж совершил вынужденную посадку. Тогда к земле, скользя в крутом пикировании, рванулась машина капитана Николабая. Приземлившись рядом с ведущим пулеметный огонь солдатом, Николай высадив группу спецназовцев и стал ждать подхода отставшего бойца. Секунда, вторая, третья... И вот он уже на борту. На Николая смотрели огромные голубые глаза молоденького парнишки, совсем недавно надевшего военную фор-

СЛУЖБА

му и сразу же очутившегося в пекле войны. По его чумазому лицу текли слезы. Николабай взглянул на солдата и, стараясь перекричать шум работающего двигателя и свист винтов, подмигнул: "Ну что, будем жить, служивый!". На лице парнишки появилось что-то вроде улыбки.

В это время душманы, открыв шквальный огонь по вертолету, пошли в атаку. Но место посадки, выбранное Николабаем, по своему было удобное — первая терраса крутого горного склона. И хотя одно колесо боевой машины висело в воздухе, отвесная стена надежно защищала большую часть вертолета от пулеметных и автоматных очередей. Державшим оборону спецназовцам пришлось пробираться к "вертушке" по-пластунски. Всего лишь в нескольких десятках сантиметров от их спин с бешеной скоростью вращались лопасти несущего винта.

Вот в кабину вполз первый, за ним второй, третий боец... Каждый с оружием и боевыми причиндалами весом не менее ста килограммов. А при сорокаградусной жаре, на высоте около двух тысяч метров килограмм равен, по меньшей мере, тонне. Николабай чувствовал, с каким напряжением работает двигатель, как волнуются стрелки приборов, оповещая экипаж о критических режимах работы систем и агрегатов машины. И вот в кабину вполз последний, девятый спецназовец. Тут техника не выдержала. Вертолет покачнулся, сел на брюхо и медленно начал сползать вниз по горному склону. Вот он пропахал одну террасу, вторую, третью. Невероятными усилиями Николай все же сумел развернуть машину кабиной вперед. Хрустя фюзеляжем, вертолет продолжал медленно сползать вниз ко дну ущелья. Еще несколько мгновений, и будет поздно что-

либо сделать. Но Николабай выжал из машины все, на что способна была техника, и поднял МИ-8 в воздух. Как? На этот вопрос полковник не может ответить до сих пор.

Это лишь один из сотен боевых вылетов, совершенных летчиком за два с половиной года службы в Афганистане. И каждый из них был нисколько не легче этого. Некоторые — намного труднее.

Вот, к примеру, строки из представления на капитана Николая Анатольевича Николабая, старшего летчика МИ-8 отдельной вертолетной эскадрильи:

"8 октября 1987 года выполнял боевую задачу в районе населенного пункта Хайркот. Обнаружил машину с боеприпасами, охраняемую 13 мятежниками. Действуя смело и решительно, приступил к уничтожению дозора противника. В ходе боя был ранен снайпером. Превозмогая боль, при большой потере крови, вывел машину в безопасный район и совершил вынужденную посадку.

В результате боя уничтожено: 13 мятежников, 2 миномета, 60 выстрелов к миномету, 20 ящиков гранат к РПГ, 5 бочек ГСМ.

Вывод: за мужество и отвагу, проявленные при выполнении боевых заданий по оказанию международной помощи Демократической Республике Афганистан, достоин награждения орденом Красного Знамени".

Не менее успешно действовал Николай и в другом бою, за что был удостоен второго ордена Красной Звезды. В наградном листе говорится: "12 февраля 1988 года при выполнении боевого задания в районе н.п. Адинкала обнаружил машину. Грамотно оценив обстановку, произвел посадку для осмотра. Захвачено 30 килограммов медикаментов, остальные уничтожены. Во время взлета группа

подверглась интенсивному противодействию средств ПВО. Действуя грамотно и хладнокровно, вывел группу из-под огня без боевых повреждений. При этом уничтожено: 1 ЗГУ, 1 ДШК, 15 оппозиционеров".

И тогда, когда пушки гремят...

Если у киноактера Леонида Быкова, игравшего роль комэска в фильме "В бой идут одни старики", было поощрение авиационное подразделение, то у Николабая — художественно-прикладное. Нелегкую службу в Афганистане авиаторы разбавляли изготовлением поделок и различных сувениров. Хотели хоть на какое-то время забыть, что рядом идет война, умирают и страдают люди.

Николай же увлекся живописью. Рисовал маслом то, что его окружало. В основном боевую технику на аэродроме, при выполнении боевых заданий, пейзажи тех мест, где летали. Его произведения, как правило, писались на кусках фанеры или плотного картона. Кисти и краски в основном доставали сослуживцы, те, для кого рисовал Николай. Сегодня у Николабая осталось всего лишь три картины. Десятки других — у товарищей летчика как память о тех трудных и кровавых днях.

Может быть, до сих пор на месте бывшей дислокации вертолетной эскадрильи сохранился фонтан, скульптуру для которого "изваял" из бетона тогда еще капитан Николабай. Поначалу фонтан представлял из себя обыкновенный глиняный кувшин, из которого вытекала родниковая вода. Но подобное было практически в каждом подразделении, части. Авиаторы решили немного "выпендриться" перед другими. Был объявлен кон-

курс на лучшее оформление родника. Тогда Николай и предложил вылепить "Девушку с кувшином". Идея понравилась. Ну а в армии как? Если что предложил, то и выполняй сам. Он взял и сделал. И даже очень-очень неплохо. О художественных достоинствах этого архитектурного произведения можно судить по фотографии, хранящейся в семейном альбоме.

Из Афганистана уже майор Николабай улетал под самый конец вывода советских войск. Вместе со своими товарищами обеспечивал беспрепятственное прохождение наших колонн боевой техники к границам СССР. Улетая домой, Николай не думал и не гадал, что пройдет всего несколько лет, и он, будучи уже в авиации внутренних войск, окажется вновь на фронте. На этот раз у себя дома, на Северном Кавказе.

Плюс военная хитрость

О чеченской войне Николабай вспоминать не любит. Да и кто хочет говорить о побоище на родной, российской земле. Ее нельзя назвать просто локальным военным конфликтом или боевыми действиями против сепаратистов. По сути дела, это была война, отголоски и последствия которой мы ощущаем и по сей день.

В Чечне полковник Николабай честно выполнял свой воинский долг. При разработке боевых операций его больше всего заботило то, как выйти из боя без потерь. Как и в Афганистане, он больше всего дорожил жизнями своих подчиненных.

— На базу обязательно должны вернуться все, без исключения! — каждый раз говорил он уходящим на боевое задание вертолетчикам.

А для того чтобы выполнить боевую задачу успешно, в сложной обстановке надо действовать по формуле: мастерство плюс военная хитрость.

Однажды один из общевойсковых командиров предложил Николабаю нанести ракетный удар с воздуха по опорному пункту сепаратистов.

— Нам нужно показать мощь и силу наших вертолетов. Важно, чтоб "духи" вас боялись, — пояснил он Николаю.

Летчик отверг это предложение:

— Если уж, чтоб боялись, то давайте сделаем так...

Ракетный удар был нанесен. Но только залпом установки "Град". В момент пуска над позицией боевиков зависла пара МИ-24, имитировавших атаку. Удар был мощным и сокрушительным. Такой, какой вертолетной паре нанести не под силу. Этот случай еще раз доказал сепаратистам, что с "вертушками" лучше не шутить.

О том, насколько грамотно и умно воевал полковник Николабай на Северном Кавказе, красноречиво говорит его орден "За военные заслуги".

Вместо эпилога

Офицерская честь... Эти, увы, редко употребляемые в нашем обиходе слова целиком и полностью относятся к полковнику Николаю Анатольевичу Николабаю. Он ни разу в жизни не посрамил своих погон и высокого звания российского офицера. Ценить бы да жаловать таких людей. Вы скажете: а ордена? А что ордена? Это еще одно подтверждение тому, что он честно служит Отечеству, не жалея живота своего. Однако ордена на хлеб не намажешь, в зимнюю стужу ими не укроешься, и крышей дома они никогда не станут.

Свои награды полковник Нико-

лабай надевает лишь по большим праздникам. А их в году не так уж и много. Вот и хранится парадный китель в пятнадцатиметровой комнате офицерского общежития, в которой уже девять лет ютятся четырежды орденосный офицер с женой и взрослой дочерью. На этаже еще 15 семей таких же горемык. И на всех, как в песне Высоцкого, "одна уборная".

Невелико и денежное довольствие полковника. Как говорится, от зарплаты до зарплаты. На офицерскую получку больно не разгуляешься. Не позволишь себе лишний раз съездить отдохнуть, побывать в родном Мариуполе или просто купить обновку дочери. Экономить приходится даже на питании.

Николаю, зная его летный опыт и пилотажное мастерство, уже не раз предлагали бросить войска к чертовой бабушке и уйти шеф-пилотом в крупную коммерческую структуру. И всякий раз он отказывался. А многие его коллеги, устав бороться с бытовыми невзгодами, сняли погоны. Один из них сегодня летает по всему свету и уже имеет свой дом в США. Это не считая других, более мелких земных благ.

Нет, полковник Николабай не в обиде на свою судьбу. Такой жизненный путь он выбрал сам и твердо идет по нему, преодолевая все трудности. Верит: однажды настанет время, когда в России начнут ценить тех, кто служит своему Отечеству верой и правдой.

**Полковник
Анатолий ВИНОГРАДОВ**

Фото автора

Неизвестные войны

О ЧЕМ МОЛЧАТ СОФИНКСЫ

Встретив этого человека на улице, многие сочтут его скорее всего врачом или научным работником — борodka из разряда тех, которые называют “профессорскими”, благородная седина, серебром отливающая в русых волосах, трость, на которую он опирается при неспешной ходьбе...

Между тем жизнь этого сухощавого, подтянутого мужчины проходила отнюдь не в тихих кабинетах и библиотеках. У него четыре боевых ордена, а всех наград — девятнадцать. Глянешь на этот “иконостас” и сразу поймешь — фронтовик. Первая мысль — “афганец”. Но, как выяснилось, Афганистан был в послужном списке полковника Станислава Лещука третьим зарубеьем.

Сначала была Сирия. На календаре — октябрь семьдесят третьего. На Ближнем Востоке война. Группа советских военных специалистов оказалась в

Сирии в очень непростое для нее время.

Стремительно развивалось наступление израильтян. Они заняли Голанские высоты, установили на них тяжелые гаубицы. Расстояние позволяло вести обстрел Дамаска.

В самой сирийской армии тоже не все было гладко: часть генералитета из высших военных штабов и командиров соединений когда-то получили военное образование в Индии, Пакистане или Германии, имели боевой опыт успешного применения своих знаний. Но их подготовка отличалась от нашей. Хотя при каждом сирийском комбриге находился советский военный советник, пытавшийся научить “друга и союзника” мыслить и действовать применительно к реалиям, это удавалось не всегда.

Большее взаимопонимание царило в среднем тактическом звене. Сирийские командиры

полков и батальонов заканчивали советские военные училища, отношения со своими советниками у них были деловые, а порой даже дружеские.

По большому счету, их армия нуждалась в коренных кадровых перестановках. Но время... Где его взять, когда на столицу вот-вот обрушатся тяжелые снаряды, а израильским танкам — один переход до Дамаска. И все же выход был найден.

Говорят, время — деньги. На войне время — жизнь. Об этом заговорил полковник в отставке Станислав Николаевич Лещук, когда вспомнил самый яркий эпизод той малоизвестной у нас войны...

Нужно было отвлечь внимание и силы противника от Дамаска. Бригада спецназа — три тысячи марокканских командос — ночью скрытно высадилась на Голанских высотах, заняла позиции противника и в течение двух недель удерживала их, сражаясь

в окружении. Они погибли все, все три тысячи! Но за эти дни значительно поменялось сирийское военное руководство. Израильцы стали встречать достойный отпор, сирийцы учились воевать... Одним из тех, кто учил их воевать непосредственно в ходе боевых действий, был военный контрразведчик капитан Станислав Лещук.

После той командировки он был представлен к медали "За боевые заслуги". И сразу же новый приказ: срочно вылететь... в Египет. Противник тот же, и ситуация для наших подсоветных тоже критическая: одна египетская армия окружена израильцами в пустыне, другая, которая должна была защищать Каир, дезорганизована и морально подавлена. В общем, очередной наш союзник оказался на грани военного поражения. Надежду на спасение видели в них — советских офицерах.

Группа военных специалистов, среди которых был и Станислав Николаевич, подлетала к египетской столице под конвоем пары "фантомов". Гражданский самолет третьей страны "ястребы" клонуть не решились. Но на каирский аэродром все же сели во время бомбежки. Первый день на этой войне мог стать и последним. Но судьба хранила...

Каждый из прилетевших в Каир советских военных был высококлассным специалистом в своем деле. Все направленно — артиллеристы, разведчики, связисты, саперы, танкисты — работали не просто засучив рукава, денно и ночью, а зачастую с риском для жизни, непосредственно в боевых порядках. Хватало работы и контрразведчикам.

Была у этой команды еще од-

на, общая для всех задача, на первый взгляд, совсем простая: небольшими группами по четыре-шесть человек в *советской военной форме* показываться на улицах Каира, буквально наводненного в те дни агентурой различных разведок. Такое было в диковинку. Обычно военные советники носили форму той страны, в которой выполняли свою миссию, и никогда широко не афишировали истинное свое гражданство. Теперь же поступила команда: "Засветиться!"

Все объяснялось просто. На проходящем в те дни Конгрессе миролюбивых сил руководство Советского Союза во всеуслышание заявило, что, верное своему долгу, окажет союзнику, то есть Египту, любую, в том числе и военную, помощь.

Вот и выпало Станиславу Николаевичу и его коллегам, кроме выполнения своих конкретных боевых задач, обозначать "советское военное присутствие" у подножия древних пирамид, под суровым взглядом сфинксов, подтверждая слова, сказанные с высокой трибуны.

Целью наших офицеров было не допустить продолжения военных действий в Египте, выполнить решение Совета безопасности о прекращении войны в регионе. Ради выполнения этой задачи капитан Станислав Лещук с боевыми товарищами в сложных условиях прифронтового города собирал ценную информацию о замыслах противоборствующих сторон, благодаря чему Москва могла принимать взвешенные и своевременные решения. Это был как раз тот случай, когда искусные, опытные советские командиры и контрразведчики выполняли миротворческую миссию.

Наградой за ту командировку

был ему орден Красной Звезды...

Потом было несколько мирных лет, хотя для контрразведчика его незримый бой никогда не кончается.

И все же когда засвистели пули в горах и ущельях Афганистана, о нем вспомнили, в первую очередь, как о боевом офицере, понюхавшем пороху. Кроме практического опыта, у него были определенные навыки акклиматизации в Азии, умение работать в мусульманском окружении. Все это вместе взятое делало его нередко просто незаменимым специалистом. Вот и пришлось ему отрубить в Афгане два срока, руководствуясь правильным офицерским девизом "Если не я, то кто же?"

Нетрадиционный способ боевых действий, с которым столкнулись в ДРА наши войска, потребовал больших изменений и в подготовке солдат, и в структуре войсковых частей и подразделений, и в системе добывания, анализа и перепроверки данных о противнике.

Вся работа военной контрразведки строилась таким образом, чтобы обеспечить штабы максимальной по объему и степени достоверности информацией. "Вы не должны позволить превратить бой в бойню" — эти слова одного из уважаемых боевых генералов Станислав Николаевич нередко повторял своим подчиненным — офицерам-чекистам. И военные контрразведчики делали все для того, чтобы свести к минимуму потери своих войск, чтобы нанести поражение "непримиримым", чтобы в ходе боевых столкновений не пострадали мирные жители. Сколько ради этого было изъезжено дорог, исхожено горных троп вместе с разведгруппами!

Много раз выходили чекисты и на контакты с полевыми командирами душманов, сжимая в кармане "песчанки" одну-единственную гранату — для себя. Но после таких переговоров реже гремели взрывы на горном серпантине, не превращались в чадящие костры наши наливники и БТРы. Станислав Николаевич с гордостью вспоминает тот период, когда в зоне ответственности его дивизии (а это сто километров дорог) за три месяца не было ни одной потери.

Но не все гладко бывает на войне, тем более такой, как афганская, диверсионно-партизанская. Порой за информацию и разведданные приходилось платить очень дорогой ценой.

Однажды группа разведчиков, возвращаясь с операции, нарвалась на засаду "духов" и вынуждена была принять бой. Взрывом противопехотной мины опытному разведчику капитану Петрову оторвало ногу, отбросило взрывной волной на другую мину. Снова взрыв. На месте левой руки — осколки кости, обрывки сухожилий. Офицера вынесли с поля боя товарищи. Сведения, добытые в том рейде, не имели цены. Впрочем, у капитана Петрова на этот счет свое мнение...

Чисто разведывательной работой занимались и контрразведчики. Лещук вспоминает еще один боевой эпизод. По имеющимся данным в одном из районов предполагалось наличие группы из восемнадцати моджахедов, которые не только совершали дерзкие террористические акты, но и вели интенсивную идеологическую обработку населения. По данным особого отдела, здесь же скрытно действовал и учебный центр подготовки душманов, в котором сосредото-

чено было до восьмисот вооруженных до зубов головорезов.

Разведзвод, готовившийся к операции по ликвидации небольшой группы противника,

Подполковник С. Лещук.
Кабульский госпиталь,
декабрь 1982 г.

пренебрег информацией военных контрразведчиков и попал в тяжелое положение. Живыми вернулись не все. Это был горький урок для отчаянных командиров. С тех пор они всегда, когда готовили проводку колонны или иную боевую операцию, прислушивались к мнению своих особистов, тем более таких матерых, как подполковник Станислав Лещук.

Он был уже заместителем начальника особого отдела 40-й армии, но кабинетной работы по-прежнему не любил. На рожон тоже без нужды не лез, но... Три ранения и тяжелая контузия после подрыва БТРа на фугасе красноречиво говорят о том, что он не отсиживался в глубоком тылу.

Два ордена Красного Знамени (советский и афганский), орден

"За службу Родине в Вооруженных Силах СССР" 3-й степени — тоже вехи непростого пути. Кстати сказать, все награжденные представления на Лещука шли непосредственно из войск, от тех командиров, которые были благодарны военному контрразведчику за конкретную работу по обеспечению выполнения боевых задач.

В 84-м он вернулся в Союз, служил в центре. Генералом не стал — на служебной лестнице тормозили медики. Но достойное применение боевой офицер себе нашел — с 1986 года стал служить во внутренних войсках, где органы военной контрразведки переживали период становления. Несколько лет полковник Станислав Николаевич Лещук возглавлял отдел военной контрразведки Приволжского округа внутренних войск...

Специфика службы такова, что о многом не расскажешь ни широкой публике, ни даже сослуживцам ни сегодня, ни через двадцать лет. Когда-то один из американских президентов заявил своему народу: "Сегодня мы воюем в Индокитае, чтобы завтра не воевать в Калифорнии". Такова суровая правда жизни. Отечество и его интересы необходимо защищать не только на его рубежах.

Это хорошо понимал офицер Станислав Лещук, когда уезжал со "своей одной шестой части суши" на войну в чужедальние пустыни и горы...

Майор
Игорь СОФРОНОВ

Приволжский округ
внутренних войск

“Круглый стол”

Престиж военной службы напрямую зависит от авторитета военнослужащих в обществе. Если люди уважительно относятся к человеку в погонах, государство заботится о своих вооруженных защитниках — значит, не будет отбоя от желающих верой и правдой послужить Отечеству. Следовательно, сильна будет и наша армия.

О том, что и как влияет на авторитет военного человека, сегодня за нашим “круглым столом” вместе с военнослужащими внутренних войск размышляют и представительницы слабого пола, которым очень часто приходится общаться с военными людьми.

Валерий НОСОВ, подполковник, начальник службы РХБЗ бригады. Закончил Костромское высшее военное командное училище химической защиты.

Наверное, самый высокий авторитет военного человека в обществе был после Великой Отечественной войны. Советские солдаты-освободители возвра-

НА ЧАШАХ ВЕСОВ — АВТОРИТЕТ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

щались с войны, поднимали разрушенное народное хозяйство, своей военной хваткой еще больше укрепляли авторитет военного человека. Это были люди, которые выполнили ту работу, для которой армия и предназначена, — освободили страну от агрессора. Такая народная любовь к армии сохранялась долгие годы. Помню, еще курсантом идешь с офицером в патруль по городу, подходишь к какой-нибудь торговой точке за пачкой сигарет, женщины, почтенные, пожилые люди уважительно тебя пропускают вне очереди. Это было приятно и обязывало меня не уронить честь военного человека, достойно себя вести в любой ситуации. Люди в военном человеке всегда видели защитника, рядом с ним было спокойно. Даже дебоширы и выпивохи не могли себе позволить нагрубить женщине в присутствии военного. Потому что знали, он мимо этого спокойно не пройдет. Армию уважали и поэтому с удовольствием отправляли сыновей на службу. Лозунг “Народ и армия едины” действительно соответствовал истине. Но на каком-то этапе наши политики вольно

или невольно армию стали “подставлять”. Больше всего доставалось внутренним войскам, которых чаще привлекали для наведения конституционного порядка и обеспечения режима чрезвычайного положения в различных регионах. Не все правильно понимали возложенные на нас задачи. В военнослужащем стали видеть не защитника, а душителя демократии. Начался тихий протест родителей против призыва в армию. И сейчас это дошло до такой степени, что престиж некоторых отцов, их деловая репутация и уважение среди знакомых значительно возрастают, если они смогли “отмазать” своих чад от службы в армии. Уже сам этот факт авторитета армии не прибавляет.

Офицеры и прапорщики перестали в общественных местах появляться в военной форме. Потому что участились случаи нападений на офицеров, избиений, покушений на жизнь только за то, что они носят военную форму. Иначе, как провокацией против армии, это не назовешь. Такие действия обычно предпринимаются, если хотят запугать, деморализовать кого-то. В

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

данном случае это направлено против офицерского корпуса.

К сожалению, нередко военнослужащие сами провоцируют негативное отношение к себе. Офицер, который не случайно оказался в армейском строю, а пошел служить по призыванию, никогда не позволит себе опозорить военную форму и свое звание. А сейчас пьяный офицер в общественных местах — не такая уж и редкость. Таких людей не беспокоит авторитет армии.

Олег АЛТУХОВ, курсант, учится на пятом курсе факультета журналистики Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.

Говорить об авторитете военного человека отвлеченно, без учета положения армии в обществе нельзя. Когда какой-либо гражданин видит на улице офицера или прапорщика, он даже не пытается понять, что тот представляет из себя как человек. Он видит перед собой представителя той самой армии, в которую сегодня только ленивый не бросит камень. Это и накладывает отпечаток на авторитет военного.

С началом демократических преобразований в нашей стране началась и целенаправленная кампания травли Вооруженных

сил. Отчасти это было связано с разоблачением высоких армейских чинов, уличенных в воровстве и злоупотреблении служебным положением. Авторитет армии от этого пострадал сильно. С началом чеченской кампании он несколько поднялся, у армии появилась реальная работа, где она могла себя проявить. Но потом он опять пошатнулся. Это было связано с тем, что война неоправданно затянулась, велась она по непонятным правилам и завершилась не то победой, не то поражением нашей армии.

Это то, что можно сказать о положении армии в обществе. Важное значение для авторитета военнослужащих имеет и их социальное положение. За последние десять лет приоритеты изменились. Страна идет долгой дорогой к рынку, все продается и покупается. Сегодня никто не интересуется твоими идеалами и твоей моралью, всем интересно, сколько у тебя денег. Чем их больше, тем выше авторитет. Вот служба в армии, самый тяжелый и опасный труд, почему-то по-прежнему остается только почетным и священным долгом. Потому что денежное содержание военнослужащих низводит их в нищенские условия. Сильные мужчины ("слабые здоровьем" просто откупились от армии и давно открыли свои фирмы) не в состоянии обеспечить материально свои семьи. О каком авторитете в обществе может идти речь, если, по большому счету, они не заслуживают уважения даже у своих близких, членов семьи? Но вины их в этом нет. И чтобы хоть как-то свести концы с концами, многие вынуждены подрабатывать во внеурочное время, охранять фирмы тех самых "слабых здоровьем", ко-

им служба в армии противопоказана.

Может, в регионах, где высок процент безработицы и на предприятиях зарплату не выплачивают вообще, положение военнослужащих несколько иное. Но и там авторитет военного человека не такой, каким он был когда-то.

Государство держит военнослужащих на голодном пайке. Солдаты у прохожих просят деньги, чтобы купить себе поесть. И разговоры о том, что необходимо потуже затянуть пояса, потому что страна находится на полпути к рынку, сейчас уже мало успокаивают. Все видят, как разворовывается наше национальное богатство, словно грибы после дождя растут котеджи стоимостью сотни тысяч долларов.

Когда я поступал в университет, военнослужащие хоть вовремя деньги получали, до 1995 года еще индексировались оклады денежного содержания. Казалось, что все должно было измениться в лучшую сторону. Но получилось наоборот. Все-таки военнослужащие должны занять подобающее место в обществе. Так бесконечно продолжаться не может. Страна будет кормить либо свою армию, либо чужую.

С точки зрения профессионализма, военнослужащие не уронили свой авторитет. Подготовка солдат и офицеров на таком уровне, который пока позволяет успешно выполнять служебно-боевые задачи.

Мало кто из военных сейчас ходит в военной форме. Они стыдятся своего положения. Военная форма, которая должна была подчеркивать авторитет военного человека, превратилась в обычную рабочую спецовку. Она не дает никаких преимуществ, но накладывает опреде-

ленные обязанности. Верная примета: если военнослужащие будут с гордостью носить военную форму, значит, авторитет их в обществе повышается и реформа в армии действительно идет.

Алла ТОЛАБДЖЯН, 6 лет проработала контролером автоматических пропускных пунктов Московского метрополитена.

К военнослужащим отношусь очень хорошо. Одно время я работала бухгалтером в жэке военного городка и там же получила квартиру. Очень хороший коллектив был у нас. У меня остались прекрасные впечатления о взаимоотношениях военнослужащих между собой, об отношении младших к старшим, об уважительном отношении к женщине. Может, сейчас что-нибудь и изменилось в худшую сторону. Хотя, несмотря на ту плохую славу об армии, которую распространяют газеты и журналы, радио и телевидение, отношение у простых людей к ней не изменилось. Да и как оно может измениться, если там служат наши дети! Обидно, что в некоторых частях процветает казарменное хулиганство, но это болезнь всего нашего общества. Остается только надеяться, что выздоровеем мы со временем, станет больше порядка и в ар-

мии. Старший сын у меня служил, ничего плохого не слышала я от него. Через пять лет и младшему предстоит пройти эту школу. За него я как-то больше боюсь. Раньше отправляли в армию с песнями, плясками, сейчас с тревогой. Сколько неоправданных жертв было за последние несколько лет.

Что больше всего бросается в глаза — сейчас меньше военных ездит в форме. Может, просто у армии нет средств на покупку одежды, а может, другая причина. Мне нравятся люди в военной форме. Рядом с ними себя чувствуешь как-то увереннее, знаешь, что на их поддержку можно надеяться в какой-то непредвиденной ситуации.

Олег ИЛЬИН, майор, начальник группы по работе с личным составом Центральной войсковой комендатуры. Закончил Высшее военно-политическое училище, Военный университет МО России.

Естественно, авторитет армии, отношение общества к военнослужащим во многом формируются с подачи средств массовой информации. Нарушений в частях действительно много, и никто этого скрывать не собирается. Но публикуя на страницах газет горячие факты о неустав-

щине, нелишне давать хоть небольшой анализ. Показывать, насколько вина за них лежит непосредственно на офицерах, что делается ими для пресечения подобных случаев, что предпринимается по уже выявленным преступлениям. Может, тогда и отношение к военнослужащим будет иное. К сожалению, мы такой негативной пропаганде ничего противопоставить не можем. Нам остается только оправдываться и вытирать слезки.

Сегодня авторитет армии во многом страдает из-за того, что мы растеряли хорошие боевые традиции. Раньше ведь армия сама о себе формировала мнение в обществе. На военных парадах демонстрировалась мощь наших Вооруженных Сил, проводили чествование ветеранов, торжественное принятие присяги молодым пополнением. Ежегодно в День Победы воинские части проходили с песнями и боевыми знаменами. У женщин слезы наворачивались на глаза, слезы гордости за своих сыновей, которые были в строю. Уже сама подготовка к таким мероприятиям играла огромную воспитательную роль. Солдат надевал парадную форму одежды, перед этим вычищал ее, гладил. Фронтовики выходили с боевыми наградами. И не случайно перед увольнением в запас каждый старался оборудовать свою парадку различными неуставными блестящими штучками, чтобы выглядеть красиво. Одно слово — сын из армии возвращается. Вся деревня встречать соберется, как два года назад и провожала. А сегодня у солдата нет парадной формы одежды, а офицер надевает ее только в день выпуска из военного училища.

Когда я поступал в военное училище, офицер в военкомате

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

сказал, что немного найдется людей, которые могли бы продать свою свободу. У меня отец тридцать лет прослужил в армии, и вопрос, кем быть, передо мной не стоял. А сейчас, когда отношение к офицерам изменилось в худшую сторону, получается, что многие не просто продали свою свободу за бесценок, а добровольно надели себе кандалы. В гражданских условиях человек может поменять место работы, профессию, род занятий и найти, где заработать. Офицеры и прапорщики лишены такой возможности. Материальное положение военнослужащих и их авторитет очень тесно взаимосвязаны.

Нина АГАРКОВА, начальник поезда Москва — Белгород, 16 лет проработала на железной дороге.

Служить в армии нелегко и солдату, и офицеру. Мне военнослужащих просто жалко. Сколько раз приходилось перевозить солдат бесплатно. Или не могут билет приобрести, или у них требование не принимают. А однажды подходят вчетвером и говорят: "Мы смогли купить только один билет на всех, осталось у нас еще сорок тысяч на еду". Я же вижу, что они деньги не пропили, некоторые даже не курят. На свой страх и риск при-

ходитесь брать. В таких случаях я становлюсь, наверное, слишком сентиментальной. Чисто по-матерински жаль ребят. Да и что можно объяснить ребенку, которому выдали какую-то бумажку, и за нее он не может доехать домой. А некоторые просто подетски плачут от беспомощности. Как не взять? Озlobится ведь на весь мир, на преступление пойдет, на обман.

Посадим в вагон, бутербродом угостим — видим же горящие голодные глаза. Снимут обувь, иногда надетую на босу ногу, а на ногах мозоли кровавые. Нехорошее впечатление об армии складывается. Но ни офицеры, ни солдаты не виноваты в этом. Эту болезнь необходимо лечить всем миром. На месте нашего министерского руководства я разрешила бы провозить солдат бесплатно. Не такая уж большая у нас армия сейчас, и не столько уж много потеряет от этого железная дорога.

Часто приходится перевозить целые команды призывников. Посмотришь на сухой паек, который выдают им на дорогу, и кажется, что цветная упаковочная коробка стоит дороже, чем ее содержимое. Вечером поужинали, а наутро уже и есть нечего. Среди новобранцев нет таких радостных, возбужденных разговоров, как это было раньше: ехали с гармошкой, гитарой. Сейчас не смеются, лица словно неживые, из воска вылеплены. Как будто отрешились от всего мира, ушли в себя перед какой-то неизбежной трагедией.

У меня уже внуку семь лет. Несмотря ни на что, мы его воспитываем настоящим мужчиной. И служить в армии он будет непременно.

Одноклассник моей дочери закончил спортивный факультет института, отец занимает высо-

кий пост. Но сыну он сказал: об уклонении от службы не может быть и речи. Пока не отслужишь в армии, не станешь настоящим человеком. Ребята у нас во дворе к этому относятся очень хорошо. А это положительно влияет на авторитет армии. Поднять престиж военной службы сможем только сообща.

Подготовил к печати подполковник Иван МУЧАК

Принять участие в разговоре за "круглым столом" может любой желающий. Вам достаточно написать письмо в редакцию, рассказать об опыте разрешения вопросов по какой-то проблеме или высказать критические замечания. Не забудьте выслать свое фото.

Из истории кавказских войн**ГЕНЕРАЛ НИКОЛАЙ ЕВДОКИМОВ:****«ПЕРВАЯ ФИЛАНТРОПИЯ — СВОИМ...»**

Генерал-адъютант Евдокимов, военачальник, внесший наибольший вклад в покорение Кавказа, на Кавказе и родился. В 1804 году в станице Наурской, в семье простого фейерверкера (артиллерийского унтер-офицера) и терской казачки появился на свет сын Николай. Отец будущего графа Российской империи происходил из крепостных крестьян Уфимской губернии. По набору он был сдан в рекруты и прослужил в нижних чинах с 1784 по 1813 год, когда по выслуге лет был произведен в прапорщики Кавказского корпуса с назначением начальником артиллерии гарнизона в укреплении Темнолесском. Здесь, в глухом уголке Северо-Западного Кавказа, прошли детские годы Николая Евдокимова. Отец научил его грамоте и счету, а также тем жизненным принципам, которые, без сомнения, исповедовал сам. О выборе карьеры речи быть не могло. Его Величество Ратная Служба — служба не за страх, а за совесть — стала делом жизни и младшего Евдокимова.

В 16 лет Николай поступил вольноопределяющимся в Тенгинский пехотный полк и прослужил здесь более трех лет. Начало его карьеры было весьма необычно.

Исполняя обязанности ротно-

го писаря, Евдокимов допустил серьезный дисциплинарный проступок и должен был понести суровое наказание, но судьба судила иначе. Подразделение, в котором он служил, находилось в составе отряда, прикрывавшего поселения Кавказских Минеральных Вод от ожидавшегося нападения горцев. Этим обстоятельством и вздумал воспользоваться предприимчивый писарь. Он решил использовать свое знание языка и обычаев черкесов, чтобы разведать их планы и таким образом загладить свою вину. Тайком переодевшись нищим, он самовольно ушел на разведку. Проведя в горах более двух суток и подвергаясь смертельной опасности, Евдокимов сумел выявить местонахождение крупной партии черкесов, после чего явился с повинной к своему командиру. Он был представлен командующему отрядом генералу Селифантьеву, и тот поручил Евдокимову вывести отряд к расположению абреков. Удача сопутствовала русским, разбойники были рассеяны.

За этот подвиг Евдокимов был произведен в прапорщики с переводом в Курляндский пехотный полк, располагавшийся в Дербенте. Вскоре ему уже пришлось принять участие в подавлении восстания в Кубинском царстве, а затем в Русско-Персидской войне.

Первым настоящим испытанием для Евдокимова, выделившим его из среды боевых товарищей, стали экспедиции против Кази-Муллы в 1830—1831 гг., когда он отличился особой храбростью и распорядительностью при кровопролитном штурме укрепленного урочища Чумкисент, в обороне крепости Бурной, в бою под г.Тарки, где со взводом куринцев захватил красное знамя имама, но сам получил сквозное ранение в голову. Пуля, войдя под левую скулу, вышла в затылке, оставив шрам на всю жизнь, что дало повод горцам прозвать Евдокимова "Учгезы" ("Трехглазый"). Прозвище имело лестный подтекст: в переносном смысле — "прозревающий сердца и мысли".

Находясь на излечении, Евдокимов узнал о том, что Казимуллу осаждает Дербент, где находились основные силы Куринского полка, и решил туда пробраться. На рыбацкой лодке он с двумя солдатами пустился в плавание по морю и, пристав возле лагеря мятежников, чудом сумел пройти меж их постов и присоединиться к своей части. Об этом отчаянном поступке доложили императору, и Евдокимову было объявлено "высочайшее благоволение"; он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

В 1834 г. Н.И.Евдокимов произведен в поручики с переводом в Апшеронский пехотный полк, с которым он участвовал во множестве славных дел в Дагестане, в том числе и в штурме

аулов Гимры и Гоцатль, бою при Ашильтинском мосту в тридцать седьмом году, где был контужен. За этот бой Николаю Ивановичу был пожалован орден Св.Владимира 4-й степени с бантом. Вскоре он производится в штабс-капитаны, и известный на Кавказе генерал Клюкке фон Клюгенау предложил ему должность своего адъютанта.

Евдокимова ждали новые испытания. Так, участвуя в неудачных переговорах с Шамилем у Гимринского родника, ему удалось спасти своего начальника и его небольшой конвой от неминуемой гибели. Вместе с Клюкке фон Клюгенау Евдокимов служил в Закавказье (Ахалцыхская провинция), затем вновь в Дагестане. Всюду Николай Иванович показывал себя незаменимым

специалистом, великолепно знающим как строевую службу, так и войсковое хозяйство, умеющим налаживать отношения с горцами. В 1840 г. Евдокимов за отличия в службе произведен в чин капитана. Во время летней экспедиции генерала Галафеева в Чечню 11 июля он участвует в кровопролитном бою на реке Валерик. В том же году принимает участие в походе отряда Клюкке фон Клюгенау против Шамиля и разгроме его под аулом Гимры.

В начале следующего года Н.И.Евдокимов, уже майор, по представлению своего начальника назначается койсубулинским приставом в горном Дагестане. На новой должности, управляя горскими обществами и возглавляя местную милицию, Николай Иванович успешно справлялся с обязанностями, опираясь на свое знание обычаев и психологии горцев, и показал себя способным администратором и мужественным офицером.

Когда в 1842 г. наибы Шамиля Хаджи-Мурат и Абакир заняли аулы Харачи и Унцукуль, входящие в управляемый Евдокимовым округ, он, имея всего две роты и до четырехсот милиционеров, стремительным броском застал их врасплох, пленив при этом 80 мюридов. Выступая затем на сходе перед старейшинами Унцукуля, куда он прибыл всего лишь с ротой апшеронцев, Евдокимов не заметил подкравшегося к нему сзади фанатика и получил удар в спину. Проткнутый кинжалом насквозь и тут же раненный вторично в плечо, майор выхватил шашку и, обернувшись, нанес убийце удар, рассекший того от плеча до середины груди. Сам же тотчас упал без чувств на руки подхвативших его старейшин.

Все присутствующие были потрясены, причем не столько на-

**Свидание генерала Клюкке фон Клюгенау с Шамилем.
С картины художника Г.Г.Гагарина**

падением (немало русских генералов и офицеров стали жертвами вероломства кавказцев на различных переговорах), сколько поведением Евдокимова. К валявшемуся на площади труп мюрида целый день приходили воины — своими глазами убедиться в силе, ловкости и мужестве русского офицера, который, несмотря на тяжелые раны, сразил-таки врага наповал одним ударом.

Очнувшийся лишь на третий день Евдокимов чудом остался жив — кинжал прошел рядом с сердцем. Лечился он в том же ауле. Его жители умели уважать чужую доблесть. Они сочли своим долгом найти искусного хакима-лекаря и поставить на ноги русского богатыря, через два месяца уже отправившегося в новый поход.

Произведенный досрочно в подполковники и представленный за свое геройство к награждению орденом Св. Георгия 4-й степени, Николай Иванович в мае того же года принял участие в экспедиции графа Габбе в Ичкерью, печально известной своими плачевными результатами. В конце года он получил в командование отряд на Нижне-Сулакской линии, где в тяжелейших условиях охранял единственный путь сообщения левого фланга линии с Россией. В срок третьем году Евдокимов принял участие в Аварской экспедиции, снова под началом своего покровителя и друга Клюки-фон-Клугенау. В конце того же года его отряд участвовал в отражении скопищ Шамиля от укрепления Низового, а затем в освобождении укрепления Миатлинского и крепости Темир-Хан-Шура. Этот тяжелый для Кавказского корпуса год принес Евдокимову чин полковника и орден Св. Станислава 2-й степени.

Весной 1844 г. полковник Ев-

докимов неоднократно участвует в дагестанских экспедициях генерала Лидерса. Ему поручают ответственные самостоятельные задачи, которые он успешно решает. Так, например, при рекогносцировке в селе Кодор он обнаружил трехтысячный отряд противника и сумел успешно отразить его нападение.

В конце июня того же года он становится командиром Волгского полка линейных казаков. Помимо выполнения прямых должностных обязанностей Николай Иванович в это время отвечает за охрану участка линии, исполняет важные административные поручения по охране края: по усовершенствованию Кисловодской кордонной линии, затем — по устройству наблюдательной линии по реке Сулак и ряд других.

В начале 1846 г. Евдокимов назначается командиром вновь формируемого из отдельных подразделений линейной пехоты Дагестанского пехотного полка и в короткий срок добивается создания боеспособной части. С этим полком наступает для него новая полоса походов и подвигов. Спустя несколько месяцев молодой полк в составе отряда генерала Бебутова участвует в экспедициях против Шамиля, закончившихся разгромом сил имама под аулом Кутиши.

В следующем году Дагестанский полк участвует в неудачном походе к аулу Гергебиль. В повторной экспедиции князя Воронцова действия Евдокимова вновь обращают на него внимание командования. 22 июня он штурмом овладевает Кудухскими высотами у Гергебиля и удерживает их двенадцать дней, не подпуская на выручку осажденному аулу войско Мусы Белоканского, благодаря чему 7 июля этот важнейший оплот сопротивления горцев наконец

пал. За бои под аулами Салты и Гергебиль Евдокимов был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени, а вскоре, уже в 1850 г., получил чин генерал-майора со вступлением в командование 1-й бригадой 20-й пехотной дивизии.

Возглавив вскоре 2-ю бригаду 19-й пехотной дивизии, он одновременно становится и начальником правого фланга Кавказской линии общей протяженностью 600 верст — от крепости Усть-Лабинской вверх по течению Кубани до самого подножия Эльбруса — с задачей бдительно охранять линии и защищать русские поселения. В действительности же это было, по его собственному выражению, «бремя защиты слабой страны со слабыми силами». Евдокимову предстояло оборонять огромную дистанцию двенадцатью полками черноморских и донских казаков, из которых третья часть была распылена на внутренних постах и вдоль почтового тракта, а также восемь пехотными батальонами, большей частью также разбросанными по гарнизонам маленьких укреплений и станиц. С огромным трудом и риском допустить прорыв Евдокимов мог сосредоточить для активных действий 10-12 рот и не более 20 сотен конницы. Противник же, а это был «второй Шамиль» — связанный с английской разведкой Мухаммед-Эмин, имел возможность бросить на любой пункт по своему выбору 6-7 тысяч всадников.

Проведя в том же пятидесятом году несколько экспедиций, генерал Евдокимов понял, что наши передовые укрепления необходимо перенести с реки Лабы на реку Белую, оттеснив горцев в глубь их территории — ближе к Главному Кавказскому хребту, в последующем продолжать методично теснить их далее — к морю.

Добившись разрешения на со-

здание новой линии, упорным трудом в течение последующих пяти лет Евдокимов заложил основу для окончательного завоевания Западного Кавказа.

В эти годы Николай Иванович, сознавая недостаточность своего образования, уже в генеральском чине с увлечением занимался самообразованием. Огромный практический опыт и природный ум помогли ему постигать теорию военных наук, подходить к ней критически и искать применения на практике. В 1854 г. он составил докладную записку "о предложениях, полезных для исполнения на правом фланге Кавказской линии", в которой изложил последовательный план покорения враждебного края.

Приступить к немедленному полномасштабному исполнению своего плана не удалось. До конца 1855 г. за недостатком сил, занятых на театрах восточной войны, Евдокимову пришлось ограничиваться действиями частного характера, а 28 декабря состоялось его назначение командиром 20-й пехотной дивизии.

Вновь оказавшись на Восточном Кавказе, Евдокимов одновременно стал начальником левого фланга линии. Начался новый этап служебной карьеры, принесший генералу Евдокимову новую громкую всероссийскую славу.

Возвращение Евдокимова на левый фланг совпало с назначением командующим Отдельным Кавказским корпусом князя А.И.Барятинского. Николай Иванович сразу же становится правой рукой нового командующего в операциях по завершению покорения Восточного Кавказа.

Решено было вернуться к опыту Ермолова и действовать методично, с тщательной подготовкой каждого шага, отказавшись на время от кровавых и

бесплодных экспедиций. Войска взялись за топоры и лопаты, расчищая просеки и прокладывая новые.

Окончание Крымской войны позволило сосредоточить на Северном Кавказе значительные силы, и с конца 1856 г. Евдокимов начинает постепенно занимать равнину Большой Чечни, оттесняя чеченцев в предгорья и игнорируя их попытки навязать ближний бой. Под прикрытием артиллерии войска, более орудия шанцевым инструментом, прокладывают новые стратегические дороги. Побывавший в десятках боев ветеран, самостоятельно возглавляя теперь крупный отряд, всячески оберегает вверенные ему части от потерь. Рвущиеся в бой горячие головы сдерживаются строгими приказами, и в результате потери сводятся до минимума даже тогда, когда части втягивались в ущелья, где ранее проливалось столько крови.

Спустя год после начала масштабных работ за Сунжей три дивизии Чеченского отряда Евдокимова прорубили просеки в Дагестан, открыв тем самым кратчайший путь сообщения между двумя опорными группировками русских сил на Восточном Кавказе.

Теперь можно было приступить к осуществлению второй части плана Барятинского — покорению Горной Чечни, или Ичкерии. Важная роль в нем отводилась окончательному овладению стратегически важным Аргунским ущельем. В то время как Дагестанский и Лезгинский отряды, нацелившиеся на Ведено с юга и юго-востока, отвлекали на себя часть сил Шамиля, Евдокимов, направив часть отряда на Ведено, сам с основными силами неожиданно перешел горы и атаковал само ущелье, захватив аул Дачу-Борзой. Шамиль вынужден был бежать из

верховой Аргуна в Ведено, а вскоре пала и столица имама. Оставив Ведено, он бежал дальше, в Дагестан, в район Андинской Койсу, где был окружен вместе с последними своими сподвижниками. Война на Восточном Кавказе закончилась 25 августа 1858 года.

Победителей осыпали наградами. Евдокимову были пожалованы чин генерал-лейтенанта, орден Св. Георгия 3-й степени и графский титул. Молодой император лично соизволил сочинить ему герб: на щите российский двуглавый орел, разрушенная башня и борона, обозначающие происхождение нового графа и его заслуги перед Россией — покорение Кавказа. Он же придумал и девиз: "С боя", а графскую корону над гербом поддерживали черкес с красным знаменем и филин (символ благородности).

В то время как на Восточном Кавказе все было кончено, на Западном до победы было еще далеко. После поражения Шамиля часть черкесских племен, в первую очередь абадзехи, выразила готовность принять власть России, но теперь, после поражения в Крымской войне, вопрос стоял иначе. Правительство требовало их переселения или на равнину, под контроль русских войск, или в Турцию, поскольку горцы считали себя подданными султана.

Россия, не имея более флота на Черном море, чувствовала себя ослабленной, во вражеском окружении. Непокоренный до сих пор Кавказ, нависающий над цепочкой береговых укреплений и практически открытый со стороны Турции и ее союзников, представлял слишком большую опасность, во всяком случае в глазах стратегов еще недавно страдавших комплексом "десантобязни".

Существовала и иная точка

зрения на проблему адыгских племен. Командовавший в то время правым флангом генерал Г.И. Филипсон предлагал план постепенного вовлечения горцев в хозяйственную жизнь края при условии строительства небольшого числа опорных пунктов. Военно-политическое руководство страны судило иначе, подержав предложенный Евдокимовым план решительных действий. Он предлагал быстро вытеснить шапсугов, абадзехов и убыхов с верховьев Белой к черноморскому побережью и поставить перед выбором: переселиться в Ставрополье или в Турцию.

Командующий князь Барятинский, придерживавшийся такого же мнения, поддержал Евдокимова и перевел на правый фланг, назначив его начальником всех находившихся там войск.

Осуществлять задуманное Николаю Ивановичу пришлось уже без поддержки Барятинского, заболевшего и покинувшего Кавказ. Прибыв на место, он взялся за дело, как всегда, со всею энергией, на какую был способен. Прожив жизнь по законам войны, он не сомневался в своей правоте. Его слова "Первая филантропия — своим; горцам же я считаю вправе предоставить лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов" стали известны в России не менее, чем мрачная шутка генерала Шеридана по поводу "хороших мертвых индейцев" в Соединенных Штатах. Западный Кавказ не должен был стать ареной враждебных вылазок европейских держав против России.

Испытанная в Чечне система движения в глубь страны, прокладывание дорог, просек, строительство все новых укреплений и станиц обеспечивали успех,

но первые же наступательные действия встретили яростное сопротивление со стороны шапсугов. Прочие же племена встречали войска относительно дружелюбно или пытались вступить в переговоры. К зиме с шапсугами было покончено, и весной 1861 г. Лабинскую линию перенесли на реку Фарс. При этом мелкие племена (темирговцы, бесленеевцы, тамовцы и др.) были частично истреблены или выселены в Турцию.

В сентябре 1861 г. Северный Кавказ посетил Александр II. Граф Евдокимов, докладывая о ходе выполнения своего плана, предложил завершить его через пять лет, но император потребовал ускорить развязку. Европа могла вмешаться раньше.

Напуганные участием соседей абадзехи прислали к Евдокимову делегацию с предложением мира, но генерал потребовал от них полной покорности и ухода с занимаемых земель в назначенные места, причем дал месяц срока на принятие решения. Загнанные в угол горцы взяли с оружием. При подавляющем перевесе русских борьба свелась к партизанским методам. За летние месяцы граница была передвинута на реки Пшех и Курджипс, и к концу года вооруженное сопротивление в пределах Кубанской области было полностью сломлено, остатки абадзехов бежали к морю.

В феврале 1863 г. новым заместителем Кавказа стал Великий князь Михаил Николаевич. Боевые действия продолжались.

Теперь оставалось лишь очистить узкую полосу черноморского побережья. Четыре отряда двигались с северо-востока к морю, отряд генерала Геймана вышел к устью реки Туапсе. 21 мая 1864 г. в урочище Кбаада (Красная Поляна) пять отрядов соединились. Перед строем был отслужен благодарственный мо-

лебен. Главнокомандующий поздравил войска с победой и телеграфировал в Петербург: "Имею счастье поздравить Ваше Величество с окончанием славной Кавказской войны...".

Осенью 1864 г. граф Евдокимов был удостоен личной аудиенции императора. Генералу была предложена должность командующего военным округом, но он отказался, понимая, что его кавказский опыт слишком специфичен. Генерал-адъютант Евдокимов был назначен состоять при главнокомандующем Кавказской армией и уволен от всех должностей. По выходе в отставку он к ранее подаренному императором имению получил еще 7800 десятин под Железноводском. Здесь он основал хутор Новый Ведено, где и прожил последние годы, изредка навещая в Петербург или в курское поместье Барятинского. Умер Николай Иванович Евдокимов 22 мая 1873 г.

Русское и казачье население Северного Кавказа относилось к Евдокимову как к последовательному защитнику его интересов и истинному победителю-миротворцу. На средства, собранные жителями Пятигорска и Железноводска, на могиле графа Н.И.Евдокимова была воздвигнута величественная мемориальная часовня. Ее кровлю увенчало подобие кавказского укрепления с зубчатыми башнями.

**Подполковник запаса
Юрий СУХАРЕВ**

Имя в истории войск

СВИДЕТЕЛЬ БЕЗЗАКОННИЙ

Так писал бывший чекист Вольдемар Августович Ульмер своим родным из лагеря в конце войны. Имя это в тридцатые годы было широко известно в войсках ОГПУ-НКВД. Швед по национальности, рабочий по происхождению, в империалистическую он из нижних чинов выбился в офицеры. Октябрь 1917 года встретил в окопах в чине подпоручика. Потом сражался за советскую власть. Дослужился до комбрига, стал далеко не последним лицом в чекистской иерархии, а затем в одночасье оказался "врагом народа" и рядовым зеком. Такой вот драматический поворот судьбы...

60 лет назад, в августе 1938 года, ежовские следователи закрыли очередную "глубоко законспирированную антисоветскую организацию", на сей раз в Главном управлении

В.А. Ульмер. Конец 20-х годов.

пограничных и внутренних войск НКВД. Репрессивный механизм уже набрал такие обороты, что стал уничтожать самого себя:

выявлять "врагов народа" в собственных рядах — в структурных подразделениях Наркомата внутренних дел Союза ССР. В том же месяце новое большое дело под названием "Военно-фашистский заговор в войсках НКВД"

было передано в судебные инстанции. Роль руководителя заговора отвели начальнику войск НКВД комдиву Н.К. Кручинкину, которого расстреляли 19 августа 1938 года.

В список вымышленной антисоветской организации попало большинство лиц высшего и старшего командного состава внутренних войск. Среди них комбриг Вольдемар Августович Ульмер — человек неординарной и драматической судьбы. Кем же он был, и какой след оставил в истории внутренних войск?

В семейном архиве сына В. Ульмера, Владимира Вольдемаровича, сохранилось письмо отца — то самое, с которого мы начали свой рассказ. "Это великая честь — умереть, защищая свою Родину от фашистов, — писал бывший комбриг,

а теперь рядовой обитатель архипелага ГУЛАГ. — На коленях, как великую милость я принял бы право защищать свою совет-

скую страну с оружием в руках... Я, который был солдатом великой Красной Армии 21 год. Умереть, уничтожая врага плечом к плечу с братьями по Красной Армии, — мое пламенное желание, моя мечта”.

Читая эти страстные, полные патриотизма строки, можно себе представить, как мучился за колючей проволокой их автор, лишенный возможности с оружием в руках встать в ряды защитников Отечества и сразиться с фашистами. С теми, в пособничестве которым был обвинен сам и за что брошен на лагерные нары.

...В ноябре 1934 года начальник Главного управления пограничной и внутренней охраны М. Фриновский направил наркому внутренних дел СССР Г. Ягоде рапорт следующего содержания: “Прошу Вашего распоряжения об утверждении т. Ульмера В.А. в должности начальника оперативного отдела ГУПВО”. Высочайшее согласие было получено без бюрократических проволочек, так как и нарком, и начвоиск давно знали кандидата на высокий пост по совместной чекистской работе еще с гражданской. Спустя пять лет эти знакомства оказались для комбрига роковыми.

Из обвинения, предъявленно-го Военной коллегией Верховного суда СССР В. Ульмеру в феврале 1940 года: “Был завербован Фриновским. По заданию руководителей антисоветской организации... проводил подрывную деятельность, направленную на ослабление боеготовности войск НКВД”.

Восстановить некоторые страницы биографии комбрига В. Ульмера удалось лишь с помощью архивных документов, скрытых в свое время от посто-

ронных глаз в спецхранах за семью печатями. Один из них — офицерский послужной список, составленный в июле 1916 года. Читаем: “Ульмер Вольдемар-Иоганнес Августович, родился декабря 20-го дня 1896 года, из мещан Эстляндской губернии, вероисповедания — евангелическо-лютеранского...” Как оказалось, его предки были выходцами из Швеции. Возможно, кто-то из них попал в плен еще во времена русско-шведских войн да так и остался на жительство в Прибалтике.

Отец Вольдемара — Август Ульмер — высококвалифицированный рабочий, трудился на крупных заводах Петербурга, Ростова-на-Дону, Тулы, Москвы. Частые переезды из города в город и, как следствие, бытовая неустроенность подорвали здоровье матери, которая умерла, когда Вольдемару едва исполнилось два года. А в шестнадцать лет он остается круглым сиротой — ушел из жизни и отец. Сумев окончить лишь двухклассное городское училище при Московском учительском институте, Вольдемар был вынужден на этом закончить свое образование и идти зарабатывать на жизнь самостоятельно. Спустя годы Ульмер в одной из автобиографий о своей юности напишет коротко: “С пятнадцатилетнего возраста работал по найму кузнецом, слесарем, монтером, механиком, упаковщиком в торговом доме “Гайбе и Бонн”. Конечно, эти должности, не сулящие сколько-нибудь значительного положения в обществе, вряд ли являлись пределом мечтаний молодого Ульмера. Но за неимением лучшего приходилось довольствоваться и этим.

Все изменила война. После короткой подготовки в запасном

пехотном полку Ульмер попадает в Киевскую школу прапорщиков. Офицерские погоны поднимают его над серой солдатской массой, дают почувствовать себя “их благородием”.

Молодых офицеров ждал фронт. Но к сожалению, сведений об участии Ульмера в боях империалистической не обнаружено. Его офицерский послужной список заканчивается такими строками: “25 января 1918 г. ...исключен из списков 283-го пехотного полка вследствие его расформирования”.

О политических пристрастиях подпоручика Ульмера тоже ничего не известно. Ни в анкетах, ни в автобиографиях нет ни строчки о его активном участии в революционных событиях. После расформирования старой русской армии у бывшего подпоручика практически без перерыва начинается служба в новой — рабоче-крестьянской армии. Был инструктором пехотной подготовки красногвардейских отрядов, полковым адъютантом, командиром 48-го резервного полка. И повоюет в гражданскую, в отличие от империалистической, Ульмеру довелось сполна. Об этом свидетельствуют послужные документы из сохранившегося личного дела. В одной из анкет в графе “участие в боях” читаем: “На Южном, Кавказском, Крымском фронтах, против Врангеля”. Не за почести и награды сражался он с белогвардейцами, а за новую, как считалось, самую справедливую власть, обещавшую такую прекрасную жизнь, где не будет ни бедных, ни голодных. С этой верой красный командир вступает на фронте в партию большевиков и, даже брошенный на лагерные нары, не разуверяется в ее идеалах.

Что касается наград, то за всю гражданскую войну Ульмер получил всего лишь одну — серебряный портсигар с надписью в духе революционной романтики: “Честному воину РККА — за храбрость и неустранимость”.

После окончания гражданской войны Вольдемара Августовича назначают начальником штаба 16-й Богучарской бригады, переданной в состав Донецкой дивизии войск ВЧК. Это специфическое чекистское соединение было сформировано по приказу Ф. Дзержинского. “Для охраны минерального топлива и борьбы с его хищениями” — так официально формулировалась основная задача. Но на самом деле дивизия предназначалась для борьбы с многочисленными махновскими бандами, терроризировавшими Донбасс и прилегающие к нему районы. Штаб соединения располагался в Бахмуте, а части и подразделения стояли гарнизонами по всему Донбассу и, прикрывая шахты и угольные склады от налетов, проводили боевые операции по ликвидации бандитизма.

Зоной ответственности 16-й Богучарской бригады являлся самый разбойничий район Донбасса — Старобельский. Начштаба Ульмеру приходилось порой сутками не смыкая глаз планировать и осуществлять боевые операции против бандгруппировок, прорывавшихся в Донбасс. За сухими, лаконичными строками боевых донесений штаба бригады можно увидеть, в каких невероятно сложных условиях приходилось принимать Ульмеру свои решения:

“К границам Старобельского уезда подошла банда Каменюка, насчитывавшая 600 сабель, 200 штыков, 15 пулеметов и 2 орудия, захваченные при налете на

одну из наших частей... Имея местом своего формирования с. Петропавловку Луганского уезда, кочуя по Воронежской губернии, Донской области, банда разбила на своем пути несколько красных частей и отрядов. 16-я Богучарская бригада была переброшена в Старобельский уезд, где ей была дана задача во что бы то ни стало уничтожить противника... 24 ноября остатки банды Каменюка были разгромлены вблизи х. Очеретин... Сам Каменюк был ранен и попал в плен”.

После ликвидации этой крупной банды с Ульмером приключилась пренеприятная история, надолго подмочившая его безупречную партийную репутацию. Попавшую в плен к воинам-чекистам группу бандитов ревтрибунал за многочисленные злодеяния против мирных жителей приговорил к смертной казни. Когда осужденных повели на расстрел, начштаба увидел на одном из бандитов новенькие сапоги. Подчиненные же Ульмера, как и он сам, ходили в латаном-перелатаном обмундировании и разбитой обуви. Двадцатипятилетний начштабриг не устоял перед соблазном щегольнуть в прекрасно сшитых сапогах — снял их с бандита. Не пропадать же добру. Однако бригадная партиячейка расценила поступок молодого начштаба как мародерство, чуждое моральному облику большевика, и на несколько месяцев исключила его из своих рядов — до исправления.

После ликвидации основных сил бандитизма на Украине Донецкую дивизию войск ГПУ расформировали. Бойцы и командиры рангом помельче были уволены в бессрочный отпуск. Те же, кто имел солидный бое-

вой опыт и хорошую командную подготовку, продолжили службу в реформируемых чекистских войсках. Ульмера назначили командиром 4-го Украинского полка войск ОГПУ, сформированного на базе Богучарской бригады. Служба проходила успешно — полк вскоре стал передовым в войсках, а впоследствии “за заслуги в борьбе с врагами советской власти” был отмечен орденом Красного Знамени.

В аттестациях комполка только положительные характеристики: “Обладает гибким умом, умением быстро схватывать и понимать обстановку. Обладает достаточно твердой волей, решительностью и инициативностью”. С такими одобрительными оценками своих организаторских способностей Ульмер поступает на учебу в Военную академию им. М.В.Фрунзе. К тому времени на его груди появляются высокие награды — орден Красного Знамени и знак “Почетный чекист”, убедительно подтверждавшие объективность аттестационных выводов старших начальников.

После окончания академии с отличием перед Ульмером открываются широкие перспективы служебного роста. Старший руководитель военной подготовки Высшей школы войск ОГПУ, работа в особом отделе ОГПУ — центральном органе военной контрразведки, руководящие должности в войсковом главке — таков неполный перечень должностей, пройденных им всего за пять лет.

1934 год. Только что создан общесоюзный Наркомат внутренних дел с неограниченными полномочиями — от внешней разведки и обеспечения внутренней безопасности государства до организации лесоразра-

боток и строительства железных дорог. Главное управление пограничной и внутренней охраны — одно из важнейших структурных подразделений наркомата. Сюда назначаются люди с большим опытом службы в войсках, политически благонадежные и исключительно по согласованию с шефом НКВД Генрихом Ягодой.

В то время войска возглавлял Михаил Фриновский, бывший командир Отдельной дивизии особого назначения им. Ф. Дзержинского, чутьем карьериста уловивший, что разворачивающийся поиск врагов народа среди чекистского руководства и открывающиеся в связи с этим вакансии сулят ему немалые выгоды в собственном возвышении. И он полностью отдается закулисным интригам, аппаратным играм и расширению связей с нужными людьми. А решение вопросов, связанных с оперативной деятельностью войск, он полностью перекладывает на плечи Ульмера. Полагаясь на опыт начоперода, которого возвел в ранг заместителя, был уверен — справится.

И Ульмер с головой погружается в сложную и беспокойную жизнь войскового организма. На его рабочий стол ежедневно ложатся кипы оперативных сводок, справок и сообщений с мест. Их тексты напоминали боевые донесения. Особую тревогу вызывали действия басмачей в Средней Азии, провокации японской военщины на дальневосточной границе. Немало проблем доставляло состояние дел в конвойных войсках, недавно переподчиненных НКВД. Эшелоны со "спецконтингентом" под охраной воинов в васьиловых фуражках непрерывным потоком следовали на север, на восток, в Казах-

стан. Индустриализация страны тоже прибавила дел войскам НКВД. Отстроенные промышленные гиганты, прежде всего те, на которых производилась продукция военного характера, засекречивались и передавались под войсковую охрану. И во все надо было вникнуть, выработать соответствующие решения и доложить начальству. Но Ульмер со всем успешно справляется и высокое руководство не подводит.

В 1935 году в Наркомате внутренних дел началась переаттестация командного и начальствующего состава, присвоение персональных воинских и специальных званий. На петлицах гимнастерки Ульмера появляются особые, отличные от РККА знаки различия — шитые золотом звезды (позже их сменили малиновые ромбы) комбрига. А на груди еще одна награда — орден Красной Звезды "за бдительность и беспощадную борьбу с классовым врагом".

Между тем борьба эта все усиливалась. В сентябре 1936 года наркомат возглавил Николай Ежов — "железный сталинский нарком". Свою деятельность он начал с изгнания из наркомата ставленников Ягоды, прежде всего его замов и начальников главков. Их места занимают выдвиженцы нового хозяина. В октябре его заместителем и правой рукой становится начальник войск НКВД комкор М. Фриновский. Пристрастие к закулисным интригам сыграло свою роль. Вскоре он первый замнаркома и начальник Главного управления госбезопасности. В его руках сосредоточивается огромная власть. На ключевые посты Фриновский расставляет своих людей, не только знающих работу, но и преданных своему

шефу до мозга костей. Среди таких оказывается и Ульмер.

Весной 1937 года Фриновский выходит с предложением в ЦК ВКП(б) о переводе Ульмера на службу в центральный аппарат НКВД. Подобные назначения осуществлялись только с санкции партийной верхушки. Карьерную чехарду в чекистском ведомстве там расценивают как структурное совершенствование штатов и укрепление руководящего звена. Ульмер занимает должность оперативного секретаря Главного управления госбезопасности и одновременно становится личным секретарем первого замнаркома Фриновского.

Разумеется, непосредственно участия в репрессиях, развернутых с небывалой до того силой Ежовым и Фриновским, оперсекретарь не принимал. Но его работа, хоть и косвенно, способствовала творимым в наркомате беззакониям. Вот только два примера. В августе 1937 года Ульмер сопровождал своего шефа в поездке в Монгольскую народную республику. После "дружеского" визита высоких советских чекистов их монгольские коллеги по примеру старших товарищей развернули активную работу "по выявлению врагов МНР и СССР" в своей стране.

В июле следующего года комкор М. Фриновский с целой бригадой высокопоставленных чекистов выезжал в Хабаровск с задачей "очистки Дальнего Востока от всех враждебных советской власти элементов". И в этой командировке шефа госбезопасности сопровождал его бессменный секретарь. А еще через руки Ульмера проходило большинство документов, связанных с фабрикацией громких

РЕТРОСПЕКТИВА

политических процессов 1937—1938 годов, которые он беспристрастно регистрировал и докладывал своему шефу. Задумывался ли он при этом над их объективностью или так же верил, что в стране расплодилось несметное число шпионов, диверсантов, заговорщиков, как верили тому большинство рядовых коммунистов?

Кстати, вот как отзывались о моральном облике большевика Ульмера его сослуживцы, соратники по партии: «Парторганизация коллектива ГУГБ характеризует тов. Ульмера В.А. активным, политически выдержанным и преданным партии товарищем». Скорее всего разнuzданную кампанию репрессий против политических противников официальной власти он считал оправданной. Пока сам не попал в эти жернова.

В сентябре 1938 года шеф гэбистов комкор М. Фриновский неожиданно для моряков становится наркомом Военно-Морского Флота СССР. Ульмер остался не у дел. Его вновь возвращают в войска и назначают, вместо расстрелянного комдива Н. Кручинкина, временно исполняющим обязанности начальника Главного управления пограничных и внутренних войск. Но «исполнять» их довелось недолго — над головой комбрига уже был занесен меч репрессий...

Дальнейшую трагическую судьбу В.А. Ульмера можно проследить с хронологической точностью по записям в его личном деле:

«1 февраля 1939 г. — освобожден от работы с зачислением в резерв.

21 апреля 1939 г. — арестован.

25 июня 1939 г. — приказом НКВД № 1310 уволен по пункту «б» ст. 47 (арест судебными или

следственными органами. — **Авт.).**

16 февраля 1940 г. — Военной коллегией Верховного суда СССР осужден на 15 лет исправительно-трудовых лагерей.

27 марта 1945 г. — умер в лагере от разрыва сердца.

26 ноября 1955 г. — дело пересмотрено, реабилитирован посмертно за отсутствием состава преступления».

Около десяти месяцев Ульмер находился под следствием. В конце концов ему вынесли стандартное обвинение как участнику «антисоветской террористической организации, действовавшей в системе органов НКВД». Далее в предъявленном обвинении говорилось, что Ульмер «по заданию руководителей антисоветской организации укрывал от разоблачения заговорческие кадры». Весьма любопытная мысль, не правда ли? Если учесть то обстоятельство, что руководителями заговора в НКВД, по мнению следствия, являлись сам нарком Ежов и его первый заместитель Фриновский, то от кого же тогда укрывал заговорщиков Ульмер? Выходит, от самих себя?

...Редко, но письма с воли все же попадали за лагерную колючку. В середине войны Ульмер получил страшное известие — сообщение о геройской гибели на фронте старшего сына Георга. Тяжело переживал он эту невосполнимую утрату. «Вместе с вами скорблю о нашем мальчике, — писал Вольдемар Августович жене, — о нашем первенце. Боль от потери велика. Эта потеря — первая смерть в нашей семье. Я обнимаю тебя, родная. Поплачем вместе над нашим мальчиком... Жорж! Милый, хороший мальчик. Он погиб, как

подобает солдату, патриоту своей Родины».

Эта первая утрата в семье В. Ульмера была не последней. В марте 1945 года не стало его самого. Как нам уже известно, официальная версия кончины — смерть от разрыва сердца. Истинная же причина навсегда останется для нас тайной. Ульмер слишком много знал о скрытых от посторонних глаз сторонах деятельности наркомата. Возможно, его просто убрали, как опасного свидетеля творившихся в чекистском ведомстве беззаконий.

Словно злой рок преследовал семью Ульмеров. Жена комбрига, Мария Николаевна, дождалась-таки реабилитации мужа. Но вскоре скончалась от тяжелой болезни. Трагический случай оборвал жизнь дочери — Ирины Вольдемаровны. Она погибла вместе со своей малолетней дочуркой в автомобильной аварии. Из всей семьи остался только младший сын Ульмера — Владимир Вольдемарович. Отца он не помнит. Когда того арестовали, маленькому Володе было чуть более года. В память об отце, о котором он знает только по рассказам родственников, хранятся лишь справка о реабилитации да единственное коротенькое письмецо из лагеря...

**Подполковник
Николай СыСОЕВ**

Сергей КАМЕНЕВ

Сергей Михайлович КАМЕНЕВ родился в Киргизии. После астраханской мореходки работал матросом в Каспийском пароходстве. Срочно служил во внутренних войсках, в омском конвойном полку. Уволившись в запас, поступил в Омскую высшую школу милиции, по окончании которой был направлен на Петровку, 38. Заочно окончил Литинститут им. А.М. Горького. Автор нескольких детективных и приключенческих книг, поэтического сборника "Эхо", монографии о В.С. Пикуле. Лауреат международного конкурса на лучший рассказ "Золотой колос". В настоящее время — заместитель председателя Фонда российской словесности, член правления Московской писательской организации.

Рассказы

“Твой Лаврентий Берия...”

Редко, ох как редко улыбался товарищ Сталин. Но вот передо мной уникальный снимок, где Верховный смеется. Лицо подобрело, усы взметнулись, глаза потеплели.

Как ко мне попала такая фотография?

В 1990 году абхазский писатель Шалодиа Аджинджал собирал материалы о времени правления Берии в Грузии и его притязаниях на Абхазию. Ну как тут обойтись без Сталина? Никак! Потому как Иосиф Виссарионович любил Абхазию и любил своего давнего друга Нестора Лакобу, с которым его связывали многие дела. Сталин любил отдыхать на озере Рица. Живописнейшее озеро затаилось в лесистых горах Абхазии. Не любить это место мог лишь только один Берия, потому как вождь всех народов, планируя свой отдых, связывался, минуя его, Берию, напрямую со своим старинным другом Нестором Лакобой. Да и кто был для него Берия? Почти что никто, а посему будущий маршал почтительно просил:

“Дорогой т.Нестор! Шлю тебе привет и наилучшие пожелания. Очень хотелось бы увидеться с т.Коба перед его отъездом. При случае было бы хорошо, если бы ты ему об этом напомнил... Твой Лаврентий Берия”.

Берия всеми силами старался сблизиться со Сталиным. Но всегда что-то срывалось, что-то оказывалось не так. Не замечал его всесильный. А с Лакобой они всегда были вместе. Вот и сейчас, стоя на железнодорожной станции, он наблюдал за замкнутым и немногословным Лакобой. А подумать тому было о чем. Совсем другими стали приезды вождя. Казалось бы, пустой вокзал, все спокойно. Но спокойствие лишь кажущееся. Сотни работников НКВД в гражданском выставлены вдоль дороги, по которой проедет высокий гость. Сотни поваров изучили вкусы вождя. А сколько охранников будут беречь его драгоценную жизнь?!

“А десять лет назад, — подумал Лакоба, — все было проще и все было иначе...”

Медленно, словно подкрадываясь, подошел поезд и покорно застыл у перрона. Двери вагона открылись, и стремительно выскочили телохранители. В тамбуре показался Сталин. В белом кителе, брюках, заправленных в сапоги. В зубах трубка, в руке белая фуражка. Волосы зачесаны назад. Сталин снисходительно смотрел вниз. Потом спус-

тился по ступенькам и медленно пошел вдоль встречающих. Он не любил, когда к нему подобострастно устремляются для приветствия.

Следом из вагона вышли Ворошилов и Буденный.

— О! Нас встречает Лакоба! А значит, встречает и вся Абхазия! — радостно произнес Ворошилов.

Сталин подошел к Лакобе, взял его под руку, и они пошли, о чем-то разговаривая.

В душе у Берии все клокотало. Его, первое лицо Грузии, просто не заметили. Словно он пустое место.

Подошли к машинам. Сталин сел в первую рядом с Лакобой. В другой разместились Ворошилов и Буденный. Берия вновь оказался один, в последней машине. Глаза за стеклами пенсне наполнились гневом.

Сталин ехал на дачу, оставшуюся в истории под именем “дача на речке Холодной”. Это место он облюбовал сам. В глубоком ущелье петляла серебристая ниточка бурной реки с хрустальной ледяной водой. Пологие склоны холмов щедро высвечены солнцем. Южный, более светлый, покрыт густыми зарослями шиповника, кизила, местами клубятся виноградники. Северный склон утопает в свечах стройных сосен. На вершине этого холма и была выстроена дача.

За массивными железными воротами, сохранившимися по сей день, видны дорожка, выложенная белым мрамором, цветочные клумбы с пахучими розами. Справа — двухэтажный домик с несколькими ступеньками. Войдя в дом, сразу же попадаешь в какой-то лабиринт. Сталин до чертиков обожал всякие неожиданности. Он считал, что человек, попав в непредвиденную ситуацию, мгновенно теряет и выдает свое волнение. А в волнении человек забывает, зачем пришел.

Мне это довелось испытать на себе. Видимо, Шалодиа Аджинджал знал об этой хитрости и незаметно отстал от меня, чтобы мне пришлось воочию убедиться в шутках Сталина. Я пошел по узкому коридору без всяких окон, освещенному тусклым светом, и уткнулся в тупик. Повернул назад, но чувствую, что иду не туда. Минут десять тщетно бродил я в поисках выхода. Наконец, свернув за очередной угол, встретил Шалодиа:

— Сталин наблюдал так же, как я сейчас за то-

бой, вон из того маленького окошечка, что под самым потолком.

Ну и шуточки же были у товарища Сталина!

Сталин любил уединение. Даже в море он купался один. Раздевался в беседке, медленно по поясу заходил в море. Подперев подбородок руками, замирал и несколько раз быстро нырял. Потом выходил из воды, прижимая к телу иссохшую левую руку. Долго вытирался мягким полотенцем, одевался, и машина уносила его... Нет, не на дачу, а в "римский дворик". Об этом месте знали лишь избранные. Вроде дорога ведет на дачу, но вдруг резкий поворот вправо, потом так же резко влево. Еще несколько десятков метров в гору, и машина въезжает на булыжную площадку, окруженную белокаменной стеной с колоннами.

Этот дом, специально выстроенный для летнего отдыха вождя, представлял собой дворец римского императора в миниатюре. Сталин проходил в просторный зал, ложился на широкую кровать и затаивался. За окном серебристо позванивала ниспадающая каскадом с мраморных чаш речка Холодная. Мощные насосы поднимали воду со дна ущелья на четырехсотметровую высоту для того, чтобы она услаждала слух вождя. Здесь была библиотека, а в ней немало редких книг. Сюда попали тома из библиотеки Великого князя Сергея Михайловича, казненного вместе с Великой княгиней Елизаветой Федоровной в Алапаевске. Именно здесь Сталин прочел трактат Макиавелли "Государь", где подчеркивал синим карандашом приглянувшиеся строки. Быть может, именно здесь он понял, что должен создать атмосферу страха, чтобы можно было сковать и смять любого. Но для этого необходимо создать машину уничтожения и найти нужного человека. Именно здесь Сталин вспомнил строки из Ветхого Завета: "...Потом он, Ефрем, вошел к жене своей, и она зачала и родила сына, и он нарек ему имя: Берия, потому что несчастье настигло дом его..."

Берия... Берия... Где-то он уже слышал это имя...

Сталин не нуждался во встрече с этим человеком, но судьбе было угодно сблизить их.

Когда-то Берия азартно играл в футбол. Он даже выступал в команде "Динамо" левым полузащитником. Потом политика захлестнула его, и футбол отошел на второй план. Но ненадолго.

Когда на Красной площади состоялся необычный футбольный матч между "Спартаком" и "Динамо", который очень понравился Сталину, Берия вновь воспылал любовью к игре и прибыл на очередную матч.

Взгляд хозяина Грузии выхватил футболиста, который специально бил по ногам игроков противника, постоянно отталкивал их. Досталось и судьбе, когда тот попытался удалить костолома с поля.

Уходя с матча, Берия узнал фамилию игрока и заметил:

— Молодец этот Пачулия. Вызовите его ко мне...

И вскоре сын батумского торговца мацони, малообразованный человек, грубиян на футбольном поле, стал руководителем НКВД Абхазии. В свой первый же рабочий день он произнес перед сотрудниками программную речь:

— Почему вы сидите в своих кабинетах, когда камеры тюрем пусты?

Новый нарком внутренних дел Абхазии был сущим дьяволом. От травли задержанных собаками до собственного изобретения "водяного мешка", после недельного содержания в котором у человека начинала отпадать кожа, — его проделки. Новоявленный нарком подобострастно исполнял данный Берией наказ: "Абхазия — это осиное гнездо, которое необходимо разорить и уничтожить. Не доверяй ни судебным органам, ни прокуратуре. Верши суд сам. Я тебя во всем поддержу..."

Только с июля 1937 по ноябрь 1938 года по распоряжению Пачулии было арестовано 2 186 человек, из которых по решению "тройки" были расстреляны 749 и 794 осуждены к длительным срокам.

Впрочем, волны репрессий уже катились по всей стране. Усердствовал в этом деле Николай Ежов, нарком внутренних дел и руководитель ОГПУ.

Но когда он стал слишком много знать, его было решено убрать. И Сталин искал замену.

Еще в 1936 году, в ноябре, когда проходил Чрезвычайный VIII съезд Советов, на котором принималась Конституция СССР, вошедшая в историю как сталинская, в Москву приехал и Нестор Лакоба. По вечерам Сталин приглашал к себе давнего друга, который не уставал повторять, что Абхазия как самостоятельная республика не должна находиться в составе Грузии. Сталин отмалчивался, но потом, уже не первый раз, предложил Лакобе должность наркома внутренних дел — генерального комиссара госбезопасности. Тогда Лакоба ответил:

— Не могу я покинуть Абхазию...

Как известно из нашей истории, этот пост Сталин предлагал даже прославленному летчику Валерию Чкалову...

Но вернемся на дачу Сталина.

Прекрасная погода. Теплое море, чарующий простор. Наступает раннее субботнее утро. К зданию, где был кабинет Лакобы, подъехала черная

машина. Из нее вышел Лаврентий Павлович и заторопился на второй этаж. Он уже знал, что Лакоба на месте.

Поздоровались тепло.

— Нестор, — как бы между прочим заметил Берия, — завтра ты должен встретить геологов.

— Но завтра я должен быть с товарищем Сталиным... — удивился тот.

— Я разговаривал с ним по телефону и сказал, что ты не можешь приехать, так как у тебя важное дело. Он пригласил меня поехать с ним.

— Но я еще должен предупредить пограничников, — недоумевал Лакоба.

— Не волнуйся, — положил ему руку на плечо Берия, — я сам встречаюсь с ними...

Берия сознавал, на что решился. Если Лакоба задумает перепроверить его, обман немедленно раскроется. Но не для того он постигал азы агентурной работы, чтобы так оплошать. Вся охрана, все связисты давно были его людьми.

В воскресенье, когда Сталин вышел из дому, к нему шагнул Берия:

— Я хотел бы с вами поговорить.

Сталин вяло повернул голову, пристально оглядел замершего руководителя Грузии.

— О чем?

— Хочу созвать актив...

В это время Берия, угождая вождю, готовил книгу "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье" и, естественно, о роли Сталина в этом деле.

Сталин вначале слушал равнодушно, даже неохотно, но потом с удивлением стал смотреть на вошедшего в азарт Берия.

— Мысль стоящая, разрешаю проведение актива, — согласился Сталин и огляделся вокруг: — А где наш Лакоба?

— А что? Он должен быть?

— Ладно, пошли, — недовольно произнес Сталин.

Катер мягко отошел от новенького причала и, оставляя за собой воркующую белую полосу, взял направление на Пицунду.

Сталин, держась за леера, смотрел на удаляющийся берег. Он любил этот таинственный миг, когда на глазах все уменьшается и люди превращаются в букашек, а сам он, оставаясь таким же, невольно возвеличивается.

Катер заметно стал уходить влево, ложась на разворот. И в этот момент с берега раздалось несколько выстрелов. От неожиданности Сталин выронил трубку. Табак просыпался на блестящие сапоги.

Вождь топнул ногой и выругался.

Берия бросился к Сталину, заслоняя его.

— Отворачивай! Отворачивай от берега! — кричал он капитану. — Видишь, нас обстреливают.

Катер резко отвернул в море. В этот момент с берега раздалось еще несколько выстрелов. Взяв обратный курс, катер минут через двадцать плавно пришвартовался к пристани.

Сталин стремительно сошел на берег.

— Что бы это значило? — размышляя, негромко произнес он.

— Это заговор! — взволнованно сказал Берия.

— Говоришь, заговор?

— А почему не пришел Лакоба?

— Что ты этим хочешь сказать? — сверкнул глазами Сталин, но продолжать разговор ему не хотелось...

Берия ликовал, его план удался. В наскоро сплетенные сети попался сам властелин...

Ранее они вместе с Лакобой отправились на катере к месту будущей рыбалки Сталина. Когда катер подошел к буйку, с берега раздалось выстрелы. Они прозвучали так оглушительно, что Берия невольно пригнулся. А Лакоба как стоял спокойно, так и остался стоять. Когда катер вновь набрал ход, с берега опять пальнули.

— Что это такое? — недовольно буркнул Берия. — Кто смеет стрелять?!

— Мы сами виноваты, — пояснил Лакоба. — Надо было предупредить пограничников. Нас приняли за катер погранотряда и выстрелами попросили подойти к берегу. У них так заведено, есть какой-то груз, просят его взять. Выстрелы холостые, ничего страшного...

Этот эпизод и сумел использовать в своих целях Берия.

Вот передо мной пожелтевший протокол допроса родного брата Нестора Лакобы — Лакобы Михаила Аполлоновича от 12 августа 1937 года. Ох какое множество наиглупейших вопросов и вынужденных ответов, часть которых получена в результате откровенного мордобоя.

Вчитаемся хотя бы в некоторые вопросы следователя и ответы обвиняемого.

"Вопрос: Следствие располагает точными данными о том, что вы являетесь активным членом троцкистской диверсионно-вредительской организации в Абхазии, руководимой Нестором Лакобой, в чем изобличаетесь показаниями ряда ваших сотрудников. Однако, несмотря на это, продолжаете упорно сопротивляться. Намерены ли вы прекратить заперательство и признаться?"

Такой вопрос поставлен члену ВКП(б) с 1918

года, работавшему директором фабрики “Абхазский табак”.

“Ответ: Да, я вхожу в так называемую контрреволюционную организацию, которая по своему политическому складу является и троцкистской, и правой в том смысле, что руководитель организации Нестор Лакоба в своей борьбе с партией и советской властью ориентировался на Троцкого, с которым был связан идейно с давних пор. Лакоба в период пребывания Троцкого в Сухуми был обработан лично Троцким еще в 1925 году и являлся его ярким приверженцем. Еще в 1925 году Лакоба говорил, что предстоит борьба Сталина с Троцким и что Сталин не прав в борьбе с Троцким: якобы платформа, выдвинутая Троцким, поддерживается массами. При этом Лакоба вячески дискредитировал Сталина и возносил Троцкого”.

Но истории известны и другие факты. В частности, вот одно из писем.

“Дорогой товарищ Лакоба! По состоянию болезни т.Троцкого врачи посылают в Сухум. Это стало широко известно даже за границей, а потому я опасаюсь, чтобы со стороны белогвардейцев не было попыток покушения. Моя просьба к Вам — иметь в виду: т.Троцкий не будет по состоянию здоровья в общем выезжать из дачи, а потому главная задача — не допускать туда посторонних, неизвестных...”

Это письмо Феликса Дзержинского. Есть и другое письмо с такой же просьбой от Серго Орджоникидзе.

Дело о мнимом покушении на товарища Сталина начинало раздуваться. Были арестованы двадцать пограничников, находившихся в тот день на службе. Каждому задавался лишь один вопрос:

“Кто подстрекал к покушению на Сталина и Берия?” Задержанные недоуменно пожимали плечами, не понимая, о каком покушении идет речь. Но их не слушали, потому как Берия приказал во что бы то ни стало — “любой ценой” — добиться признания. Сам Лакоба никак не мог предвидеть трагической развязки, но он почувствовал отчуждение Сталина. В эти дни он сделал в своем блокноте запись: “Человеку дарованы два блага: надежда и неведение будущего. Последнее лучше первого”. У него еще теплилась какая-то надежда, что все прояснится. Но холостые выстрелы с берега уже поразили цель. От Сталина поступило распоряжение — наказать виновных...

Неожиданно в конце 1936 года в Тбилиси умирает Нестор Лакоба. И машина уничтожения заработала. Берия торжествовал. В 1938 году он займет должность народного комиссара внутренних дел СССР.

Денно и ночью работает мясорубка по уничтожению народа. И никто до сих пор не знает, сколько людей прошло через нее. Из-за кого? Здесь уместно вспомнить высказывание Никиты Хрущева: “Одно абсолютно ясно: не Берия породил Сталина, а Сталин породил Берия. А до этого Сталин породил Ежова... А до Ежова был Ягода. И Ягода был порождением Сталина...”

Так что о каком покушении на товарища Сталина может быть речь? Все это блеф, мыльный пузырь, который раздувался Берией для того, чтобы занять место ближе к вождю. Вот и улыбается на фотографии великий вождь всех народов. Может, думая о том, как где-то внизу люди ползут к его трону, отпихивая и уничтожая друг друга.

СЭНСЭЙ

В хмурый сентябрьский вечер старшина, войдя в казарму, выкрикнул мою фамилию. И когда я подошел, он протянул письмо. Оно было из дому. На листке в линейку из школьной тетради старательно писала мать...

“Дорогой сыночек! Мне стало совсем плохо без отца. Решила продать дом, попались мне очень хорошие люди, а я поеду к Коленьке. Он меня ждет. Очень жаль расставаться с садом, который выходил отец. Но одной оставаться здесь на старости лет не хочется.

Сыночек, перебирала я вещи в сарае, попался мне кубок-самовар, про который тебе рассказывал отец и про который ты все спрашивал, ког-

да был маленьким. Если он тебе нужен, то я наказала новым хозяевам его сберечь и отдать тебе, когда надумаешь приехать. В этом самоваре обнаружила какие-то записки. Их передал, видимо, нашему отцу сосед-японец, с которым он часто встречался перед смертью. Японец куда-то уехал, а поэтому записочки пересылаю тебе...”

Я стал торопливо разворачивать небольшие листочки, испытывая неожиданное волнение.

“...Я, бывший телохранитель великого императора, повинуюсь внутреннему голосу, взял в руки перо. Да будет сохранена тайна, доверенная мне всевышним, да будет известна моя жизнь...”

Ведет отсчет моя родословная от времени двадцать пятого императора (двадцать пятый император — император Бурэцу, правивший в 499-506 годы. — **С.К.**), который соблаговолил поднять глаза на земного человека после битвы. Он открыл покрасневшие веки с белыми ресницами.

— Я жив...

Окружившая его свита закивала головами, сцепив на груди руки.

— Кто сохранил мое тело от вражеской стрелы?

К нему подвели молодого человека.

— Ты сохранил мое тело, и имя твоё будет помниться в моей империи. Откуда ты?

— Из племени, где жизненная энергия людей дополняется разумом.

— Впишите его имя в мое какэмоно (какэмоно — специальный свиток, куда вносили императорские повеления. — **С.К.**), — приказал император.

Так был замечен благосклонным императорским вниманием земной человек".

На втором листочке запись была сделана более торопливо:

"Телохранитель должен быть незримым и неощутимым, чтобы никто не видел его глаз, не знал его лица, не мог прикоснуться к его телу. Он должен уметь вбежать в кусты и там исчезнуть. Он должен быть зорким и уметь читать мысли по глазам. Его слух обязан воспринимать язык птиц и насекомых. Для него нет тайн, хотя он сам — повелитель тысячи секретов. Он обязан знать врага и по вдоху воздуха определить, где тот находится. Он должен быть непобедим, ибо ему вручается жизнь императора".

Я взял третий листочек:

"Этот человек должен обладать совершенно отличительными от других людей качествами. Он обязан быть чутким, как мышь, вертким, как кошка, сильным, как буйвол, безголосым, как змея, быстрым, как стрела. Он должен уметь падать, но не разбиваться, взлетать на высоту, необходимую для своей цели. Если кто-то спросит, есть ли у такого человека уязвимые места..."

Здесь запись обрывалась, но я машинально перевернул листок.

"...Нет!" — должен быть ответ. И ты обязан тысячу раз повторить: "Нет!" Так отвечаю и я, воспитывавшийся в племени ниндзя (ниндзя — многовековой клан императорских телохранителей. — **С.К.**). Шли годы, удалившие меня от моего народа, и сердце мое запротестовало. Я взял перо и, верный своему долгу, пишу — впервые я увидел императора, когда он был поглощен таинством жизни муравьев. Главноуправляющий придворны-

ми, отведя листья пальмы в сторону, указал глазами. И я увидел императора.

Когда же мы отошли, главноуправляющий сказал:

— Отныне твоя жизнь принадлежит ему. Он же доверяет свою — тебе..."

На этом записи обрывались.

Я долго не мог успокоиться, вспоминал дом. Да, действительно, с нами соседствовал молчаливый японец, казалось, занимавшийся только тем, что ухаживал за своим огородом и садом. Сад у него был просто дивный. У многих росли вишневые деревья, абрикосовые, персиковые, но у японца — вишни были самые крупные, абрикосы — самые сладкие, персики — самые сочные. Сад поражал ухоженностью и шелковистой травой с вкрапленными в нее маленькими голубенькими, красненькими, желтенькими цветочками, названия которых мало кто и знал. Когда бы я ни взглянул в сторону соседа, всегда мог увидеть его худую фигуру в пестром узбекском халате и черной тюбетейке.

Иногда по утрам в сарае, который стоял у самой реки, раздавались какие-то странные глухие удары. Казалось, что он вытряхивает из старых ковров древнюю пыль азиатских дорог. Подойти незаметно к сараю, чтобы удовлетворить мальчишеское любопытство, было никак нельзя.

Мне отчетливо вспомнился один день. Отец, поглаживая ветви гранатового дерева, на которых висели тяжелые плоды, подозвал меня к себе. Я торопился в школу, а потому был не слишком-то внимателен.

— Видишь, сынок, как прогнулись ветви, но не сломались. Наступит момент, плод коснется земли, отскочит в сторону, а ветка вновь победно взлетит вверх, к свету. На этом принципе построена японская борьба джиу-джитсу: поддаться и победить...

Что мне, двенадцатилетнему пацану, тогда говорило такое мудреное название. Я даже не задумался, откуда отцу известна какая-то японская борьба. Правда, однажды я увидел фотографию отца в молодости. Он гордо сидел на тонконогом коне, цепко держа уздечку. Сбоку шашка, на ремне кобура, через плечо пролегал портупея. Подбородок гордо приподнят, взгляд открытый, смелый.

— Когда это, па? — из чистого любопытства спросил я.

— Когда басмачество ликвидировали. Мне тут двадцать один год. Ох и бешеные мы были!

— Какие?!

— Бешеные, говорю. Мог под брюхом коня на

полном скаку пролезть и вновь в седле оказаться. Такие барьеры брал, голова кругом шла...

Скупыми были рассказы отца, но и по их обрывкам представлялись мне пыльные дороги, банды басмачей. Иногда мне казалось, что я просто слушаю захватывающую сказку из далекого-далекого времени, и не верилось, что это рассказ моего отца и что все-все происходило с ним.

Больше он никогда не рассказывал мне о службе в Средней Азии, хотя несколько раз я просил его об этом. Отец лишь отмахивался в ответ, обещая как-нибудь под настроение что-нибудь вспомнить. Но настроение к нему так и не приходило...

Как всех мальчишек, меня увлекали свои планы. Мы жили в небольшом поселке со странным названием Кок-Таш, что означало в переводе с киргизского — Зеленый Камень. Но зеленых камней никто нигде не встречал. Правда, лежал возле дороги огромный валун серого цвета. Мусульмане считали его священным и всегда совершали возле него свои намазы. Бродила какая-то легенда, гласящая, что когда-то боги решили испытать терпение людей и дали им камни, чтобы они построили себе храмы. Этот валун оказался таким тяжелым для ноши, что его бросили по пути. И теперь мусульмане как бы просят прощения у богов за свою слабость. Но камень-то был не зеленый... И вот однажды на самой вершине холма я нашел то, о чем мечтал. Это был средней величины зеленый камень. Обнаружил я его случайно — отвалился кусок глины, когда я взбирался вверх. И перед глазами мелькнул темно-зеленый край. Как он попал сюда, на вершину? Я очистил его. Потом осторожно, чтобы ненароком не выскочил из рук, спустился с горы и понес камень домой. Отмыл от налипшей глины и обнаружил, что в камень вкраплены древние ракушки. Это было настоящее чудо! Сколько сказочных видений вспыхнуло у меня в голове...

Однажды утром, уходя в школу, я вновь услышал странный глухой стук в сарае соседа. Любопытство пересилило. Я нырнул в картофельную ботву и медленно пополз. Дверь сарая была чуть приоткрыта, я просунул в щель голову. Стук прекратился. И не успел я еще ничего сообразить, как был легко втянут в сарай. Передо мной стоял сосед-японец, готовый, казалось, растерзать меня за любопытство. По выражению его лица я понял, что мне несдобровать, и что было силы закричал:

— Па-па...

В пустом сарае голос прозвучал, как в огромном ущелье. В следующую же секунду дверь чуть было

не слетела с петель. В сарай ворвался отец. То, что происходило потом, я отчетливо вижу и по сей день. Два довольно-таки пожилых человека, которые только что мирно копались в своих огородах, ласково здоровались друг с другом, вдруг преобразились. Отец принял какую-то замысловатую стойку, выбросив вперед левую руку. Он влоборота встал к японцу, который тоже чуть согнулся, словно готовился к прыжку. Отец, приняв вызов, шагнул к нему. Но тот, словно кошка, легко отскочил в сторону, сделал какое-то быстрое движение ног, и вдруг его тело поднялось над землей. Отец отпрыгнул в сторону. То, что продельвали эти два человека, походило на какую-то странную борьбу: борьбу без касания друг друга. Вот японец вскрикнул и, выбросив вперед правую ногу, полетел на отца. Отец камнем упал на землю и, словно ножницами, сбил полет. Японец упал на живот, и отец тут же прыгнул ему на спину. Тот вывернулся, взметнулся свечой вверх. Вот они вновь оказались друг перед другом. Теперь на их лицах уже не было прежнего азарта. В глазах светилось удивление.

Через секунду мужчины сошлись снова. Я подумал, что, может быть, японец замыслил какую-то уловку, но ошибся. Они просто обнялись и заплакали. Я недоумевал — почему? И только много лет спустя понял, что они в тот момент вспомнили свою молодость. После этого случая отец, даже не спрашивая меня, отдал мою находку — зеленый камень — японцу. А тот положил его на краю тропинки, обсадил какой-то шелковистой травой. И теперь каждое утро возился вокруг него. Мне было совсем не жаль своей находки. Занимало другое: что же за борьба происходила между моим отцом и японцем? Я приставал к отцу с вопросами: как это он мог удержаться перед таким грозным соперником? И почему японец такой сильный? И еще множество вопросов задавал я отцу.

— Хорошо, — как-то раз неожиданно произнес отец. — Я расскажу тебе историю, которой много-много лет. Давным-давно, даже очень давно жил принц, хотевший стать непобедимым. Он развлекался, устраивая бои своих рабов с дикими и свирепыми животными. Выходил раб, к нему на арену выпускали тигра. Раб, победивший тигра, обретал свободу. Поэтому человек должен был быть и сильнее, и хитрее, и умнее зверя. Он и придумывал все, чтобы победить и выжить. Принц же овладевал секретами этой мудрости. Вот некоторые из этих секретов и дошли до наших дней.

— Ты знал этого принца? — наивно спросил я.

— Нет сынок, не знал я его, но один его прием, когда чуть подрастешь, я тебе передам.

— А как он называется, этот прием? — допытывался я.

— “Невалийский мираж”. Знающий этот прием непобедим.

— Па, ну Расскажи дальше, — канючил я.

Видя, что ему на этот раз не отвертеться, отец прижал меня к себе.

— Ладно, только ты уж слушай внимательно, больше я никогда не вернусь к этому рассказу, слишком тяжело вспоминать...

...Когда я был бойцом кавполка, прибыл к нам из Тверской кавалерийской школы РККА новый комиссар. Командиром нашего эскадрона был отчаянный храбрости человек. Дрался и знал боевую тактику великолепно. Конем и клинком владел отлично. Как-то придя на политзанятия, он обратился к комиссару:

— Языком трепать все горазды. Но на басмачей придется идти не с политграммотой, а с винтовкой и клинком.

Усмехнулся комиссар.

— Моя подготовка делает бойцов отважнее.

— Ну что ж, давай, давай, просвещай, но скоро приду и посмотрю, как ты сам владеешь оружием, — сказал и вышел.

Мы слушали их разговор затаив дыхание. Что же из этого получится?

И вот наступил день, когда приехал командир эскадрона посмотреть, как проходит кавалерийская подготовка, которая всегда заканчивалась рубкой лозы. Молодым бойцам нужно было поразить пять целей. Для себя командир эскадрона приказал поставить двенадцать. Конь его промчался стрелой, а всадник, сверкая клинком, сразил одиннадцать целей. Да, наш командир владел клинком прекрасно. Довольный, он подъехал к комиссару.

— Какую дашь оценку?

— Хоть поражено и не двенадцать целей, но все же отлично.

— Ну а тебе, как политруку, по программе положено пять целей. Так что действуй.

— Зачем же так? Нужно сражаться на равных, — и велел комиссар поставить двенадцать целей.

Выехал он на исходную позицию, пришпорил коня, взмахнул клинком и... сразил все двенадцать целей... Так с того дня командир и комиссар наши всегда были вместе. Потом мы узнали, что комиссар до учебы в командирской школе был связным при командире 3-го конного корпуса — того самого, что разбил банду Махно.

В то время мы никак не могли выследить банду Анна Кули. Словно растворялась она в песках. Знали только, что кто-то из доверенных лиц базаря постоянно бывает в воскресные дни на базаре. Стало ясно: вынюхивает что-то о расположении красноармейцев. И тогда комиссар разработал план операции. Он отобрал трех самых крепких красноармейцев, знакомых с народной борьбой. Меня же тренировал особо, наказывая при этом:

— Помни, твой прием направлен на благое дело, и ты не имеешь права его раскрывать никому.

Для нас изготовили специальный приз-кубок: это был самовар с умело срезанным носиком, который так хорошо запаяли, что и в лупу щелочки не увидишь. На боках самовара сверкали и золотились на солнце медальки.

Рано утром нас троих вызвали к комиссару.

— Ну вот, ребята, и наступил ваш день. Считаю, что каждый из вас способен выдержать бой. А тебе, — тут он обратился ко мне, — надо постоянно помнить — не давайся сопернику в руки. Ни в коем случае...

Азиатские базары, разогретые солнцем, пестры, шумны и кипучи. Словно пустынные ветры, дующие со всех сторон, собрали в один водоворот людской поток, словно здесь сошлись все тропинки.

Проворные канатоходцы, взобравшись наверх, перекидывают в руках длинные жерди и, раскачиваясь на канате, пробегают над замершей толпой. На другом пяточке — живой круг подогрывается оглушительными криками. Здесь — петушьи бои. Высокие поджарые петухи с подточенными шпорами сбегаются в центре, ударяя друг друга, разбегаются и вновь устремляются в атаку. Раздается тоскливая песня кеклика, перебиваемая оглушительным криком застоявшегося осла. То и дело, предупреждая толпу, проносятся юркие ходебщики (носильщики. — С.К.) с взваленными на плечи тяжелыми персидскими коврами. Мелькают вышитые золотой нитью тюбетейки, сафьяновые с шелком подушки. Над базаром плывет разжигающий аппетит запах плова, самсы, шурпы. Пробегают мальчишки, разнося на подносах пиалы с чаем. В глазах рябит от базарных прилавков, на которых искрятся сочные помидоры, хрустальный виноград, зерна фисташек. Но вот надрывный крик зазывалы, протяжные голоса труб зовут на смотрины борцов.

Азиатский базар кипит страстями. И остынет он лишь глубокой ночью, когда на темном небе высыпятся, как кусочки соли, искристые звезды. Успоко-

ятся люди, улягутся на теплую землю лошади, верблюды, ишаки. А пока протяжный зов манит на самое великолепное зрелище — состязание палванов (сильнейших, мужественнейших. — С.К.). Здесь под возбужденные крики толпы ты можешь победить или быть повергнутым. Мы молча наблюдали за крепкими, обнаженными по пояс борцами. Сейчас на нас никто не обращает внимания. Никто не узнает в нас красноармейцев. Мы в обычной крестьянской одежде, такие же загорелые, иссушенные солнцем.

Огромный батыр, чинно прохаживаясь по кругу, предлагал любому помериться с ним силой. Желающих не находилось. Уже трое были повергнуты им на землю.

— Ну, Тургум, давай, — тихонько подтолкнул я своего друга.

Тургум вышел в круг.

— Ты решил испытать свое счастье? — усмехнулся борец. — Что ты имеешь?

Тургум протянул кубок. Он так ослепительно сверкал, что вызвал всеобщее ликование.

— Золотой?

— Позолоченный, — ответил Тургум, — но этот кубок вручался самым сильным борцам. Я не хотел бы проиграть его.

— Мы сейчас проверим, на что ты способен, — довольно засмеялся тяжеловес, предлагая Тургуму подготовиться к бою.

— Только уговор, если ты кому-то проиграешь, ты вернешь кубок, а не деньги.

— Согласен! — хохотнул боец.

Когда они сошлись, все сразу увидели, что Тургум слабее противника. Комиссар, конечно же, предвидел это, а потому каждому в отдельности дал нужные советы.

Под азартные крики толпы Тургум был повален на землю.

Проиграл поединок и Иван.

И тогда наступил мой черед. Кто-то даже засмеялся, увидев меня рядом с таким громилой.

— Я прибавлю горсть золота к кубку, если ты выиграешь у меня поединок! — хохоча, прокричал он.

А у меня в голове была одна фраза комиссара: "Главное, не давайся ему в руки. А как только почувствуешь, что он расслабился, проводи прием".

Мы закружились по кругу. Несколько раз соперник пытался ухватить меня, но я успевал отскочить в сторону. Внезапно он схватил меня за руку и дернул. Я едва сумел вывернуться. И вот в этот-то момент сообразил, что мой противник уверился в своем превосходстве и немного расслабился. Его секундной слабости мне хватило. Я нырнул

вниз и своими ногами, как ножницами, резанул его по ногам. Туша борца обмякла и рухнула на землю. Я знал, что он испытывает адскую боль. Толпа ликовала. Пристыженный борец вернул кубок, деньги и скрылся в толпе. Он, казалось бы, затерялся, но двое переодетых красноармейцев неотступно преследовали поверженного приближенного главаря банды...

Комиссар четко рассчитал, что только победа над ним приведет нас в их логово... Вскоре банда была ликвидирована. А кубок как память о том событии так и остался у меня, — закончил свой рассказ отец.

— Па, а где он сейчас?

— Да где-то здесь. Совсем недавно видел, но где — не помню. Да и зачем он тебе?

Но я уже не слушал отца. Я облазил все потаенные места, все уголки, но самовара-кубка так и не отыскал.

— Па, ну где же он?

— Ладно, сам поищу, — пообещал отец.

Но тогда он так и не отыскал его...

* * *

Кто-то верно сказал, что от мальчишества до зрелой юности расстояние вытянутой руки. И вот уже я стою в армейской шеренге. Академией называют сержантскую школу. Действительно, самая настоящая академия, где обучают и испытывают на прочность. И самый главный предмет — физическая подготовка. Что ни день, то кросс, что ни воскресенье, то соревнование. Успешно окончившему школу вполне заслуженно дают звание сержанта — три желтые лычки. Теперь от тебя зависит успех отделения, которым ты командуешь. Делай, как я! И если кто-нибудь в чем-нибудь сдает, ты обязан подтянуть его во всем. Ты — командир.

До демобилизации мне оставалось полгода, когда вдруг вызвал к себе заместитель командира части.

— Приказом командира вам предоставлено десять суток отпуска!

Вот так радость! И это под конец службы.

— Поезжай, проведай родителей, а когда вернешься, мы вместе обсудим одно предложение.

Такой поворот в разговоре был для меня полной неожиданностью. О каком предложении пойдет речь? Но отпуск есть отпуск. Солдату собираться недолго, вещмешок в руки, отпускные, воинское требование и готово — прямым курсом на вокзал. Десять суток, не считая дороги. И почему это нам в молодости всегда сопутствует какое-то мальчи-

шеское озорство? Нет бы, как положено, отбить телеграмму родителям, пусть готовятся встретить сына. Нет же, стараемся сделать сюрприз.

И вот теперь я, "сюрпризом" возвращался домой.

Ясно помню тот солнечный день с упругим запахом скошенных трав, с притихшими от жары под кустами курами и попискивающими в густой траве цыплятами. Загремела цепь вылезшего из конуры Трезора. Но он не гавкал, а лишь наклонил голову, внимательно глядя на вошедшего во двор.

— Эге-гей! Есть ли кто дома?

Всполошились куры, гавкнул наконец Трезор. Вскрикнула выбежавшая мать, заулыбался вышедший следом отец. Слезы, радость, объятия...

За десять дней я успел познакомиться со своими школьными друзьями. Даже познакомился с красивой девушкой Надей, приехавшей в наш поселок учительницей в музыкальное училище. Я взял ее адрес. О своем соседе-японце я так и не вспомнил. Мне кажется, что я его тогда и не видел. Вечером, перед последней ночью, мы разговорились с отцом.

— Знаешь, сынок, — тихо произнес отец, — думается мне, что видимся мы с тобой последний раз.

Тогда я с какой-то легкомысленностью отмахнулся:

— Брось, батя, вон ты какой бодрый. Что там, шестьдесят два года?!

— Нет, сынок, что-то мешает мне тут, — он хлопнул по груди, — горячить стало.

— Да что там может быть, па?

— Нет, дорогой, двадцать лет проскакать в седле что-то да значит. Отбито все.

Тогда, по молодости, не воспринял я слова отца серьезно. Да и что я мог сказать утешительного! Хотя, наверное, мог бы быть повнимательнее в те минуты. Спокойно посидеть с ним, поговорить. Так нет же, все пытался подшучивать. Сколько раз потом корил себя за это. Все думалось, успеется еще, наговоримся, на потом откладывал. А это "потом" свернулось в пушинку и фью-ить. Затерялось где-то в неизвестных краях. А куда спешил? Куда торопился? Сказал же командир: поезжай, проведай родителей. Нет же, больше был с друзьями. А мать и отец, как всегда, стояли рядышком, провожая меня, и плакали. Подошел автобус. Обнялись, и я ринулся к дверце...

На станции узнал, что расписание изменилось и поезд мой отойдет только утром. Ну и хорошо, подумалось, поброжу, город посмотрю. Кое-как прокемарил ночь на вокзале, а когда утром вышел на

перрон, то неожиданно увидел спину отца. Я вздрогнул. Он жадно высматривал среди пассажиров меня. Вот тогда-то впервые мне стало вдруг страшно за отца. Я испугался, что могу потерять его. Уйдет он куда-то, откуда нет возврата, и ты больше не услышишь его голоса, не увидишь его. И тайна, которая живет в нем, как и в каждом человеке, уйдет вместе с ним.

— Батя! — выкрикнул я.

Отец обернулся. Каким усталым было его лицо. Темные круги под глазами. Мы обнялись крепко-крепко, как не обнимались до этого никогда. Я почувствовал его руки на своей спине, и от этого стало как-то тепло и спокойно. Сначала я даже не расслышал его первых слов, но потом...

— Прощай, сынок. Не осуждай, что мало дал тебе ласки. Я много ночей думал об этом и понял, что мало тебе ее давал. Сам обделен был ею и тебя лишил. Только пойми, не от меня все зависело. Даже не знаю, от кого. Но я любил тебя. Не осуждай меня и прости...

Зачем он это говорил? Почему я не перебил его? Нет бы тогда сказать что-то теплое, так слов не нашел. Вновь почти сухо простился. Почему такая черствость была? Отмолчался, заспешил на поезд. И когда в купе прильнул к стеклу, увидел, как отец медленно шел за набиравшим скорость составом. Разве мог я предугадать, что тогда мы расстались навечно... Отец предчувствовал свою смерть...

...После похорон я вернулся в свою часть. Командир выразил соболезнование, а за месяц до демобилизации вызвал к себе.

— Вот о чем я хотел поговорить с тобой. В нашем городе открывается школа милиции. Им нужны командиры взводов. Хорошие командиры, надежные, настоящие старшины. Начальник школы — мой давний приятель. Я ему рассказал про тебя. Подумай и дай ответ...

А что думать, когда ехать мне, как оказалось после письма матери, просто некуда. Я согласился, тем более что школа готовила сотрудников уголовного розыска. Это было заманчиво.

Экзамены сдал легко, сказала армейская закладка.

Командиров взводов было семеро. Все старшины. Нас часто собирали вместе, когда планировались занятия. Дисциплина тут была почти воинская. Выстроив нас в шеренгу, начальник курса вызывал каждого.

— Старшина Трюхан.

— Я!

— Другоруб, Червонный, Рябов, Бушуев, Столярчук, Горелов (это был я) и Киселев.

В такой же последовательности мы прибыли и на первое занятие по специальной подготовке.

— Вашим учителем будет японец, — наставлял нас начальник курса. — И, пожалуйста, меньше вопросов, больше дела.

Странное все же сочетание слов: учитель-японец.

— Нам стоило немало труда пригласить его преподавать. Еще раз повторяю, не задавайте лишних вопросов, и упаси Боже рассказывать кому-то о том, чему он вас учит. Если вы почувствуете, что вам трудно, лучше скажите мне, я вас переведу к самбистам. Но не говорите учителю об этом.

Такой инструктаж, конечно же, заинтриговал нас: что-то уж слишком засекречено.

Спортивной подготовкой мы занимались в подвальной помещении, обитом со всех сторон соломенными матами. Здесь отработывались прыжки, кувырки, удары ногами. Сколько ни лупи — тишина. Небольшой зал метров сорок в длину, десять в ширину и высотой четыре метра. Когда мы спустились в него на первое занятие, нас удивила неожиданная чистота и свежесть воздуха. Ожидая учителя, мы выстроились в шеренгу. И вот вошел ОН! Да, это был действительно японец и, как нам показалось, довольно пожилой. Войдя в зал, он подошел к коробочке с тальком, наступил сначала одной ногой, потом другой и, оставляя отпечатки, замер посередине строя. Взгляд его остановился на рослой фигуре Трюхана. Через несколько секунд он перевел глаза на Другоруба... И вот настал момент, когда его цепкий взор замер на мне. Я не отвел глаза, но мне показалось, что этот взгляд я уже когда-то встречал. Когда? И тут меня словно прошибло током! Неужели это наш сосед?! Вот это случай! Но японец уже перевел глаза на другого.

Оглядев каждого, учитель сделал шаг назад, повернулся к нам вполоборота и, чуть вскрикнув, легко взлетел, ударил ногами в боковую стенку, оставив на ней следы, и стал на прежнее место. Затем зашагал к нам. Мы молча наблюдали за всеми его движениями. Неожиданно, посмотрев вниз, мы прочитали составленное из следов слово "СЭНСЭЙ". Учитель повернулся к нам.

— Лечь! — резко прозвучала команда. — Пусть каждый, не помогая себе руками, доберется до вот той стенки.

Мы беспомощно завертели на месте, и как ни пытались продвинуться вперед, ничего не получалось.

— Это пример того, как человек бессилён, — тут

японец лег сам и, вытянув руки вдоль туловища, замер. Мы даже не сразу поняли, что случилось, как он промелькнул перед нашими глазами и встал у противоположной стены. Помню, движения его тела были подобны движениям змеи.

— Выбор пал на вас, — учитель вновь остановился посередине. — Вам предстоит вести борьбу с преступностью. А потому я должен научить вас различным приемам. Но прежде, чем мы начнем занятия, я обязан сказать вам, что место, где вы постигаете таинства, скрытые от других глаз, является святым. Здесь произойдет волшебство вашего превращения, поэтому тут всегда должно быть чисто и свежо. Не приходите сюда, если вам не хочется приходить. Для этого есть другие места. Я, ваш сэнсэй, поведу вас в мир непобедимых. А потому прошу усвоить: в вашей школе воинская дисциплина, но этого мало для тех, кто хочет постигнуть секреты боевого искусства. Все должно начинаться и кончаться выражением вежливости. Когда вы будете входить в зал, оставляйте свои заботы за порогом. Посвящайте себя целиком тому, чему я вас буду учить.

Сэнсэй остановил свой взгляд на мне. Неужели это все-таки наш сосед? Теперь он смотрел на меня не так пристально, как в первый раз.

— Отогай ни рей (ритуальное приветствие при прощании. — С.К.), — произнес сэнсэй неизвестную нам фразу и, наклонив голову, вышел.

Пристальное внимание ко мне сэнсэя заметили все:

— Слушай, Горелов, он что-то слишком долго смотрел на тебя. Не понравилась, видно, твоя физиономия.

— Это точно, — отмахнулся я, все пытаюсь вспомнить лицо нашего соседа. Нет, у того, кажется, не такое. Да и возраст... А впрочем, они с отцом были скорее всего одногодки. Но ведь сосед уехал куда-то на юг. Может быть, ошибся отец, говоря это?..

И вот с того времени, как с нами стал заниматься японец, мы начали замечать за собой особую выдержку, хладнокровие, сосредоточенность. Эти же черты примечали в нас и наши подчиненные — курсанты.

— Слушайте, ребята, — делились они друг с другом, — а ведь с нашими командирами японец что-то творит.

И если кто из нас слышал это пренебрежительное — "японец", то ему тут же хотелось подойти и сказать: "Не японец, а сэнсэй!"

Изменения в себе мы чувствовали и сами. Мир, который существовал до знакомства с сэнсэем,

как бы поблек перед его мудростью. И если в большом спортивном зале было слишком оживленно, то здесь, в подвале, царило упорное молчание, хотя с каждого пот катил градом.

Сэнсэй вводил нас в мир торжественного волшебства.

— Каждый из вас не только сосуд, который я должен наполнить своими знаниями. Каждый из вас еще и факел, который я должен зажечь. Ложитесь на спину, закройте глаза. Вы должны заставить свое тело разогреться так, чтобы каждая частичка была готова к приему боли. Сейчас ваше тело слушается вас слишком плохо. Вы не повелители его. Знайте, что в жизни вы столкнетесь и с более сильным противником, но это не должно вас настораживать и пугать. Знающий приемы способен противостоять четырем и даже пяти противникам, — так сэнсэй разговаривал с нами во время выполнения какого-нибудь задания. Рассказывал он нам и о назначении приемов, о применении каждого, о времени его возникновения.

Конечно, мы тогда еще не совсем понимали, для чего все это. Можно было бы, и ведь гораздо проще, отработать несколько приемов, которые могли бы нам пригодиться. Зачем же нам было знать, как надо дышать, что надо при этом думать. Нас шокировало утверждение сэнсэя, что при встрече со своим противником мы должны обращаться с ним, как с дорогим гостем.

— Одного желанья для вашей победы недостаточно. Необходимо еще мышление, которое бы противостояло задуманному твоим противником. Каждый должен уметь командовать, но прежде всего — самим собой. А это самое трудное. Вы должны понимать и предугадывать действия противника. Предвидение атаки — конечная цель нашего обучения.

Порой нам казалось, что сэнсэй втягивает нас в какую-то мудреную игру, из которой не так легко и выпутаться, но в которую хотелось играть. Мы подчинялись не только его командам, но и жестам, и взгляду.

Меня же мучила мысль: узнал ли он меня?

Иногда мне казалось, что я ошибся. Да и японцы кажутся нам похожими друг на друга. Но когда я ловил на себе взгляд сэнсэя, мне казалось, что это действительно наш сосед.

— Главное, освободите свой ум от ненужного и оставляйте его свободным для фантазии в осваиваемом деле...

Казалось, это чисто японская идеология...

— Познание истины и спокойствие духа в союзе приводят к дисциплине вашего тела, к вашему со-

вершенству, и тогда вы постигнете тайну рукопашной борьбы. Вы наверняка слышали о медитации, к которой чаще всего прибегают в богемной среде. Да будет вам известно, что это всего лишь миг мнимого забвения. Это всего лишь мода, которая по мере своего распространения упрощается и бездумно совершенствуется, теряя блеск первоначального образца. Молчаливое созерцание, самоуглубление, внутреннее сосредоточение приводят к омертвлению. Истинная же реальность вашего помысла не должна делиться. Она может быть достигнута лишь целиком и мгновенно во внезапном озарении, прозрении, откровении. Будучи всем и во всем, она может открыться человеку даже в капле росы, в падающем листе, в одно мгновение схваченная вашим сознанием. Запомните эти слова.

И запомните слово "сатори". Пусть этот внезапный момент вашего прозрения произойдет в вашей жизни, в ваших помыслах. Разбудите вашу дремлющую интуицию, но твердо усвойте: любое японское искусство, которое вы хотели бы постигнуть, будет скрыто от вас, как бы вы ни пытались разгадать его. Его нельзя понять одним лишь разумом, ему нельзя научиться только благодаря трудолюбию, его нельзя передавать мертвыми знаками. Его можно только пережить. Тайна скрыта во всем, даже в самом наипростейшем. Удар двумя ладонями — это хлопок. А как звучит хлопок одной ладонью? Здесь разум наш бессилён... Теперь приступаем к занятиям...

Каждый раз он пытался растолковать нам какую-нибудь известную ему истину, а потом мы начинали заниматься.

Странно было видеть сэнсэя в соломенной шляпе, которую он, видимо, чудом сохранил в память о своей молодости. Однажды, когда курсанты занимались на открытом стадионе, сдавали зачеты по бегу, сэнсэй привел нас в просторный спортивный зал и напялил на голову шляпу.

— Скорость в вашей работе только прибавит усталости. Если вы, заметив преступника, броситесь за ним и не догоните, на вас падет пятно горького разочарования. Второе — даже нетренированный человек, заметив погоню, бежит в два раза быстрее. Сейчас я проверю, какие силы заложены в каждом из вас. Длина зала — семьдесят метров. Первого прошу подойти ко мне.

Трюхан медленно подошел к сэнсэю, наклонил голову, давая понять, что распоряжение выполнено.

— Вот, передаю вам соломенную шляпу. Прижмите ее к груди и, победив, отпустите руки. Ес-

ли в беге шляпа упадет, считайте, что преступник от вас ушел.

Признаться, в тот день каждый из нас упустил своего преступника.

— Считайте, что зачета никто из вас не получил. Но у каждого еще есть время набрать скорость. Желаю удачи.

Вот так всегда — создаст невероятную ситуацию и — желаю удачи. Как мы сокрушались в тот день. Кто-то даже пошутил, что вот “сели в шляпу”. И ведь надо же! Придумали секундомер, финишную ленту... а тут простая соломенная шляпа оказалась самым строгим судьей. И вот теперь при малейшей возможности каждый из нас нет-нет да и срывался с места. Правда, вместо шляпы на груди были платочки, листки бумаги, но это не меняло сути дела. Кому-то уже через неделю удавалось удержаться на груди лоскуток, у кого-то он по-прежнему слетал.

Через месяц сэнсэй вновь привел нас в просторный зал. И о, чудо! Мы стремительно пронеслись через зал, а шляпа оставалась на груди.

— Так, с заданием вы справились, — сэнсэй никогда не показывал ни радости, ни удивления, ни удовлетворения. — Сейчас мы разучим новое упражнение. Прошу каждого подойти к стенке, ухватиться за перекладину.

Мы бодро подскочили к шведским стенкам, повернулись спинами и ухватились за перекладины.

— По моей команде поднимите ноги. Я буду ухватывать время виса. Начали.

Новое испытание оказалось еще труднее. Повисев минуту, две, каждый, к стыду, срывался.

— Сила складывается не только из ваших мускулов, но и из вашей выносливости. Вам не раз придется участвовать в засадах. И ведь я дал вам легкое задание, не предлагал выйти в лес и там повисеть на сучьях деревьев. Но это испытание тоже будет.

Нас уже не удивляло, что сэнсэй придумывал все новые и новые, казалось бы, нелепые ситуации. Он нас не поучал, он определял, на что мы способны, при этом давая каждому советы. Он не отрабатывал с нами каких-то приемов, он просто рассказывал о них и тут же демонстрировал нашу слабость, говоря, что вот она есть и как ее надо устранять. И мы вновь бегали, висели, прыгали, кувыркались, падали, становились на руки. Мы постигали тайны, ведомые только учителю. А он давал все новые и новые задания.

— Вам придется встречаться с противником, имеющим в руках оружие. По его взгляду вы поймете, что он полон решимости уйти от вашего

преследования. Сегодня я просил вас принести детские скакалки. Есть они?

Мы склонили головы.

— Прошу вас подать одну, — сэнсэй впервые посмотрел на меня лукаво. А ведь все-таки это, кажется, наш сосед!

Я рванулся в раздевалку, схватил скакалку. Степенно подойдя к учителю, передал ее ему в руки. Сэнсэй молча стал сматывать ее в клубочек. Болтающийся кончик он взял в правую руку, но так, что клубка теперь никто не видел. Мы внимательно следили за его манипуляциями.

— Прошу вас, — он вновь посмотрел на меня, — возьмите в руки “нож”.

Самодельные деревянные ножи и пистолеты лежали в углу.

— Прошу вас агрессивно наступать на меня, выставив вперед оружие.

И не успел я выбросить вперед руку с ножом, как почувствовал, что он обхвачен веревкой и вырван.

— Я повторю все это медленнее, — все так же спокойно произнес сэнсэй. — Следите внимательно за моими действиями. Этот прием не требует особой сноровки, но делать его можно только один раз, иначе преступник успеет или нанести вам удар, или выстрелить. Следите, — учитель стал медленно скручивать веревочку, но, оказываясь, не клубком, как нам показалось вначале, а кружком, обматывая витки вокруг большого пальца.

— Главное в этом приеме не веревка, не сила, а сам бросок. Вы уже знаете, сколько метров до противника. Глазомер ваш должен быть очень точным. При броске делайте так, — сэнсэй повернулся к нам и, вывернув руку ладонью вверх, взмахнул ею. И вновь веревка обвила нож в моих руках.

— Прошу каждого приступить к отработке приема...

Перед окончанием занятия сэнсэй оглядел каждого из нас и убедительно произнес:

— Жизнь разнообразна, но представится каждому из вас случай, когда разум ваш вспыхнет, и вы будете готовы впасть в ярость. Тогда вспомните меня и замрите, вздохните раз, еще раз, отвлекитесь от набросившейся на вас яростной мысли, и вы найдете самое верное решение. Победу одерживает тот, чьи легкие полны свежим воздухом. Если вы начинаете поединок — выигрывайте его. Но этот поединок не должен быть вашей самоцелью — лишь бы выиграть. Искусство любой схватки — искусство сближения. И надо уметь победить

без боя. Усвойте — желание достичь быстрого результата — это препятствие к цели...

Хорошо известно, что у японцев сильно развита интуиция. Иногда нам казалось, что сэнсэй безошибочно определяет даже наши мысли. За четыре года учебы он изучил каждого из нас. Мы же, старшины, в разговорах между собой уже роняли мудреные слова: айкидо, кунг-фу, тай-чи, кэмпо. Мы чувствовали себя более уверенными в своих делах.

Среду, день физподготовки, всегда ждали с особым нетерпением. Поглядывали на двор. В него медленно въезжал ЗИМ с бархатными занавесками. Из него выходил сэнсэй. Торопливо мы сбежали в свой "бункер", как окрестили наш спортзал подчиненные. Начиная ритуал. Один из нас подавал команды:

— Сэйза! — и мы становились на колени.

— Сэнсэй ни рей! — приветствовали появление учителя.

— Кирицу! — мы вставали.

Да, за все четыре года, что сэнсэй вел с нами занятия, он не пропустил впустую ни минуты.

И вот наступил момент, по выражению учителя, — закат яркого солнца. Наступили выпускные экзамены, а за ними и сам выпуск: курсантам прикрепили лейтенантские звездочки, а нам — старших лейтенантов. Поздравляли все. Последним перед строем выступил сэнсэй.

— Наступает закат. Я должен проститься с вами. Как наступает ночь после дня, и как неотвратимо восходит утреннее солнце после темной ночи. Приходит время сказать вам самое сокровенное. — Все прямо-таки впилась глазами в учителя. Да что — мы! У преподавателей, которые лишь мимоходом здоровались с ним, на лицах застыла грусть. Нам трудно было представить, что больше мы никогда не увидим ЕГО. — Вы лишь частичка природы, но частичка, наделенная силой природы. Вы многое постигли, но ваша физическая подготовка далека от совершенства. Вы должны постоянно поддерживать бодрость духа и укреплять свое тело. Отогай ни рей, — и после ритуального прощания УЧИТЕЛЬ вышел из зала.

Генерал милиции, начальник школы, шагнул вперед.

— Дорогие выпускники! — раздался его крепкий голос. — Человек, который только что сказал — сохраняйте бодрость духа всегда — мудрый человек. В нашей работе, связанной с ежеминутным риском, это качество необходимо постоянно. Следуйте советам мудрых...

А я уже решил, что, конечно же, ошибся и это не

наш сосед. Да, он был другой. Но вот в выпускной день заместитель начальника школы вызвал меня к себе.

— Горелов, — начал он разговор, — не знаю, зачем ты понадобился японцу, — он так и сказал "японцу", — но вот тебе его адрес. Просил прийти утром.

В груди обожгло. Я еще никогда так не волновался. Утром я был на месте. И лишь только открыл калитку дома учителя, как тут же заметил МОЙ зеленый камень! Он лежал слева, обросший шелковистой травой. Рядом протекал ручеек со светлой водой. И так все здесь было чисто и уютно, так до боли напоминало родные места...

Меня встретила с поклоном пожилая японка. Пригласила в дом. Как только переступил порог, в глаза бросились две яркие картины с каллиграфическими надписями — "Лето" и "Осень". Справа висела картина в черной раме: храм в наплывающей на него зелени, туман на переднем плане. Вспомнилось, что у японцев принято считать: красота рождается из сочетаний света и тени. И тут вошел ОН. Я впервые увидел сэнсэя улыбающимся. Прошли за раздвижную перегородку. Оказались в просторной комнате. На полу лежало несколько циновок. Низенький столик, у стены темный осиирэ (шкаф, куда обычно складывают белье. — С.К.).

Мы сели на татами перед столиком.

— Я узнал тебя сразу же, как только взглянул в твои глаза, — тихо произнес учитель. — По ним я почувствовал, что ты тоже догадался, кто я, но терзался сомнениями. Но, как говорят у нас, японцев, показавший радость обречен на зависть. Я никогда не думал, что придется с кем-то поделиться размышлениями. Но там, на юге, где похоронены наши дома, — видимо, сэнсэй имел в виду наводнение, которое снесло многие строения, в том числе и его, и наш дом, — народ говорит: дай роднику прорваться, он станет рекой. Если дать человеку заговорить, он будет думать, как стать оратором.

Хозяин разговаривал со мной, как с человеком, которого он хорошо знает. И его разговор, а это я почувствовал сразу же, был направлен на то, чтобы я был более внимателен.

— Я прожил среди вашего народа много лет. Тебя, конечно же, интересуется, как бывший телохранитель императора оказался в милицейской школе?

Это довольно странная жизненная ситуация. Как пересекаются тропинки на земле, так пересекаются и человеческие судьбы. Почему я тебе об этом

говору? Мне подсказало сердце, что слова мои могут помочь людям, а твой взгляд говорит, что ты хочешь проникнуть в тайну зла, чтобы сберечь от него добро. Я нарушаю многие традиции, которые привили мне. Я не должен этого делать, но чувствую, что силы меня покидают. Умру я вдали от своей родины. Поэтому я выбрал тебя. Ты не понимаешь — почему? А вспомни камень, который ты мальчишкой нашел в горах. Он же священен. Ты уже тогда был отмечен природой. Мне приходилось наблюдать за тобой по утрам в ущелье, где ты, представляя себя силачом, поднимал над головой камни и разбивал их, бросая вниз. Ты постигал тайну камня.

Природа сама отмечает своих избранных. Иной раз она отводит руку убийцы. Человек пытается взять власть над ней и подменить ее волю своей. Но он слишком мал для таких дел. Человек забывает множество трагедий, которые пережило человечество. Прошу понять меня верно: ваш народ никогда не постигнет тайн природы, которыми она наполнена. Он так и останется перед входом в ее дом. И это будет происходить до тех пор, пока ваши помыслы не будут свободными. Для того чтобы очароваться красотами многокилометровых глубин, надо суметь спуститься туда. Вы посмотрите с высоты звезд на землю, в какой сложной красоте мы живем. И вы, находящиеся в такой щедрости, чувствуете себя обделенными только потому, что вы, зрячие, остаетесь слепыми.

Слова, словно горячая вода, жгли меня. Но я мысленно повторял, что только умеющий удерживать чувство недовольства, достоин слушать продолжение.

— Я открываю тебе лишь малую толику тайны, потому как она слишком огромна. Ты будешь вести борьбу со злом, направленным против человека. Вы слишком поздно начинаете это делать. Общество засорено, и прополку в нем должны делать мудрые.

По твоему взгляду я понял, что ты хочешь знать главное — как я стал телохранителем императора?

— Я читал ваши записки...

— Мне не верилось, что они дойдут до тебя. Я полюбил твоего отца, ибо на его долю выпало огромное жизненное испытание. Он мужественно перенес его. Я видел, как ему в последние годы было трудно. Я не мог открыться ему во всем, так как был связан клятвой телохранителей. Твои знания будут направлены во благо. Применивший полученные навыки во зло будет наказан волей богов. Пошли со мной.

Мы встали и пошли во двор.

— Главная заповедь гласит: истина сохранена в том, что дисциплина тела и дисциплина духа должны быть взаимными. Тогда твое тело будет сильным, дух крепким. Человек может достигнуть совершенства только тренировкой. Избрав нужные твоему делу, твоему характеру приемы, ты осилишь любого неприятеля. Верь словам моим, человека, который прошел через сто восемь манекенов. (Телохранители императора после курса обучения подвергались жестокому испытанию — их заставляли выбираться из подземелья-лабиринта, и на их пути были расставлены непредвиденные препятствия. Манекены могли нанести удары. Испытуемый наступал на невидимую планку, срабатывала пружина, и он тут же подвергался атаке двух, трех манекенов. Только выйдя из этого лабиринта, испытуемый зачислялся в клан телохранителей императора. — С.К.)

Я прошел через них и попал в среду тех, кого никто не мог видеть. Мы были подобны людям, но были выше их. Другие телохранители иногда принимали вид городских жителей и сливались с ними, уходя в город. Я же всегда оставался верен данной клятве, лишь иногда уединяясь на природе, которая раскрывала мне свои тайны и давала силы. То, что творит природа, — волшебство, что пытается творить человек — ничтожество. Я был счастлив лицезреть становление императора. На огромном холме, в императорском одеянии с вышитыми драконами, он тогда принес жертвы предкам и совершал древний ритуал вступления на престол. Я видел императора на троне с вырезанными на спинке орхидеями — эмблемой императора. Я видел императора в военном мундире генералиссимуса, украшенном орденами. Я покажу тебе правдивый его портрет.

Мы вернулись в комнату. Хозяин раздвинул перегородку, достал ящичек, открыл его.

И вот в моих руках фотография императора...

Когда я бережно протянул ее бывшему телохранителю, он дал мне листочек. Точно такой же, каккие хранятся у меня. Я стал читать.

«...Я был слишком занят спасением своей собственной жизни, и мне некогда было думать... В одиннадцать часов утра мы приземлились на аэродроме и направились в здание вокзала ждать другой самолет, чтобы лететь в страну вечного солнца.

Донесся мощный гул самолетов. Оказалось, что это приземлились советские самолеты. Из них высадились отряды автоматчиков, которые немедленно разоружили солдат и мою охрану...»

Я перевел взгляд на учителя. Запись обрывалась, и я не совсем понял, о чем идет речь.

— Это слова императора, которые он оставил. Мы оказались в плену. Если бы император пожелал нам смерти, мы бы приняли ее сразу же. Но он закрыл глаза, призывая к смирению. Так я оказался в вашей стране. Я ожидал худшего, но этого не произошло. До меня долетела весть, что императора потом отправили в те места, где он когда-то правил... Меня же оставили. Я жил там, где родился ты, а потом... Потом меня случайно встретил тот, кто первым смело взглянул в тот тяжкий день в глаза самого императора, направляя на него автомат. Этого советского офицера я запомнил. Но я не испытывал к нему вражды. Он был тоже телохранитель своего отечества. Он уговорил меня учить тайному мастерству людей, которые хотят лишь светлого дня...

Почему я доверился тебе? Когда-то мой отец в городе Киото обучал премудростям борьбы одного русского парня. (Видимо, он имел в виду Василия Сергеевича Ощепкова. Родившись в 1892 году у заключенной Александровской тюрьмы на Сахалине, Василий в одиннадцать лет стал сиротой и был отправлен в русскую колонию при православной миссии в Японии. Василий Ощепков был первым русским, которому был присвоен высокий дан. В 1937 году Ощепков был арестован и расстрелян. — С.К.) Он полюбил его и, отправляя учиться дальше в известный всему миру институт Кодокан, передал секрет, который и помог тому русскому выдержать экзамен. Этот русский парень прошел через все испытания, которые были отпущены ему. Он был самым первым в вашей стране, кому на торжественной церемонии вручили черный пояс и кимоно.

На этом вручении был и мой отец. С того дня он мне всегда говорил, что есть на свете удивительные люди — русские, которые могут многого добиться, если захотят. И если тебе встретятся такие, сделай все, чтобы они больше знали о нас...

Опустились сумерки. Я возвращался в общежитие милицейской школы. Назавтра мы разъезжались по местам службы. Что ждало меня? Этого я, конечно же, не мог предугадать. Но теперь я на всю жизнь запомню слова сэнсэя: "Борясь, сохраняй разум!"

...Прошли годы. И однажды, когда меньше всего надеешься выбраться из городской суеты, я все же приехал в городок моего детства. Так же лежали валуны, но берег был сиротлив. Ни травинки, ни кустика, не говоря уже о домах, которые когда-то тут стояли. Сон ли был? Потом мне рассказывали очевидцы, что той ранней весной вода снес-

ла многие дома. Лишь высокие тополя, как великаны, пытались удержаться за землю. Они запрудили реку, и вода вышла из берегов, подходя к многоэтажным домам. Тогда было решено взорвать деревья, тем самым разрушая преграду. С вертолета сбрасывали гранаты. И тополя уступили человеку. Медленно валились они, а вода тут же вымывала корни...

Я сидел на валуне, смотрел на воду и думал, откуда же у этой маленькой речушки вдруг взялась дикая сила, способная разрушить все, что создал человек? Даже горсточка земли не осталось. И я вспомнил, что рассказывал отец. Ведь на такой дикий берег когда-то приехал он со своей женой. Демобилизованный красноармеец, он выбрал бросовый берег, сумел построить дом, вырастить сад, воспитать детей. И рядом с ним тоже стали строить дома, разводить сады.

Так способна ли стихия навеки уничтожить память о людях? Нет, не способна. Она унесла и тот приз-самовар. Быть может, он где-то таится в земле и будет там храниться до тех пор, пока кто-то случайно не обнаружит его, как я обнаружил зеленый камень, и будет терзаться вопросом — откуда он? Почему не такой, как все самовары? Я помогу ему разгадать эту тайну своим рассказом о телохранителе императора. И этим облегчу ему душу.

Ирина ДЕГТЯРЕВА

БИЛЕТЫ ДО РОСТОВА

Рассказ

Сергей — обычный телохранитель и уже целый месяц охраняет тело одной дамочки. Тело, одетое в красный пиджак с норковым воротником, мини-юбку и черные туфли на высоком каблучке. Сергею все равно кого оберегать. Это только его работа.

Но дамочка, как видно, думала иначе. Косилась на Сергея, выпячивала тонкие губы и хлопала накладными ресницами. Телохранитель не реагирует.

Он работал. Неотступно следовал за дамочкой, оглядывался и оценивал обстановку, хотя сильно сомневался, что на нее кто-то может покушаться. Вряд ли.

Как Сергей понял, в бизнес ее проталкивал некто, о котором говорилось негромко. Просто Он с большой буквы. А она, его любовница, владела магазином одежды на Кутузовском. Изредка заезжала туда, записалась с менеджером в кабинете

и долго разговаривала с ним. Больше она ничем себя не утруждала. Ездил по ресторанам и ночным клубам, к подругам и к Нему.

Но ночью Сергей не работал. Был у него напарник, Игорь, ночной сменщик.

Как-то в пятницу дамочка сидела в ресторане гостиницы "Украина". Телохранитель расположился за соседним столиком.

Она не обедала. Откинулась на спинку стула и разглядывала свою руку, вернее, длинные бордовые ногти. Ждала кого-то. Наконец ей надоело это занятие, и она подозвала Сергея.

— На этот уик-энд я уеду с моим... — она нахмурила лобик, подбирая синоним слову любовник, — с моим другом за город. Вы и другой охранник не понадобится. А утром в понедельник приедете за мной домой, как обычно. Сейчас вы можете идти.

Сергей повернулся, чтобы уйти.

— Постой-ка. Сядь, — дамочка пыталась улыбаться с намеком на что-то, но у нее это плохо вышло. — Интересно, почему ты никогда не разговариваешь со мной? Мрачный ты какой-то. Твой напарник веселее.

Телохранитель молчал и не садился.

— Не бойся, скажи, что думаешь. Я же не укушу.

— В мои обязанности не входит развлекать вас беседами.

— Ой, какой суровый, — рассмеялась дамочка. — А если тебе приплатить? И не только за разговоры?

— У меня контракт. Договаривайтесь с моим начальством.

— Ты или тупой, или нахал, — дамочка задумалась, начала говорить, и в голосе звучало раздражение. — Ты ведь в Чечне воевал? Не мужик ты, что ли? Или на войне тебя ранило куда не туда?

Сергей равнодушным взглядом, словно сверлом, впивался в тонкую переносицу дамочки.

Она успокоилась и вздохнула.

— Скучно с тобой. А у твоего напарника девушка есть?

— Он женат.

Дамочка не сумела скрыть разочарования.

— Ладно. Иди. В понедельник увидимся.

Сергей пошел и у выхода из ресторана увидел высокого пожилого человека в темно-синем костюме, который опирался на тонкую вишневую трость. Он посмотрел на Сергея и задержал свой взгляд на секунду. Телохранитель догадался, что старик идет к дамочке.

* * *

Новость о двух неожиданных выходных сменщик воспринял с энтузиазмом. Они разговаривали с

Сергеем по телефону. Игорь тут же решил, что устроит вечеринку, и сразу пригласил друга.

— Ты извини, Игорь, но лучше я дома побуду.

— Серега! Кончай дурака валять! Если не придешь, ты мне не друг. И больше даже говорить об этом не хочу. Скажи лучше, наша мамзель к тебе не клеилась? Меня она явно желала затащить в постель.

— Да. Она и ко мне пыталась подкрасться на мягких лапках. Я сегодня понял почему. Видел ее любовника. Он старик. А ей молодые кадры нужны.

— Что она, мужика нормального найти не может?

— У старика деньги.

— Ну бывает же так, что и мужик нормальный, и денег завалишь.

— Такой товар не залеживается. Такие на ура идут. Вот на всех и не хватает.

— Но на нас-то она клюнула?!

— У меня вообще такое впечатление, что она бросается на все, что движется, — хмыкнул Сергей.

— Да, похоже на то. Ладно, Серег. В общем, завтра в четыре. Я жду. И никаких отговорок.

* * *

Сергей приехал.

Большая четырехкомнатная квартира и много гостей. Сергей переходил из одной комнаты в другую и все больше хмурился.

— Серега! — Игорь, вырвавшись от двух девиц, подскочил к другу. — Тебе что, женушка моя дверь открыла?

— Нет. Я Галю и не видел. Вот, ей цветы. Гости в коридоре курят и дверь была открыта.

Игорь взял у Сергея букет желтых роз и улыбнулся.

— Она и без цветов хороша. Избаловал ты ее. Сколько раз к нам приезжал, столько и букетов.

— Не так уж часто я приезжал, — Сергей переминался с ноги на ногу и все время оглядывался. Было видно, что он нервничает среди такого большого количества людей.

К Сергею и Игорю подошла женщина в узкой черной юбке. Богатые черные волосы упругими кольцами лежали на ее плечах. Широкий разрез глаз делал выражение ее лица чуть удивленным, да и необычным был сам их цвет: цвет светлого соснового дерева, утонченный и солнечный. Сергей на нее даже не взглянул.

— Познакомьтесь, — Игорь положил ладонь на

БИЛЕТЫ ДО РОСТОВА

плечо Сергея. — Сергей — мой друг. А это Маргарита. Она подруга моей Гали и моя подруга, само собой. Рита в поликлинике работает.

Маленькая белая ручка с круглыми, не острыми и ненакрашенными ногтями легла в ладонь Сергея. Игорь в ту же секунду исчез куда-то. Стало ясно, что это знакомство было им запланировано.

— А вы кем работаете? Если не секрет, — Рита аккуратно высвободила свою руку из руки Сергея.

— Я телохранитель.

— Да что вы? Как интересно, — Рита, кажется, растерялась, но не оттого, что профессия необычная, а оттого, что ее обладатель немногословен. — И кого вы охраняете, если это опять же не секрет? Наверное, какое-нибудь высокопоставленное лицо?

Сергей отрицательно мотнул головой.

— Нет? — переспросила Рита. Молчать было неловко, но и показаться болтушкой ей не хотелось. Она, раздражаясь, продолжала: — А я врач. Хирург.

— Вы? — неожиданно переспросил Сергей.

— Да. Вас что-то удивляет?

— Обычно хирурги — мужчины. Я лично женщин не встречал.

— Вы просто редко попадали к хирургам.

— Не так уж редко.

Рита приготовилась выслушать историю о том, как и почему ее собеседник часто посещал хирургов. Однако рассказа не последовало.

— Сегодня погода хорошая. Совсем весна. Правда? — Рита не теряла надежды разговорить этого мрачного человека.

А он был как будто погружен в какие-то тяжелые размышления. Вроде бы не слышал окружающих и в то же время иногда откликался, выныривая из самого себя.

— Правда. Погода хорошая.

Игорь наблюдал за течением беседы со стороны. Когда Рита сникла, исчерпав все темы для разговора, он подошел к ним и засмеялся:

— Рита, я дико извиняюсь за этого пенька, которого тебе подsunул. Честно говоря, я думал, что ты его разболтаешь. Теперь вижу — это бесполезно. Не обращай на него внимания. Пошли потанцуем.

Сергей пригладил темные волосы с небольшой проседью на затылке, ничуть не смутившись от того, что его обозвали и увели от него Риту. Он сел за стол.

Галя вбежала в комнату. Гости еще не сиделись, и она металась с тарелками и блюдами из кухни в комнату и обратно.

— Сережа, спасибо за цветы. От моего благоверного раз в год на Восьмое марта, и то не дожدهмся.

— Он тебя любит, — возразил Сергей.

— Я не спорю. Но он не любит цветы.

— Галь, а у вас есть что-нибудь... — Сергей замялся.

— Знаю, что ты хочешь, — Галя поджала губы. — Не давай бы. Хотя тебе все равно не запретишь.

Она принесла с кухни бутылку водки, рюмку и поставила все это перед Сергеем.

— На, напивайся.

Рита села за стол рядом с ним и весь вечер наблюдала за тем, как он пьет. Остальные гости, знавшие Сергея ближе, не обращали внимания. Им это не казалось необычным.

В комнате было шумно. Под потолком застыл сигаретный дым. Остро пахло свежими огурцами, маринованными помидорами и водкой. Люди веселились, разговаривали, шутили, спорили, а Сергей как будто ничего не слышал и пил. Рита видела, что он вроде и не пьянеет, а только становится мрачнее. Его синие глаза замутились и потемнели.

Гости стали расходиться, но Сергей так и сидел, в той же позе и глядел на бутылку, словно с особым вниманием изучал красно-белую этикетку. Рита задержалась, помогая Гале с посудой.

Сергей сидел и молчал. Но вот и он собрался

Ирина ДЕГТЯРЕВА пишет рассказы и повести для детей и юношества.

О том, что близко ей самой: ведь только-только окончена школа, завершен первый год учебы в Литинституте им. А.М. Горького. Но сегодня мы знакомим читателей с ее первой "взрослой" прозой, а саму Ирину поздравляем с первой журнальной публикацией. Отрадно, что тема для рассказа взята ею из войсковой жизни.

уходить. Встал и в полный рост загремел на пол. Игорь бросился его поднимать, заворчал:

— Напьетса, и возись с ним. Всегда так.

— Так что же ты его приглашаешь? — удивилась Рита. — Раз он алкоголик.

— Да он и не часто пьет. Но если пьет, то вот так. И как же его не приглашать? Он мой друг. Мы с ним вместе в военном училище были. Служили вместе. Серега парень что надо.

— А он всегда такой мрачный?

— Да нет. Раньше он веселее был.

— Раньше, чем что?

— Рит, ты ведь замужем, — Игорь устроил Сергея на диване. — Чего ж ты так интересуешься?

— Во-первых, ты меня с ним сам познакомил, а во-вторых, я вчера развелась.

— Ой, — Галя расстроилась. — Что же это ты? А Дима? Да как же вы? Я ничего не знала.

— Теперь знаешь.

Рита вышла в коридор и стала надевать плащ.

— Рита, постой, — Игорь хлопнул себя по лбу. — Совсем забыл. Мы с Галей завтра рано утром к теще едем, а Серега отсыпаться будет долго. Ты не могла бы помочь отвезти его домой.

— Как?! На чем? — изумилась Рита.

— На машине. Ты ведь водишь машину. А я нет.

— Но я давно не ездила.

— Это ничего. Машина Сереги внизу стоит. Синий "жигуленок". Я сейчас отведу туда Сергея.

— Да ты что? У меня и прав-то с собой нет.

— Ничего. Если что, скажем, что твоего мужа пьяного возем. Права Сереги покажем. Они у него в бардачке.

— Ну, Игорь, устроил ты мне веселый вечерок.

Игорь вынул у Сергея из кармана ключи от машины и квартиры. Оттащил друга вниз и запихнул его на заднее сиденье.

* * *

— Командир, надо чего-то мозговать! Четвертый день без жратвы сидим.

Прапорщик-омоновец в ушанке набекрень зашел в бетонный домик. Осунувшийся, с сажей на щеках, он выглядел совершенно измученным.

— Ты мне это так говоришь, как будто я торчу где-нибудь в тылу, — Сергей отошел от радиста. — Только что связь была. К нашему блокпосту прорваться не могут. Слышишь, какая пальба? Да еще и погода нелетная, на "вертушку" не рассчитывай.

Омоновец заругался, склоняя боевиков на разные лады.

— И мозговать тут нечего. Надо к местным идти. Договариваться. Может, они помогут с водой и

продуктами. Нам много и не нужно, — Сергей потирал бритый затылок. — Я сам пойду. Возьму с собой двоих-троих...

— А может, мне со своими?

— Нет, ты останешься. Ментов тут и местных не жалуют...

Домик вздрогнул. Боевики стреляли по нему из гранатомета. Бетонные блоки, которыми он был обложен, громоздились друг на друге без цемента. Три-четыре попадания по одному и тому же блоку или рассыпают его в пыль, или сбрасывают на землю. Вчера такой плитой придавило Лаврова, молоденького ефрейтора.

— Из "граников" лупят. Гады, — прапорщик отряхнул бетонную пыль с рукава. — Ну, гляди, командир. Твои ребята еще зеленые совсем.

— А у тебя — перезревшие? — усмехнулся Сергей. — Не набивайся. Ты останешься здесь за меня. А мы пойдем вчетвером.

Над землей нависла мутная декабрьская темнота, перемешанная с черным едким дымом, который нес ветер из заблокированного Гудермеса.

Небольшое селение, к которому они пробирались, Сергей увидел еще при дневном свете.

Липкая земля клеилась к подошвам сапог. Бронжилеты давили плечи. Сергей шел впереди, пригнувшись. На небольшом расстоянии от него крались солдаты — Белов и Савин, а маленькую колонну замыкал сержант Перов.

Пошел слабый снег. Во все сгущавшейся темноте были видны только вспышки взрывов в Гудермесе и красные следы трассирующих пуль в стороне от блокпоста. Воняло гарью. Тонкий запах свежести от падающего снега едва ощущался. У Сергея сводило мышцы от напряжения, ныла нога, раненная полгода назад. Было довольно холодно, но ладони, обхватившие автомат, неприятно взмокли. Несколько раз Сергею казалось, что кто-то идет навстречу, тогда он падал в грязь и отползал в кусты, проклиная декабрь и размокшую землю. Шорохи не повторялись. Тогда они вставали и снова месили смешанный с землей снег.

Вдруг хриплые крики "Аллах акбар!" раздалились за спиной Сергея. Комья земли и осколки брызнули веером. Грохот оглушил. Но старший лейтенант, которого толкнул шедший сзади Белов, уже летел в сторону. Взрывная волна кинула их на землю, забросала мокрой глиной. Потом они скатились в какой-то овраг, ломая ветки кустов. Сергей оглох и минуты две ничего не соображал. Перепуганный насмерть Белов тряс его за плечи и что-то говорил, но Сергей только видел, как солдат двигает губами. Наконец он пришел в себя.

БИЛЕТЫ ДО РОСТОВА

— Товарищ старший лейтенант, миленький, вы живы?

— Тихо ты! — цыкнул на него Сергей.

Наверху оврага слышались выстрелы и голоса боевиков.

— Западня, — Сергей прильнул к земле и прижал Белова.

В овраг заглядывали.

“Лишь бы не заметили, лишь бы не заметили”, — шумело у Сергея в голове. Белов под его рукой трясся мелкой дрожью.

* * *

Зазвонил телефон, и Сергей очнулся от полусна. В голове словно наковальню установили. Так бухало и ломило в затылке. Под боком, на кровати кто-то лежал. Не было сил повернуться и посмотреть, кто это. Сергей снял трубку телефона, висевшего на стене у изголовья.

— Серега, ты там живой? — раздался в трубке бодрый голос Игоря.

— Вроде бы да.

— Ты извини, что я тебя вчера сплавил. Я от тещи тебе звоню. Мы с Галей должны были с утра к ней в гости ехать.

— Ничего. Мне только интересно, где моя машина?

— Так мы с Ритой привезли тебя на ней. Потом я домой поехал, а Рита к себе, только в другую сторону.

— Хорошо.

Сергей повесил трубку и повернулся на бок. Рядом с ним, поверх одеяла лежала Рита в черной кружевной комбинации и сонно щурила свои солнечные глаза.

— Я вчера решила здесь остаться. Разрешения спросить я не могла. Ты спал. А ехать домой мне очень далеко. Моя мать в Подмоскowie живет. Плохо, что у тебя кровать одна. Пришлось с тобой лечь. А ты всю ночь стонал и кричал.

— Что кричал?

— Стреляют! “Духи”! И что-то еще в этом роде. И так стонал, как будто тебя режут. Я пыталась тебя разбудить, но бесполезно.

— Мы разве на “ты”? — Сергей снова лег на спину.

— Так проще, — Рита встала. Один светлый чулок у нее сполз с ноги, и она выглядела, как девочка-подросток. Растрепанные волосы, пухлые плечи и руки.

— Можно, я возьму твой халат? — спросила она.

— Бери.

Сергей сел на кровати, свесив босые ноги. Вчера Рита, когда раздевала его в темноте, не увидела, а сейчас разглядела три шрама на его теле. Один на животе и по одному на пояснице и на груди. Сергею было холодно, он ежился, дрожал широкими плечами, и рубцы на теле побагровели. Лицо Сергея, отрешенное и равнодушное, испугало Риту. Она только сейчас подумала, что совершенно не знает этого человека, и при этом так беззаботно провела ночь в его квартире. Рита подавила в себе страх. “Раз он друг Игоря, то наверняка не опасен”, — подумала она. Ей хотелось так думать.

— Я приготовлю что-нибудь? — предложила она. Сергей кивнул.

В комнате везде валялись окурки и воняло табаком. Рита распахнула окно. У нее захватило дух.

— Высоко! — выдохнула она в восхищении. — Красиво!

На кухне та же картина — окурки и какие-то бумажки на полу. Рита подняла одну: скомканная сигаретная пачка. В углу стояли водочные бутылки, но все же не так много, как она ожидала увидеть.

Холодильник отличался стерильной чистотой и пустотой.

— Сергей, — позвала она. — Ты что, из принципа ничего не ешь? Или как? И мусорное ведро ты не признаешь? — Рита подспудно надеялась расшевелить своим требовательным тоном Сергея. Она ждала, что он вот-вот сорвется, как любой нормальный человек и закричит: “Это не твоё дело! И вообще, убирайся отсюда!”

Но он не выходил из себя, а скорее сам, своим молчанием выводил из себя Риту.

— Ладно, молчун, — забормотала она, — я тебя приведу в чувство. Сережа, — позвала она, — одевайся, пойдем в магазин. Слышишь?

Сергей вошел на кухню уже одетый.

— Ты бы хоть побрился, — заметила Рита. — У тебя лицо уголовника.

Он покорно пошел в ванную и побрился, несколько раз порезав подбородок.

Кажется, Сергей не знал, куда себя деть. Любое дело, придуманное Ритой, отвлекало его от каких-то мыслей, и поэтому он так покорно все выполнял.

В магазине Рита разошлась еще больше. Взяла у Сергея бумажник, набитый деньгами (он, видимо, не тратил заработанного). Она покупала и покупала.

— Нельзя, чтобы человек сидел голодный, — разъяснила она, хотя Сергей ни о чем и не спрашивал.

Не протестуя, он нес тяжелые сумки до дома. Рита приготовила завтрак, и все, что она положила Сергею на тарелку, он, как будто автоматически, съел.

— Сережа, а можно пожить у тебя недельку? Я с мужем развелась, и мы сейчас с ним размениваем квартиру. А работаю я в Москве, и ездить каждый раз из Подольска, где живет моя мама, тяжело. Так можно?

— Живи. Только раскладушку надо где-то раздобыть.

— Я могу и на полу.

— На раскладушку лягу я.

— А у тебя разве нет раскладушки?

Сергей нахмурился.

— Не знаю. Не помню. Может, на антресолях?

Риту совсем не обрадовало такое легкое согласие, которое она получила от Сергея. Ведь спрашивала просто, чтобы расшевелить его, понять, что он представляет из себя на самом деле, а жить с этим хмурым типом она и не собиралась. Но теперь, видимо, придется.

“Назвался груздем, полезай в кузов”, — подумала Рита и взялась за уборку.

Сергей сел в кресло, стоящее посреди комнаты, оглушающе громко включил телевизор и смотрел все подряд. Хотя, скорее всего, он и не смотрел: у него был отсутствующий вид. Он курил одну сигарету за другой. Пачка “Явы” пустела на глазах.

Рита собирала с пола окурки и бумажки и без конца спотыкалась о сидящего в центре Сергея. Дым ел ей глаза. Она выдернула у Сергея окурки, прилипший к губе, отобрала пачку и зажегала.

— Хватит. Я видела у тебя шрам на груди. Легкое задето?

Он кивнул головой.

— Я, как врач, тебе запрещаю. Дымит, точно заводская труба. И я тоже не хочу дышать дымом.

Сергей ухмыльнулся. Впервые Рита увидела, что он как-то реагирует на происходящее.

Она стала действовать дальше. Выключила телевизор. Сергей с совершенно спокойным лицом встал и включил его снова. Он молча показал ей границу, за которую лучше не заходить. И она не стала, а пошла на поиски раскладушки. Отыскала ее за шкафом в коридоре.

— На антресолях, — ворчала она. — Хорош хозяин. Не знает, где у него что лежит.

Целый день Сергей просидел у телевизора, а Рита, убрав в комнате, наводила порядок на кухне. Разные мысли беспокоили ее.

“Не псих же он? Вроде не похож. А Игорь ведь неспроста говорил, что он не всегда таким был...”

И эти шрамы на теле... Кричит по ночам... С психикой у него все же не в порядке, — заключила она. — У него какое-то депрессивное состояние. Надо бы его к Кате отвести. Психиатр ему не помешает, а то еще чего доброго совсем тронется. А что это мне его жалко? — она рассердилась на себя. — Незнакомый мужик, а я ворвалась к нему в квартиру и лезу в жизнь... Ну и что? В конце концов, ничего преступного я не делаю. Хотя, конечно, тоже хороша! Позавчера развелась, а на следующий день на мужиков начинаю бросаться. Пожалуй, мне надо к психиатру, а не ему”.

Ее рассмешили такие выводы, и она улыбаясь зашла в комнату.

— Сережа, а ты что, всегда так разносторонне досуг проводишь? У телевизора?

Сергей не отозвался.

Настроение у Риты в мгновение испортилось.

— Давай спать, — устало предложила она.

Они легли. Он на раскладушку у балкона, она на кровать.

* * *

Боевики не заметили спрятавшихся и сбросили что-то в овраг, прямо на них. Но пока чеченцы не ушли, Сергей не шевелился. Белов повернулся и чуть не закричал. Старший лейтенант зажал ему рот рукой.

Чеченцы скинули на них изуродованные взрывом тела Перова и Савина. Дымящиеся на холоде, развороченные до безобразия.

Белов корчился, отвернувшись. Его рвало. Сергей, стиснув зубы, пытался найти документы убитых. Но у Савина осколком их разнесло. У Перова они оказались целы. Дрожащей рукой Сергей сунул их к себе в карман. Автомат на Савине был искорежен, а с сержанта оружие, как видно, сняли боевики.

— Помоги, — прошептал Сергей. — Их надо спрятать. Вон там кусты.

— Я не могу, — выдавил из себя Белов.

— Ты что, мертвых не видел? Здесь же война.

— Видел, но не так... не так близко, — его снова затошнило. Сергей управился один. Замаскировал тела убитых в кустах, перемазавшись в их крови.

— Мы вас заберем, — шепнул он и вполголоса позвал. — Эй, Белов. Пошли.

— Куда? — детское испуганное лицо Белова белело в темноте.

— Как куда? Дальше.

— Я не пойду. Нас убьют. Надо вернуться.

— Ах, ты... — зашипел на него старший лейте-

нант. — Наши там подышают без жратвы. Раненым пить нечего, а ты в штаны наложил. Гаденыш! Нам нельзя возвращаться. — Сергей успокоился так же быстро, как вспыхнул. — Рядовой Белов это приказ.

Белов поник и сидел на земле, раскачиваясь из стороны в сторону.

Сергей подошел к нему. Зачерпнул пригоршню разжиженной земли и вымазал его лицо. Белов покорно подставил щеки под шершавую ладонь командира.

— Надо было раньше это сделать, — с досадой заметил Сергей. — У тебя физиономия бледная, как фонарь. За километр видно. Поднимайся! Пошли.

Белов поднялся, бряцая автоматом, и скользя на отвесном склоне, стал карабкаться вслед за старшим лейтенантом наверх. Они вылезли с другой стороны тропы, чтобы миновать засаду.

Время до рассвета еще оставалось, но и до ближайшего селения, которое своим конечным пунктом наметил Сергей, предстояло еще топтать и топтать. А нужно было успеть дойти пока темно.

К снегу примешался дождь, он словно шептался с землей, и этот шепот часто обманывал их с Беловым. Они падали в грязь и потом с трудом поднимались. Одежда отяжелела от воды. Холод пробирал до костей. Сергей стучал зубами, с лица стекала грязь, которой он замаскировался. Прямо на ходу, наклонившись, он хватал комья земли и размазывал их по лицу. Голова кружилась от голода. Сергей подставлял открытый рот под снег и дождь, чтоб хоть как-то утолить жажду. Коньяк во фляжке — НЗ, его нельзя трогать.

Белов успокоился и шел сзади молча, поскальзываясь и падая, но шел.

Медленно ползли вверх по холму туда, где поселок. Цеплялись за корни, кусты. Сергей, оступившись, чуть не скатился, но Белов подставил спину под ноги старшего лейтенанта, а сам ухватился за ветку корявого куста, стелившегося по холму.

Сергей улыбнулся и с благодарностью кивнул Белову.

Они залегли в густых колючих зарослях метрах в ста от первого покосившегося домика.

— А вдруг в деревне "духи"? — спросил Белов.

— Подождем, — Сергей глянул на часы. — Сейчас двенадцать. Время есть. Подождем минут двадцать. Потом пойдем. Но здесь, похоже, спокойно. От той засады далеко.

— Пить охота, — Белов лег на спину и открыл рот, через минуту он разочарованно сообщил: — Нет, мало. Только еще больше пить хочется.

Похолодало. Снег почти перестал идти. А одежда затвердела и похрустывала, как бумага. Сергей подышал на замерзшие пальцы.

— Эй, Белов, а как тебя зовут? Я ведь и не знаю.

— Меня Аликом зовут.

— И по паспорту?

— Нет. По паспорту я Олег.

Еще несколько минут они лежали, не переговариваясь.

— А я в Ростове живу, — вдруг вспомнил Белов.

— В каком? — Сергея это волновало сейчас меньше всего, и он спросил машинально, не переставая вглядываться в темноту, где затаилось уснувшее селение.

— На Дону, — пояснил Алик. — Вы были на Дону, товарищ старший лейтенант?

— Был.

— Как там здорово, правда? Хорошо рыба ловится. Мы с батей ее сетями брали. Правда, этого нельзя делать, но у нас многие браконьерят. А рыбу мы на рынке продавали в нашей же станице.

— Какой станице?

— Богаевской. У нас там здорово. Степи. А летом там так пахнет травами и цветами!.. Это ведь и не объяснишь.

— Вот и не надо, — оборвал его Сергей. — Будешь болтать, нас здесь застукают.

— Да я тихонько, — смутился Белов и замечтался. — Оказаться бы сейчас дома. Новый год скоро.

— Нашел о чем думать. Когда у тебя дембель-то?

— Через год, пять месяцев и две недели.

— У-у, — Сергей усмехнулся. — Да ты еще нестреляный воробей.

— Алик пожал плечами.

— А вы давно служите?

— Да как сказать? Сначала в суворовском училище. Я ведь детдомовец. Ни кола ни двора. Потом в военном училище пять лет... — Сергей запнулся и сердито глянул на Белова. — Чего ты меня разбалтываешь? Лежи тихо.

Алик некоторое время лежал молча, но долго не продержался.

— Плохо, когда сирота. А у меня и мать, и батя. Сестренка маленькая — первоклассница.

— Белов, у тебя что, словесный понос? Помолчи ты, — Сергей вслушивался.

На морозе все время что-то потрескивало и напоминало шаги.

— Черт меня дернул тебя с собой взять, — зашептал Сергей, когда шорохи смолкли. — Смотри у

меня, чтобы к нам с тыла не подкрались. Ты мо-
ложе, зорче.

— А вы, наверное, и в Афганистане воевали?

— Какой к черту Афган? Карабах — да. — Сергей устал одергивать болтуна.

К тому же лейтенант очень хотел курить. Невы-
носимо пересохло во рту, и шершавый язык ка-
зался посторонним предметом, какой-то занози-
стой деревяшкой. Лежать больше Сергей не мог.

— Пошли, — скомандовал он. — Только тихо. Вот этот дом, крайний, видишь?

— Ага.

— Попытайся заглянуть в окно. Я подойду и по-
стучусь. Собак вроде не слышно. Если начнут
стрелять, беги во все лопатки.

— Я вас не брошу.

— Тут геройство неуместно.

До намеченного дома они крались, кажется,
бесконечно долго. Сделали так, как спланировал
старший лейтенант.

Сергей подошел к двери, поднявшись на две
ветхие ступеньки. Белов заглянул в окошко. Одна-
ко кроме темноты он ничего там не увидел. Вок-
руг, в селении, было тихо.

Старший лейтенант постучался и тут же отпря-
нул в сторону. Но никто не стрелял и не отзывал-
ся. Тогда Сергей постучал громче. Только после
этого раздались тихие шаги, и мужской голос
спросил что-то на чеченском. Старший лейтенант
на мгновение замешкался, но тут же сообразил:

— Я русский. Откройте.

— Убирайтесь, — отозвался голос уже по-рус-
ски. — Мне еще жить хочется.

— Я один. Мне только спросить надо. Откройте.
Пожалуйста. Я не причиню вам вреда.

Сергей говорил и чувствовал, что ему не верят.
Но дверь тем не менее открылась, и старший лей-
тенант увидел направленное на него дуло старого
двуствольного ружья. В руках седого старика с
растрепанной бородой ружье подрагивало. Сер-
гей понимал, что со стариком справиться неслож-
но. Но он не хотел поднимать шум, да и к тому же
на самом деле пришел с миром.

— Что нужно? — старик не опускал ружья.

— Еда и вода. Хоть немного.

— Ты откуда?

— С блокпоста. У нас раненые.

— Проходи, — приказал старик и, прежде чем за-
крыть дверь, выглянул во двор и осмотрелся.

В комнате ничего не было видно. У Сергея екну-
ло сердце. "Засада!". Но дед спокойно занавесил
тряпками окна и зажег свечу. Из соседней комна-
ты вышла старуха, держась за спину, обвязанную

шерстяным платком. На голове был тоже платок,
сползавший на лоб. Что-то сказала деду на чечен-
ском, сверкнула на офицера черными глазами из-
под платка и ушла.

— Значит, вам нужна пища? А тебе известно, что
если кто из наших узнает, что я вам дал воду и
продукты, то нас со старухой убьют?

— Знаю, — твердо сказал Сергей, — и тем не ме-
нее. Я старший лейтенант, русский офицер, и
прошу вас, чеченца, помочь нам. Другого выхода я
не вижу. У меня погибли от голода пацаны.

— Ладно. Я дам лепешек и воды. Больше ничем
помочь не могу. Хотя не должен был я тебе ниче-
го давать. Должен был пристрелить тебя. Вы уби-
ли моего сына, — лицо старика, загорелое, с ис-
сушенной кожей, покрылось множеством морщи-
нок. — Все это нелепо. Но пищу и воду вы получи-
те. У вас раненые, и они тоже чьи-то сыновья.
Уходи сейчас, пока темно.

— Спасибо вам, — обрадовался Сергей. — Толь-
ко не могли бы вы налить еще воды в эту фляжку?

Старик кивнул, налил воды и проводил старше-
го лейтенанта до двери.

Сергей положил лепешки в вещмешок, а кожа-
ный бурдюк с водой повесил на плечо. Отошел от
дома и обернулся. Старик, сгорбившись, стоял в
дверном проеме и смотрел ему вслед.

Сергей зашел за дом и негромко позвал:

— Белов, Белов! Где ты? — старший лейтенант
поскользнулся, упал и разбил колено. Он запани-
ковал: "Где этот мальчишка?"

— Белов! Алик!

* * *

— Сережа, Сережа! — Рита трясла его за плечо.

— Что? — Сергей оторвал голову от влажной по-
душки.

— Ты опять кричал и стонал. Тебе плохо?

— Нет.

— Неужели ты не слышишь, как кричишь?

— Нет. У меня было несколько контузий. Я пло-
ховато слышу. А что я кричал?

— Звал кого-то.

— Извини, я помешал тебе спать.

— Это неважно, — Рита прикоснулась к его спи-
не. — Ты весь вспотел. Ты болен. Тебе нужен врач.

— Нет.

— Ты кроме слова "нет" знаешь какие-нибудь
другие? — вспыхнула она.

Сергей улыбнулся, но слова "нет" не сказал.
Встал. Накинул на плечи одеяло и устроился в
кресле. Рита суетилась вокруг него, пыталась убе-

БИЛЕТЫ ДО РОСТОВА

дить, что ему нужен врач. Но Сергей дремал и не отвечал.

Рита устала и легла в постель.

“Поехать бы сейчас домой и забыть этого Сергея с его странностями. Завтра же уеду”.

Штор на окне не было, и довольно много света проникало в комнату. Рита видела его лицо — худое, с чуть впалыми щеками и с высоким ровным лбом.

* * *

Утром Рита позвонила на работу и отпросилась. После бессонной ночи ей нездоровилось. А Сергей ушел охранять свою дамочку, которая успела шоколадно загореть за уик-энд.

Первым делом та помчалась в салон красоты. Само собой, с телохранителем. И пока дамочку там приводили в порядок, подкрашивали, Сергей стоял за дверью. Потом на своем “мерседесе” она помчалась на Кутузовский, впрочем, баранку крутила не она, а шофер. Телохранитель сидел рядом с водителем, молодым улыбочивым парнем.

Дамочка без конца что-то рассказывала о том, как насыщенно провела этот уик-энд. Шофер переглядывался с Сергеем и незаметно комментировал ее болтовню забавными гримасами. Телохранитель не обращал на это внимания, и у шофера без благодарных зрителей пропала охота строить рожи.

Посетив свой магазин, дамочка пожелала обедать в ресторане. А отобедав, она оставшееся до ужина время провела с подругой, хотя Сергею показалось, что подруга имеет большие черные усы и ботинки сорок пятого размера. Но телохранителя это не касалось. Во время ужина в ресторан приехал Игорь сменить Сергея.

— Ну как? — негромко спросил он. — Нормалек?

— Да ну, — отмахнулся Сергей. — Противно.

— Что? — Игорь внимательно посмотрел на друга.

— Муторно мне, Игорек. Эта работа. Кривляние этой... бабенки.

— Да ты всего-то полгода здесь. Привыкнешь. И вот еще что. Ты не знаешь, где Рита? Звонил ее матери. Там Риты нет. А с мужем она развелась. Не случилось ли с ней чего?

Сергей замешкался.

— Она у меня.

Игорь понимающе хмыкнул, но Сергей нахмурился.

— Брось, Игорь. У нас ничего такого. Она просит попросилась пожить. И все.

— Вот тюфяк. Это с твоей стороны все. А с ее...

— И с ее все нормально.

— Это тебе так кажется. Ты после своей Чечни сдвинулся по фазе. Что там у тебя произошло? Мне-то ты можешь рассказать? Может, чеченку там красивую подцепил?

Сергей не ответил, повернулся и пошел к выходу.

— Серега! Прости! Я не хотел обидеть, — крикнул вдогонку Игорь.

Не оборачиваясь, Сергей махнул рукой, мол, я не в обиде.

* * *

Рита завершала уборку и лазила по коридору на четвереньках — мыла пол. У Сергея в доме не было даже швабры. Неожиданно она заметила газетный сверток под шкафом. Осторожно достала его и раскрыла. В нем оказалась медаль “За отвагу” и орден Мужества. Здесь же лежали удостоверения на награды. Они принадлежали Сергею. Рита поддержала на ладони золотистый крест с двуглавым орлом посередине и, выбросив пыльную газету, положила награды в полиэтиленовый пакетик. Туда же уложила удостоверения, и все это бережно поместила в верхний ящик письменного стола, стоящего в комнате.

Вернулся с работы Сергей. Когда Рита открыла ему дверь, он почему-то удивленно на нее посмотрел и сунул ей в руки букет красных тюльпанов. За весь вечер он не проронил ни слова. Поужинал и сел к телевизору. Долго смотрел. Вспомнил о сигаретах и открыл верхний ящик стола, чтобы достать пачку.

Рита наблюдала за ним и увидела, как сильно он побледнел и скривил губы.

— Зачем? — спросил Сергей, не глядя на Риту.

Она догадалась, о чем он говорит.

— Разве им место под шкафом?

Сергей взял пакет, вышел в коридор и сунул все на прежнее место.

Рита опешила, не зная, что сказать. Потом Сергей долго курил и лег спать.

* * *

— Белов! — старший лейтенант пробирался вдоль плетня и шепотом звал: — Алик!

Вдруг он наткнулся на что-то. Чуть не упал.

Белов полулежал, прислонившись к плетню.

— Алик! — старший лейтенант рухнул на колени, но тут же увидел, что автомат висит у Белова на груди. “Значит, не “духи”, — подумал он.

Алик открыл глаза, зевнул и с хрустом потянулся.

Сергей вскочил с колен, и до этого испуганное, жалостливое его лицо стало жестким:

— Спим! — констатировал он. — На посту!

— Ой, товарищ старший лейтенант, — Белов поднялся с земли, — а я и не заметил, как заснул.

— Дать бы тебе по шее, — Сергей уже остыл и сразу ощутил, как сам устал и как хочется спать.

— На, возьми, — он протянул Белову фляжку. — Вода.

Тот, захлебываясь, начал жадно пить. Струйка даже протекла мимо рта, по подбородку.

— Эй, эй, — предупреждая вскрикнул Сергей, — мне оставь! Я, между прочим, не пил еще.

С сожалением Белов оторвался от горлышка и отдал фляжку командир.

— Я сейчас, — сказал он и побежал в ближайшие кусты.

Сергей улыбнулся и отпил воды. От нее, ледяной, занули зубы и запершило в горле так, что он закашлялся.

Белов вышел из кустов, подтягивая штаны и одергивая куртку.

— Холодно, — смущенно пожаловался он.

— А сколько тебе лет? — неожиданно спросил Сергей.

— Мне?! Двадцать... будет скоро, — поправился он.

— Да. С таким пацаном только в разведку ходить, — посочувствовал сам себе Сергей.

— А что? — обиделся Белов. Его совсем не мужественное, по-детски пухлое лицо оскорбленно скривилось.

— Так. Ничего. Возвращаемся.

— А насчет еды вы договорились?

— Да. Только теперь у нас другие проблемы. Надо вернуться и лучше всего не в продырявленном пулями виде. Тсс-с, — Сергей вдруг бросился на землю и увлек за собой Белова.

Чьи-то чавкающие по грязи шаги. Несколько мужских голосов. Говорили на чеченском. Белов глянул на Сергея. В его глазах был только один вопрос: "Засада? Попались?" Старший лейтенант отрицательно покачал головой.

Боевики не спешили уходить. Как же долго они стояли! Сергей перестал ощущать замерзшие ноги. Он боялся пошевелиться и глянуть на часы. Кажется, прошел целый час.

"Что же они стоят? — думал Сергей. — Неужели старик их как-то вызвал? Или это что-то вроде патруля? Черт бы их драл! А если они до утра здесь проторчат? Тогда мы пропали".

Однако боевики не собирались мерзнуть на улице до утра и ушли. Сергей осторожно приподнял голову. Темные фигуры удалялись, но как раз в том направлении, откуда пришли Сергей и Алик.

— Черт! — не удержался старший лейтенант. — Дело дрянное.

— А что? — Белов тоже поднял голову.

— Придется возвращаться другим путем. Как это мы сюда прошли? Там "духов" полным-полно.

— А каким же другим?

— Попытаемся их обойти кругом.

— Мы не заблудимся? — Алик встал, отряхивая влажную грязь, но она только сильнее налипала на одежду.

— Да тут сложно заблудиться. Только надо пошевелиться.

Они снова крались в темноте. Но в этот раз пришлось продираться через кусты, стараясь при этом не шуметь. Ныло в животе от голода. Засохшая на лице грязь стягивала кожу. Мысли у Сергея путались. Хотелось спать. Он все время одергивал себя, чтобы не дремать на ходу, прислушивался к ночным шорохам и вскрикам птиц особенно чутко. Шли долго. Каждый шаг давался с трудом.

— До рассвета часа полтора, — сказал Сергей.

Они прибавили шагу и выбрались к какому-то селению. Старший лейтенант замер, и они с Беловым опять легли в грязь и отползли в заросли кустов.

— Вот попали!

Сергей недоумевал: "Как это мы раньше не замечали этих соседей? Оказывается, "духи" рядом с блокпостом обосновались. Сюда бы танк. Разметелить бы здесь все".

Постройки были частично разрушены, но обитаемы. У одного из домиков, который выглядел лучше других, стояли боевики и хохотали над чем-то.

— Елки-палки, — Сергей прищурился, вглядываясь пристальнее, — да у них тут штаб. Влипли.

— Может, обратно отойдем, — предложил Алик, — а потом обойдем это место.

Старший лейтенант указал на колючую проволоку с обеих сторон от селения.

Белов смотрел на Сергея непонимающе. Тогда он пояснил:

— Они заминировались. Кругом их не обойти. А вот напротив лес. Там, скорее всего, мин нет. Видишь, вон там белеет. Это наш блокпост.

— Значит, нам надо в лес, — понял Алик. — А как же? Как же мы мимо "духов"-то проскочим?

— Придумаем что-нибудь.

Сергей несколько минут что-то бормотал себе

БИЛЕТЫ ДО РОСТОВА

под нос, прикидывал, как попасть к своим живыми. Темнота стала растворяться. Рассвет приближался. Его нельзя было остановить, приходилось спешить самим.

Старший лейтенант достал дымовую гранату. Потом послюнил палец и подставил его ветру.

— Дует справа. Граната у нас одна. Ты победишь первым.

— Почему я? — у Алика расширились глаза.

— Потому что вначале дыма будет больше, и ты спокойно пробежишь, а я сразу следом.

Белов был напуган, но старался не показывать этого.

Сергей хлопнул его по плечу.

— Ничего, Алик, уже немного осталось. Прорвемся. Когда я скажу: "Давай!", беги не оглядывайся. Ладно?

— Да.

Старший лейтенант вздохнул. От одной гранаты, конечно, толку мало, но все же.... Противная слабость сковала руки и ноги. Он с трудом собрался с силами. Надо было кинуть гранату точно, чтобы дым закрыл дорогу, по которой побежит Белов.

Граната пролетела и чмокнулась в грязь. Заструился черный, едва различимый в сумраке, дым.

— Давай! — рявкнул Сергей.

Алик рванулся из укрытия. Полдороги пробежал. Со стороны боевиков раздался крики и беспорядочная пальба. Сергей ждал и уже привстал, чтобы бежать. Вдруг сильный порыв ветра снес дымовую завесу. Но старший лейтенант что есть силы помчался к лесу. За ним летели фонтанчики грязи, которые взбивали пули.

Совсем немного осталось до леса, и Сергей добежал, но по инерции. В спину, прямо под край бронезиловки вошла пуля. Он повалился в гущу кустов и на мгновение потерял сознание. Внутри, в животе невыносимо жгло, как будто заглотнул горящий факел.

Сергей опомнился. Белова рядом не было.

Старший лейтенант глянул на дорогу, по которой они бежали. Алик лежал в придорожной канаве. Укрытие неглубокое, плохо скрывало его. Но боевики не приближались. Они ведь не знали наверняка, сколько еще русских прячется в округе.

— Белов! — крикнул Сергей. — Беги, я прикрою!

Старший лейтенант выпустил длинную очередь в направлении чеченцев. Но Белов, не поднимаясь, чуть-чуть высунулся из укрытия.

— Беги! — еще раз крикнул старший лейтенант. Алик не шевелился.

— Ты ранен? — догадался Сергей, и сам схватился за живот, который прорезала боль.

Белов кивнул в ответ.

Сергей попытался вылезти из-за деревьев и как-нибудь добраться до Алика, но пули истерично взвизгивали и секли землю вокруг Белова и по окраю леса. В глазах темнело. Сергей повалился на бок. Разноцветные пятна плавали перед глазами. С замиранием он ждал, что вот сейчас потеряет сознание, отключится, как в прошлый раз, когда его ранило в грудь. Однако этого не происходило: видно, ранение оказалось не таким опасным. Пуля прошла навылет и, едва Сергей растегнул бронезиловку, на животе булькнула и запузырилась кровь. А во рту он почувствовал ее солоноватый привкус.

Боевики пытались подойти к канаве, в которой затаился Белов. Но старший лейтенант не подпускал их, посылая короткие автоматные очереди. Отчаяние все больше охватывало его. Алик был совсем близко, но подойти к нему Сергей не мог, и Белов не мог перебежать к нему.

Сергей сменил закончившийся магазин и, понимая бессмысленность того, что делает, продолжал стрелять. На что он надеялся? Что появится кто-то и прекратит этот кошмар. Но никто не появлялся, только снова пошел снег, густой и липкий.

У старшего лейтенанта заканчивались патроны. Он оставил последний и теперь ждал, что же будет дальше. Трое боевиков с зелеными повязками на головах, с обычными криками "Аллах акбар!" кинулись к укрытию Белова, стреляя на ходу.

На мгновение Алик высунулся из канавы, но боевики тут же добились его, израненного, выстрелом в затылок.

Не забыли они и про Сергея. Один, пригнувшись, сделал было несколько шагов по направлению к лесу.

Старший лейтенант снял с пояса гранату и взялся за кольцо. "Подойди, подойди," — умолял он чеченца, шевеля пересохшими губами.

Красная ракета осветила небо над лесом. Видимо, на блокпосту догадались, что это группа старшего лейтенанта наткнулась на чеченцев, и подняли тревогу.

— Эй, Шамиль! Не ходи! Убежал он давно. Брось ты! Тем более эти двое наверняка не одни были. Видел ракету? Пошли!

Тот с сожалением на лице повернул обратно. Он взял Белова за ноги и потащил за собой. Шапка с Алика слетела. И голова подпрыгивала по земле так, что светлый ежик волос, алый от крови, забрызгало грязью.

Стало тихо-тихо.

Сергей полз на боку, скинув бронезилят, но тяжелый бурдюк с водой он не бросил. За ним в лужах расплывались пятна крови.

Высланные на подмогу омовцы наткнулись на старшего лейтенанта. Занесли в палатку, где были раненые. Прапорщик пытался выяснить, что произошло и где остальные. Но Сергей потерял сознание. Пришел в себя ненадолго и рассказал, где они попали в засаду. После кратковременной осмысленной и связной речи он совсем обессилел и начал бредить, просил дать ему гранату.

Наконец стали летать вертолеты. Бойцы получили продукты и воду и смогли вывезти раненых с блокпоста.

* * *

— Сережа, ты на работу идешь? — Рита снова разбудила его.

— Нет.

— Как? Тебе разве не надо?

— Надо. Но я не пойду.

— Ты заболел?

— Нет. Просто ухожу с этой работы.

— Почему?

Сергей не ответил и пошел умываться. Потом, не завтракая и ничего не говоря, он ушел куда-то.

Рита бродила по пустой квартире.

— Неблагодарный идиот! — ругалась она. — Даже не заметил, как я убралась. Готовишь ему, а он даже спасибо не скажет. Бесчувственный мерзвец.

Она села на кухне и расплакалась. Потом подошла к телефону.

— Позвоню маме и уеду от него. Он все равно этого не заметит.

Около телефона лежала стопка газет. Из-под нее выглядывал краешек измятого конверта. Она его достала и прочитала обратный адрес — Ростов-на-Дону, станция Богаевская. Рита не удержалась и прочла письмо, написанное неуверенным почерком.

“Уважаемый Сергей Петрович!

Извините, пожалуйста, что я беспокою Вас своим письмом. Меня зовут Евгения Михайловна. Я мать Олега Белова, погибшего в Чечне, под Гудермесом. Его друзья из отряда, в котором он служил, написали мне, что Вы знаете, как погиб мой сын. Что Вы были тогда с ним. Я получила орден Мужества, которым наградили Алика посмертно, но для меня важно другое. Вы, наверно, сами

отец и поймете меня. Сына, конечно, вернуть нельзя, и мне сложно понять, за что погиб мой сын-ночек. Поэтому я и хочу узнать, как он провел последние минуты своей жизни. У меня растет дочь, сестренка Алика, и я говорю ей, что брат был героем, показываю ей крест, его награду, но ничего не могу рассказать, потому что сама не знаю.

Мне, правда, написали из отряда, что Алик был с Вами в разведке и вы искали продукты для солдат. Трое погибли, в том числе и мой Алик, а Вы были ранены, возвращаясь обратно. Но как произошло, что мой сын погиб? Мы с мужем не получили его тела, не хоронили сына. И все кажется — а вдруг он жив. Он рос таким хорошим, послушным мальчиком, и не верится, что его могли убить.

Очень прошу, если это Вас не затруднит, позвоните мне или напишите письмо. Я готова приехать в Москву и встретиться с Вами, только чтобы узнать все про сына. С уважением Белова Е. М.”.

Внизу письма был приписан номер телефона с ростовским кодом.

“Интересно, он позвонил ей? Несчастливая женщина”. Рита уже машинально набирала номер, написанный в письме. Она поговорила с этой женщиной и узнала, что Сергей ей так и не позвонил, хотя письмо она отправила уже четыре месяца назад. Рита не понимала, почему же он не ответил. Может, забыл? Она назвалась женой Сергея.

— Позвоните сегодня вечером. Он будет дома.

Евгения Михайловна поблагодарила, записала номер московского телефона и попрощалась с Ритой.

Повесив трубку, Рита решила все-таки остаться и подождать Сергея.

Наступил вечер, и дом, стоящий напротив, порозовел от закатного солнца. Окна словно шурились и мигали от яркого света. Небольшой лесок виднелся невдалеке. Его окутывала зеленая дымка с белыми вкраплениями дикой цветущей вишни. Мальчишки во дворе жгли какие-то доски, и дым тянулся вверх и дрожал в воздухе.

Рита отошла от окна, услышав, что в замочной скважине прокручивается ключ.

Сергей зашел в квартиру. Волосы у него взлохматились, взгляд был какой-то растерянный. Он прошел на кухню, сел, облокотившись на стол и спрятав лицо в ладони.

— Не могу больше, — выдавил он. — Не могу! Иду по улице, и мне все кажется, что вокруг трупы ходят.

— Как? — не поняла и испугалась Рита.

— Столько трупов я видел там, в Чечне. А ведь до смерти я знал этих людей. Они, так же как мы,

БИЛЕТЫ ДО РОСТОВА

суетились, а потом лежали на земле в крови и уже не торопились никуда. Я не знаю, что мне делать. Как избавиться от такого наваждения? Прекрасно понимаю, все мы умрем, этого порядка не изменить и просто надо жить. Но вижу в живых людях мертвецов. И не понимаю, зачем что-то делать в жизни, если все без толку. Все не имеет смысла.

— Почему же? Вот я, например, лечу людей. Они мне благодарны. Значит, я не зря это делаю? — возразила Рита.

— Да. Но ведь они умрут, и никто потом не вспомнит о тебе.

— Для этого рожают и воспитывают детей. Чтобы помнили, — убежденно сказала она.

— А если не успели детей завести? Вот те мальчишки, что в Чечне воевали, они сами детьми умерли.

— Сережа, мы же говорим о тебе. Их не вернуть. Но надо все делать, чтобы войны не было.

— Что мы можем? Военному нужно выполнять приказы, а не рассуждать.

Риту удивило, что Сергей разговорился. Она не останавливала его и даже поддерживала разговор, хотя плохо понимала, о чем он рассуждает, чувствовала — он что-то недоговаривает.

— А ты, Рита, зачем ты со мной? Я ведь как труп, правда, пока еще живой. Хожу, разговариваю. Но мне тяжело. К строевой не годен, на гражданке — противно. Я так не могу, — Сергей снова обхватил голову руками. Ткнул себя кулаком в грудь. — Здесь, здесь все разрывается. Каждую ночь война снится. Ты понимаешь? Нет. Ты не поймешь.

— Сережа, у меня есть знакомая. Катя. Она психиатр. Давай завтра к ней сходим. Вместе.

Сергей вдруг согласился и кивнул.

— Знаешь что, Сережа, — Рита ликовала, ведь ей удалось в какой-то степени подчинить его себе. — У нас совсем нет хлеба. Пойдем сходим в булочную, пока она не закрылась.

— Сходи одна, — Сергей говорил устало, словно исчерпал последние силы, высказавшись.

И Рита ушла.

Пока она ходила, в квартире прозвучал длинный телефонный звонок. Сергей поднял трубку. Он думал, что это Игорь звонит, чтобы ругать за брошенную работу. Но в трубке звучал взволнованный женский голос:

— Меня зовут Евгения Михайловна. Извините, пожалуйста, за беспокойство, но ваша жена сказала мне, чтобы я позвонила вечером. Я так рада, что вы откликнулись на мое письмо, — женщина говорила торопливо, и голос ее дрожал, она боялась, что ее прервут отказом. — Я так ждала это-

го. Если бы вы могли уделить мне немного времени. Я только узнать хоть что-нибудь о моем Алике, — в трубке послышались рыдания.

С побледневшим лицом Сергей слушал. Евгения Михайловна успокоилась.

— Извините. Мне сказали, что Алик был с вами, когда погиб.

— Да, — с трудом проговорил Сергей.

— Я не отниму у вас много времени. Просто хочу узнать, как мой сыночек выглядел тогда, что говорил. Прошу вас, не отказывайте мне в этом. Для меня это очень важно.

— Да, — сказал Сергей...

* * *

Рита зашла в квартиру.

— Сережа, Сереженька! — позвала она, скидывая туфли. — Я была у Кати. Она ждет нас.

Зашла на кухню. Сергей стоял у окна и курил.

— Знаешь, Рит, ты меня все-таки не поняла. Я не псих, и врач мне не нужен. А забыть то, что там было, я все равно не смогу. Хотя это, наверное, и ни к чему. Просто мы начнем все сначала.

— Мы?! — переспросила Рита.

— Да.

Сергей выложил на стол два желтых железнодорожных билета.

— Сережа, что это? Ты куда-то едешь?

— Да. В Ростов.

— Почему два билета?

— Ты едешь со мной.

Он стоял на фоне окна, и Рита не видела его лица, но ей показалось, что он улыбается.

— Почему это я должна с тобой ехать? — резко спросила она.

— Ты моя жена. Так ты представилась матери Белова?

— Но... — Рита зарумянилась.

— Отставить разговорчики, — Сергей подошел к ней и обнял за плечи. — Лучше собирай мужа в дорогу.

Алексей Пиманов:

«ВЫ НУЖНЫ РОССИИ!»

**Программа
«Человек и закон»
давно завоевала сердца
миллионов телезрителей.
Наш корреспондент
встретился с автором
и ведущим передачи
Алексеем ПИМАНОВЫМ.**

— Алексей, давайте начнем беседу с истории программы «Человек и закон». Когда она начала выходить в эфир? Кто были первыми ведущими?

— Очень сложно говорить о том, как она зарождалась, потому что мне в то время исполнилось всего 8 лет. Впервые на голубом экране передача появилась в апреле 1970 года. Скоро будем отмечать 30-летний юбилей. Из знаменитых ведущих, конечно же, стоит упомянуть Безуглова. Эта фамилия, как мне кажется, всегда ассоциировалась с понятием «человек и закон». Одно время передачу вели юристы Савицкий и Яковлев.

— А как начиналось ваше сотрудничество с ней?

— В 1989 году я перешел в редакцию общественно-политических программ. Работал тогда в «Ступенях». Однако первый мой телесюжет, как это ни парадоксально, вышел именно в «Человеке и законе». Перед команди-

ровкой в Ставрополь ребята попросили меня остановиться по пути в Краснодаре и отснять там материал. Это был мой дебют на телеэкране.

— А вообще давно ли трудитесь в «Останкино»?

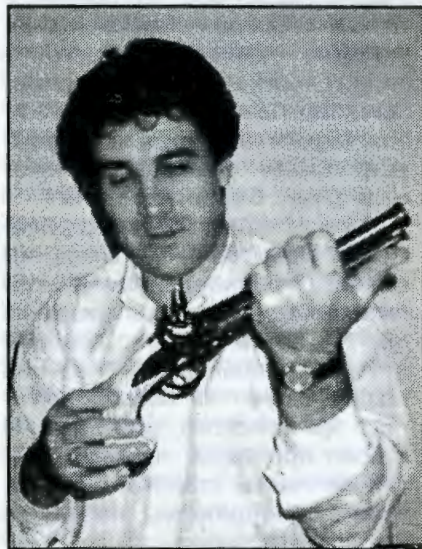
— С 1985 года, сразу по окончании МИФИ. Прошел все ступени должностной лестницы. Был видеоинженером, потом оператором, режиссером, затем старшим редактором, комментатором, директором студии. В 1993-м стал главным редактором. Параллельно закончил факультет журналистики. Сейчас я генеральный директор и продюсер РТС.

— Выходит, у вас две специальности?

— Да. Первая моя профессия — радиоинженер-физик, вторая — журналист.

— Мне почему-то всегда казалось, что передачу «Человек и закон» должны готовить только юристы.

— Это совсем не обязательно, потому что если раньше наша программа поднимала лишь чисто правовые темы, работала в основном на тех, кому за 45, то теперь мы сделали ее более публицистичной. Узкоспециальные передачи отжили свое, отэфарили. Кажется, нам удалось

сломать определенный стереотип, привлечь к экранам внимание молодого зрителя.

— Скажите, Алексей, что еще нового удалось сделать с вашим приходом в «Человек и закон»?

— Мы полностью отказались от старой стилистики программы, поменяли ведущих, студию, тематику. Но при этом постарались сохранить и опытные кадры, к примеру, Юрий Дзарданов продолжает вести узкое направление: защита «маленького человека». Но в то же время мы с Константином Абаевым постоянно готовим к выходу в эфир так называемые «гвоздевые» материалы, связанные с нашумевшими делами. Сейчас большая политика и криминал настолько перемешались, что такие истории, как, например, с Аум-Синрике или с Якубовским, привлекают внимание зрителей.

У нас очень четкое распределение обязанностей. Александр Сенаторов делает исторические сюжеты, к примеру, о царских останках или об известных репрессированных людях. Галина Прохорова занимается съемками

скрытой камерой. Это тоже свой жанр, своя стилистика. Вадим Руденко ведет все, что связано с богемой. Среди на шумевших его сюжетов — дело знаменитого актера Георгия Юматова, самоубийство Лены Майоровой и т.д.

— Скажите, процесс реформирования программы прошел у вас безболезненно?

— Конечно, нет. Были проблемы. Первая возникла, когда меняли эфирное время. Много лет выходили по пятницам в 19.15, а затем начали по средам в 20.10. Любая смена позиций всегда влечет за собой снижение зрительского рейтинга. И вторая проблема: передача потеряла часть старого зрителя, хотя в принципе мы пошли на это сознательно.

Был период, когда резко уменьшилось количество писем, поступающих на передачу. Сейчас снова пошел вал зрительских откликов. Почему? Потому что на местах ситуация становится невыносимой, власть в лучшем случае безмолвствует, в худшем — беспредельничает. Простым людям обратиться за помощью не к кому. Вот они и доверяют нам все свои беды и несчастья. Кстати, в апреле по количеству писем “Человек и закон” был первым на ОРТ. По этому показателю мы всегда в тройке лидеров, вместе с “Поле чудес” и “Здоровье”.

— Существует ли у вас цензура? Есть какие-то консультанты или кураторы?

— Никакой цензуры у нас нет. Правда, существовала проблема, когда МВД вдруг ни с того ни с сего решило, что “Человек и закон” — программа “ручная”. Поэтому вынуждены были всем доказывать, что абсолютно ни от кого не зависим. К слову замечу, мы с уважением относимся к руководству МВД, ФСБ, Вооруженных сил, других силовых ведомств. Однако это совершенно

не означает, что не имеем права никого из них критиковать.

В свое время передача сильно ударила по бывшему министру внутренних дел Куликову. Нам известно, что он вызвал своих людей из Объединенной редакции МВД России и устроил разнос. После этого нам попытались перекрыть доступ к информации. Однако конфликтовать с “Человеком и законом” не стоит. У нас имеется достаточно других альтернативных источников информации, а потому совершенно не пострадали, когда МВД от нас отвернулось, закрылось. Сейчас, с приходом Степашина, многое меняется в лучшую сторону.

Еще раз подчеркиваю: никакой цензуры, никакого кураторства, никаких консультантов у нас нет. Мы сами по себе.

— Алексей, вы не только автор, ведущий и руководитель “Человека и закона”, но и продюсер популярных программ “Армейский магазин”, “Здоровье”, “Документальный детектив”. Трудно ли возглавлять такую солидную фирму, как РТС?

— Да, трудно. Одно дело, когда готовишь игровые программы, и совершенно другое — работать над публицистическими. Имидж абсолютно разный. К примеру, с Леной Малышевой мы отказываемся от показа многих сюжетов в “Здоровье”, которые, на первый взгляд, кажутся интересными. Считаю, что не имеем права этого делать, основательно не проверив те или иные моменты. То же самое можно сказать и о “Человеке и законе”. У программы настолько сильный и устоявшийся имидж, что мы после монтажа перепроверяем практически каждое слово, каждый факт. Боимся выдать в эфир что-то лишнее, потому как люди нам верят. А не оправдать это дове-

рие, подорвать его мы не имеем права.

Что касается “Документального детектива”, то делают его такие известные на ТВ люди, как Вахтанг Микеладзе, Юрий Краузе, Павел Веденяпин и Станислав Белянинов. Программа выходит в эфир раз в две недели в 23.30. Рейтинг ее также очень высок.

С “Армейским магазином” немного попроще, потому что программа эта посвободнее. Хотя поначалу была идея сделать ее более публицистичной, серьезной. Потом решили от этого отказаться. Согласитесь, даже я в свои 36 лет никогда не пойму, что ощущает и что хочет увидеть человек в 16-19 лет. Кстати, и с “Армейским магазином” была интересная ситуация, когда пресс-служба Министерства обороны попыталась вдруг оттолкнуть от себя программу. На что мы сказали: зря вы так, все равно передача будет жить.

— Алексей, коль мы завели разговор на армейскую тему, скажите, вы служили срочную службу?

— Да, конечно, как и все нормальные люди, граждане своей страны. Призван был с 3-го курса института в 1983 году. Попал на Байконур. Служил в войсках, обеспечивавших связь космодрома с Центром управления полетами. Наша площадка находилась всего в 6 километрах от знаменитой “двойки”, откуда запускали Гагарина. Мы ее называли “человеческой площадкой”.

— Тяжело было после учебы в институте служить в закрытой зоне?

— Да, нелегко. Ни о каких увольнениях речи не шло. В лучшем случае раз в месяц по предписанию попадали в Ленинск. Климат резко континентальный: 56 градусов жары летом и минус 30 с ветром зимой. Тяжело было привыкать, осо-

бенно в первый год службы. А с другой стороны — интересно. Ведь это все-таки Байконур! Одни ночные запуски чего стоили!

— **Кругом степи, и в самоволку сбегать было некуда?**

— Какая самоволка?! Меня призывали в мае. А за площадку впервые вышел только в сентябре. Помню, приехал в Ленинск, где на каждом шагу патрули, которые не давали отклониться от установленного предписанием маршрута. Вдруг увидел молодую пару с детской коляской. Скажу честно, у меня слезы на глазах выступили.

— **А была ли тогда у вас пресловутая дедовщина?**

— Чего скрывать, была, конечно. Причем очень сильная. Другой вопрос в том, что мы удержались. Наш призыв дал ей сильнейший отпор.

— **Если не секрет, в чем конкретно выражались проявления дедовщины?**

— У нас была специфическая ситуация. Дело в том, что ежедневно в половине шестого вечера все офицеры, кроме одного, который оставался в техническом здании и очень редко заходил в расположение роты, уезжали в Ленинск. Утром, к 9 часам они возвращались на службу. Старшим на всю ночь оставался сержант. Можете себе представить, что творилось в подразделении...

В первую же ночь нас подняли “старики”, построили и сказали, чтобы мы им подшили подворотнички, постирали хэбэ, почистили сапоги. Ребята моего призыва оказались сильными, здоровыми, спортивными. Некоторым из нас было чуть-чуть за 20, люди успели до армии жениться, завести детей. А тут вдруг... Естественно, “дедам” это не понравилось. Посыпались угрозы сгноить, в степи закопать и т. д. Но мы не дали себя в обиду. Всегда держались друг за друга.

Поначалу на нас, конечно, обозлились. Как это так: системе, складывавшуюся годами, вдруг разрушить?! Но мы выдержали все испытания. И где-то через полгода мой призыв просто начали уважать. Когда уволились в запас, “молодые” еще долго продолжали нам письма домой писать.

— **Так каков же совет автора и ведущего популярной программы “Человек и закон” молодым воинам, начинающим службу?**

— Совет один: нужно уметь всегда за себя постоять. И никогда не сдаваться, как бы трудно ни пришлось. Кому-то это может показаться банальным. Но вы, начинающие службу пацаны, учтите, что любой “дембель”, пусть даже он кажется очень “крутым”, хочет вернуться после армии домой, а потому определенную грань никогда не переступит. Если, конечно, вы сами ему не позволите. Если же дали слабинку, тогда считайте, пропало: вам и селезенку могут отбить, и челюсть сломать. Все это от без-на-ка-зан-но-сти!

Если же дадите пару раз достойный отпор, то никто и никогда на вас не полезет. Станут угрожать, обзывать, издеваться словесно, то есть давить психологически, но не более того. И держитесь всегда друг за друга.

— **Алексей, расскажите, пожалуйста, какой-нибудь забавный случай, который произошел у вас во время службы.**

— Смешных моментов было предостаточно. Но один из них, безусловно, очень интересный. Причем сразу хочу предупредить: это не байка, не анекдот. Все было на самом деле...

Однажды утром нас построили на поверку, и майор дал мне зачитать приказ командующего Байконуром. Содержание его

было таким: солдаты должны писать домой только правду...

— ?

— Оказывается, какой-то парень из соседней части написал своей маме примерно следующее: “Ты не верь, что на орбиту летают космонавты. Их только снимают на Земле у макетов кораблей и показывают по телевизору. А вообще в космос летаем мы, простые солдаты. Я уже летал два раза...” Мягко говоря, парень странный. Но не менее странной оказалась его мама. Она написала в приемную министра обороны полное возмущенное письмо и потребовала приписать сыну... звание Героя Советского Союза. По команде это послание спустили до непосредственных начальников, естественно, с соответствующими резолюциями. Так и родился очень забавный приказ. Мы потом долго смеялись над этим.

— **Алексей, давайте поговорим на тему более добрую, благородную и приятную. Ваша супруга Валентина сделала прекрасный фильм “Генерал Романов: “Я вернусь...” Режиссером и продюсером этой картины были вы. Скажите, почему именно образ бывшего командующего внутренними войсками привлек ваше внимание?**

— Безусловно, личность Романова привлекла не случайно. Мы внимательно наблюдали за ним во время боевых действий в Чечне, когда Анатолий Александрович был еще в добром здравии. Вот уж поистине настоящий генерал! Один только внешний вид, умные глаза говорили об интеллигентности и порядочности этого человека. Для войск большое счастье, когда такие люди служат в них. По-моему, с точки зрения пропаганды армии, он один сделал больше, нежели различные управленческие машины.

Мысль сделать фильм возникла после того, как в одной из газет появилось интервью с Ларисой Романовой. Это интервью показалось нам очень глубоким, каким-то поверженным. И мы вдруг поняли, насколько эта трагедия страшна и в то же время насколько велик подвиг женщины — супруги генерала.

Однажды позвонили Ларисе Васильевне, не особенно рассчитывая, что она пойдет на разговор, согласится помочь в создании фильма. Конечно, понимали, что тема достаточно интимная, что мы влезает в личную жизнь, но главное, Лариса Васильевна, постоянно общаясь с нами, потихоньку начала осознавать: мы не из тех журналистов, которых интересуют “жареные” факты. Словом, угваривали мы ее месяца два.

— **Расскажите более подробно о работе над картиной.**

— Когда начали готовить фильм, очень расстроились. Как раз в то время по НТВ и МТК прошло несколько репортажей о генерале Романове. Его показали в палате во время медицинских процедур. Это было очень бестактно со стороны журналистов. Такого никогда нельзя делать. Мы тоже снимали очень много в госпитале, однако показали не все, опасаясь переступить какую-то невидимую грань.

Во время съемок очень полюбили семью Романовых. Поверьте, мы постарались рассказать телезрителям о тех, кто нас защищает, об истинных офицерах. Пока есть такие генералы, Россия стоит и стоять будет!

— **Что и говорить, фильм удался на славу. Мне особенно запомнился момент, когда Анатолий Александрович сидит в коляске, и видно, что сердится на оператора.**

— Да, он не двигался, не разговаривал, но чувствовалось,

как генерал контролировал свое внутреннее состояние, отслеживал ситуацию.

— **Долго работали над фильмом?**

— Делали картину полгода, хотя могли снять за месяц-полтора. Мы работали на эмоциях. Как режиссер для себя я сначала выстраиваю чисто эмоциональную волну. Затем складывается сам монтаж.

Для Валентины, моей супруги, фильм тоже стал очень важным и знаменательным. Она два года болела, и это был ее первый эфир после столь длительного перерыва. Кстати, даже во время съемок она плохо себя чувствовала. Но все преодолела, пересилила. Произошло своеобразное эмоциональное возрождение. Скажу честно: для нас, авторов, фильм важен больше, чем может показаться на первый взгляд.

— **Кто помогал вам в съемках?**

— Мы обращались за помощью в Объединенную редакцию МВД России. У нас там много друзей. Когда сказали, что собираемся снимать картину о генерале Романове, нам отдали все материалы, которые у них были. Дмитрий Богородский, например, без сожаления расстался с бесценной видеозаписью: последним интервью с Анатолием Александровичем перед взрывом.

Помог Валерий Жевтобрюх из Главкомата внутренних войск. Нам он подарил видеопленку с хроникой чеченской войны.

— **Огромное спасибо вам, Алексей, низкий поклон вашей супруге Валентине от имени сотен тысяч военнослужащих внутренних войск за искренний и душевный фильм о нашем боевом товарище.**

Одна из ваших передач “Человек и закон” была посвящена группе “Альфа”. Она понравилась многим. В ней

вы рассказали и о дне сегодняшнем, и о ветеранах этого спецподразделения, отдали дань уважения погибшим. Нет ли в планах на будущее снять подобную программу о спецназовцах внутренних войск? К примеру, о “Витязе”, “Руси”, “Росиче”?

— Сразу делаю официальное предложение руководству Главкомата внутренних войск: давайте снимем и как можно быстрее. Рассказать о том, как нормальные мужики делают нормальную военную работу, о том, что есть настоящие офицеры и просто классные ребята, которые хорошо обучены, всегда здорово. Мы готовы и просто счастливы идти на сотрудничество. С удовольствием сделаем не одну передачу, а несколько. Однако проблема заключается в том, что зачастую силовые структуры просто не хотят идти с нами на контакт.

— **Надеюсь, на этот раз такого не произойдет. И в заключение беседы, Алексей, что бы вы пожелали нашим военнослужащим?**

— Служите и ощущайте, что нужны России, что без вас ей не обойтись! Я желаю всем сохранить в себе веру в Отечество. Знайте, что вы служите великой стране, где вас любят, ценят, понимают и уважают. Дух русского офицерства никогда не должен умереть!

— **Благодарю за интервью. Огромный успех вам и вашим коллегам по РТС.**

Беседовал
майор Геннадий ШАХОВ

Фото автора

Под редакцией
мастера спорта Александра КАЛИНИНА

Публикуется впервые

фланг окончательно разрушен, черный конь проявил редкую боеспособность. Так, на 18...de последует 18...K:e2+. 19.Kpf2 K:c1. 18.fg Ф:d6 19.Kpf2 Фh6 20.Cd4 Фh2+ 21.Kpe1 Ф:g3+ 22.Kpd2 Фg2 23.Kb2 Ca6 24.Kd3 C:d3 25.Kp:d3 Лbд8 26.Cf1 Фe4+ 27.Kpc3 c5! 28.C:c5 Фс6 29.Kpb3 Лb8+ 30.Kpa3 Лe5 31.Cb4 Фb6. Белые сдались, ловушка оказалась непреодолимой.

АФОРИЗМЫ,

ПОСЛОВИЦЫ,

ФРАЗЫ

"Люди тупые гораздо меньше делают глупостей, чем люди умные" (Ф.Достоевский).

"Идеал тогда идеал, когда возможность приближения к нему бесконечна" (Л.Толстой).

"Искренние эстетические чувства составляют условие человеческого достоинства" (В.Белинский).

"Появление талантливого произведения — это крик о помощи" (К.Паустовский).

Талантливое произведение делает видимым убожество посредственности.

У таланта врагов и недоброжелателей во много раз больше, чем друзей и почитателей в творческой среде. В народе же наоборот!

В иной шахматной композиции вариантов густо, да на душе пусто.

"Все можно выдумать, психологию выдумать нельзя" (Л.Толстой).

В двухходовке № 28 необычные перекрытия. После 1.Ca1! от угрозы 2.Фe5X защищает слон — 1...Cf6 или 1...Cd6, но он перекрывает пешки и проходит 2.Фh7X или 2.Фa8X. При защите пешками 1...f6,d6 перекрывается слон и следуют другие маты — 2.Фh4, Л:b4X! Дополнительные варианты: 1...Kf3 2.Cd3X! — блокирование, 1...Kd3 2.Фh1X! — отвлечение, 1...Ld4 2.Ф:d4X! — привлечение.

Решение трехходовки № 29 просто, но есть небольшой парадокс. Его вы лучше воспримете, если решение найдете самостоятельно.

В этюде № 30 неожиданный финал — мат при ничейном соотношении сил: 1.d7 Лс8! 2.дсФ К:c8 3.Cc5! Кpg7 4.Кре3 Кpf6 5.Kpf4 Ке7. Конь ушел из-под "ареста", но 6.Cd4X!

Любителям гетеродоксов предлагаем решить.

№ 31. Крh1, Фd5, Ce2, Kc2, пп.b5, f2, h4 (7) — Кpf4, Ca7, пп.b6, h2, h3 (5), обратный мат в 4 хода.

№ 32. Кра8, Ch8, п.g5 (3) — Кра3, Ca1, Cb1, п.b3 (4), кооперативный мат в 4 хода.

ДЕБЮТНАЯ ЛОВУШКА

Следующая партия сыграна в 1979 году на турнире в Монреале. Она примечательна тем, что голландский гроссмейстер Я.Тимман, игравший белыми, угодил в дебютную ловушку, приготовленную А.Карповым для... В.Корчного. В шахматной печати партия была отмечена не только как лучшая, но и как важнейшая в теоретическом отношении. Рекомендуем нашим читателям посмотреть ее.

Я.Тимман — А.Карпов. Английское начало. 1.c4 Kf6 2.Kc3 e5 3.Kf3 Kc6 4.e3 Ce7 5.d4 ed 6.K:d4 0—0 7.K:c6 bc 8.Ce2 d5 9.0—0 Cd6 10.b3 Фе7 11.Cb2 dc. В этом ходе черных и скрывается идея ловушки. А.Карпов пи-

шет: "Идея эта может показаться довольно спорной, но тактически она вполне оправдана. Основная задача черных — максимально расширить сферу действия своих фигур, нацеливая их на штурм королевского фланга. Например, при 12.C:c4 у черных ряд продолжений: 12...Фe5 13.g3 Ch3, или 12...Kg4 13.g3 K:h2 и даже 12...C:h2+!".

Партия продолжалась так: 12.bc Лb8! В борьбу с темпом включилась ферзевая ладья, и белым следует быть начеку, так как в воздухе витают двойные удары, например: 13.Лb1? Л:b2 14.Л:b2 Фе5! Поэтому белые играли иначе. 13.Фс1 Kg4 14.g3 Лe8 15.Kd1 K:h2! 16.c5 K:f1 17.cd K:g3. Королевский

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

("На боевом посту", № 7, 1998)

№ 25. Крд1, Лс5, пп.e2, e3 (4) — Кре4 (1), мат в 5 ходов. 1.Лg5! Кр:e3 2.Лg4 Кpf2 3.Крд2 Кpf1 4.Кре3 Кре1 5.Лg1X!

№ 26. Крg8, Фе8, пп.c6, h7 (4) — Крд3, Фс2, Лd8, Ке2, пп.b3, c7, e6, g6, h6 (9), кооперативный мат в 3 хода. 1.Ф:c6 hBC!! 2.Кре4 Cc3! 3.Лd3 Ф:c6X!

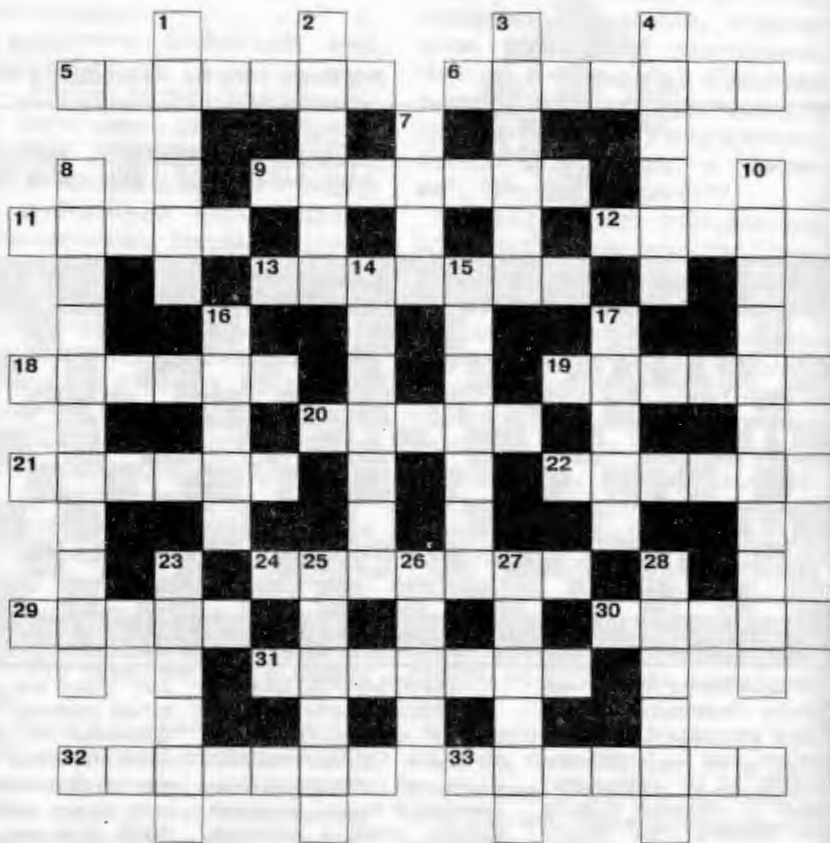
№ 27. Крh8, Фе2, Cg8, Кс8, пп.a3, c4, h7 (7) — Кра5, Фе8, пп.a4, a6 (4), обратный мат в 4 хода. 1.Фh5+ Фd5 2.Фe5! Фс5(b5) 3.Фe1+! Фb4 4.Фс1! Ф:c3X!

Проверьте
свои
решения

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Деталь ударно-спускового механизма стрелкового оружия. 6. Отверстие для стрельбы в оборонительном сооружении. 9. Русский генерал от инфантерии, в Отечественную войну 1812 года начальник штаба 1-й армии. 11. Холодное оружие. 12. Город в Смоленской области, награжденный орденом Отечественной войны 1-й степени. 13. Советский авиаконструктор. 18. Фитильное крупнокалиберное ружье. 19. Место размещения войск вне населенного пункта. 20. Советский ученый-артиллерист, изобретатель ракеты на бездымном порохе. 21. Казачий атаман, сподвижник А. В. Суворова. 22. Офицерский чин в русской кавалерии. 24. Вид боеприпаса. 29. Один из организаторов национально-освободительного движения русского народа против польской интервенции. 30. Боевое отравляющее вещество. 31. Высокобризантное взрывчатое вещество. 32. Краткий устный приказ командира. 33. Старый, опытный воин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Раздел физики. 2. Подвижная часть крыла самолета. 3. Драгоценный металл. 4. Древнерусское тяжелое ружье. 7. Французский изобретатель буквопечатающего аппарата многократного телеграфирования. 8. Основной вид военных действий в целях разгрома противника. 10. Пьеса Л. И. Славина. 14. Военное гребное судно. 15. Поперечный силовой элемент конструкции летательного аппарата. 16. Человек, совершивший подвиг. 17. Столица государства в Азии. 23. Спортивное общество, которому в этом году исполнилось 75 лет. 25. Дорога, параллельная линии фронта. 26. Инертный газ. 27. Специалист по какому-либо виду спорта. 28. Серия американских ракет-носителей.

**Составил
старший прапорщик
Юрий ИВАНОВ**

г. Новочебоксарск.

ОТВЕТЫ НА СУПЕРКРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Опея. 4. Шкипер. 9. Бриссо. 12. "Океан". 16. Огрже. 18. Гидросамолет. 19. Колмановский. 20. Иго. 21. Прохорова. 28. Ротмистров. 34. Петрова. 35. Палка. 36. Майор. 37. Истина. 38. Рохлин. 39. Вермахт. 41. Антонов. 43. Капитуляция. 48. Шмаков. 52. Анклав. 54. Валганг. 55. Диптанк. 56. Чкалов. 58. Солдат. 59. "Тачанка". 61. Сатис. 63. Конев. 65. "Истоки". 66. Егоров. 67. Линза. 68. Траур. 69. Мачете. 70. Охрана. 71. Ворот. 73. Зосим. 75. Криппс. 77. Отпуск. 79. Ключе. 80. Велюр. 81. Соколов. 85. Конвой. 87. Крылов. 89. Фоменко. 90. Стрелок. 91. Ятаган. 93. Стилет. 96. Допризывник. 102. Автомат. 104. Абордаж. 107. Тирпиц. 108. Рекрут. 109. Абвер. 110. Барак. 111. Потерна. 112. Артиллерия. 118. Калашников. 123. Код. 124. Фоторазведка. 126. Рокоссовский. 127. Рация. 128. Вираз. 129. Москва. 130. Дротик. 131. Афина.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Триер. 3. Порох. 5. Камов. 6. Полка. 7. Рот. 8. Григореску. 9. Бек. 10. Иллер. 11. Старт. 13. Кисет. 14. Авизо. 15. Истр. 17. Зори. 21. Попов. 22. Отпор. 23. Опахало. 24. "Орбита". 25. Кортик. 26. Семани. 27. Авария. 29. Околия. 30. Магнат. 31. Самутин. 32. Район. 33. Взрыв. 40. "Ермак". 42. Осада. 44. Платт. 45. Тягач. 46. Лидин. 47. Цапфа. 49. Колесо. 50. Ватулин. 51. Антанта. 53. "Кольцо". 57. Василевский. 58. Североморск. 60. Эскадра. 62. "Счастье". 63. "Кутузов". 64. Горнист. 72. Режюньон. 74. Солидол. 76. Подвиг. 78. Поньери. 81. Синоп. 82. Кроки. 83. Ласты. 84. Ворон. 86. Остов. 88. Опека. 92. Адмирал. 94. Тромбон. 95. Атташе. 96. "Дороги". 97. Рацион. 98. "Знаменосцы". 99. Ворона. 100. Короча. 101. "Катюша". 102. Атака. 103. Тавот. 105. Дарик. 106. Жуков. 113. Риони. 114. Ижора. 115. Луар. 116. Ровно. 117. Яндок. 118. Какао. 119. Лиски. 120. Шкот. 121. Иосиф. 122. Орион. 125. "Ара". 126. Ряд.

Фильм... Фильм? Фильм!

Известный режиссер и сценарист Булат Мансуров завершает съемки эпопеи «Теплые ветры древних булгар». Вместе с Л.Куравлевым, В.Лановым, Э.Быстрицкой перед камерой работают солдаты и офицеры ОДОН. В планах Булата Багаудиновича — создание телесериала об истории российских внутренних войск.

Полковник В.ПАНЧЕНКОВ

НАГРАДЫ РОССИИ

ПОЛОЖЕНИЕ

о знаке отличия «За безупречную службу»

Знаком отличия "За безупречную службу" награждаются граждане, избранные или назначенные на должности в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами, а также государственные служащие.

Награждение знаком отличия "За безупречную службу" производится за конкретные заслуги, принесшие существенную пользу Отечеству.

При наличии заслуг к награждению знаком отличия "За безупречную службу":

XV (лет) представляются военнослужащие, безупречно прослужившие не менее 15 календарных лет и награжденные орденом или медалью за личное мужество и отвагу, проявленные при выполнении воинского долга;

XX, XXV, XXX, XL, L (лет) представляются граждане, безупречно прослужившие соответственно 20, 25, 30, 40, 50 лет и награжденные двумя и более государственными наградами.

Военнослужащим вручается знак отличия "За безупречную службу" на георгиевской ленте, другим гражданам — на ленте ордена "За заслуги перед Отечеством".

Знак отличия "За безупречную службу" носится на левой стороне груди и при наличии орденов и медалей располагается ниже их.

ОПИСАНИЕ

знака отличия «За безупречную службу»

Знак отличия "За безупречную службу" представляет собой прямоугольник размером 29 мм на 32 мм, на котором расположен венок из дубовых ветвей — для военнослужащих, из лавровых — для других награжденных. В центре венка римскими цифрами обозначается число лет службы. Основа знака обернута шелковой муаровой лентой. Для военнослужащих — лента георгиевская, для других награжденных — лента ордена "За заслуги перед Отечеством". Ширина ленты 32 мм.

Для военнослужащих знак отличия из серебра с позолотой, имеет обозначения XV, XX, XXV, XXX лет. На оборотной стороне номер знака и нарезной штифт с гайкой для прикрепления знака к одежде.

Для других награжденных знак отличия с обозначениями XX, XXV лет из серебра, с обозначениями XXX, XL, L лет — из серебра с позолотой, на знаке с обозначением L обозначение L — из золота. На оборотной стороне — номер знака и булавка для прикрепления знака к одежде.

